

Russische Geschichte und Erzählung
5 Bde 2719

P.o. nel. 3345-1

Zovisti

<36634759190018

<36634759190018

Bayer. Staatsbibliothek

РУССКІЕ

НОВЫЯ

И

РАЗСКАЗЫ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ 1832,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

ВАСКИЕ

ИТОВРО

II

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлены были
въ Ценсурный Комитетъ при экземпляра.**

Санктпетербургъ, 11 Октября 1852 года.

Ценсоръ В. Семеновъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ 1852

ВЪ ПЕЧАТѢ ИЛИ ПО ПЕЧАТѢ

И С П Ы Т А Н И Е.

THE GREAT BRITAIN
MUSEUM

.... Въ благовонномъ дымѣ прубокъ,

Какъ звѣзда, несется кубокъ,

Влажной искрою горя

Жемчуга и яшмара ;

Въ немъ играя и свѣплѣя ,

Дышитъ пламень Прометея ,

Какъ безсмертія заря !

Невдалекѣ отъ Кіева, въ день зимняго Николы, многіе офицеры . . . скаго гусарскаго полка праздновали на именинахъ у одного изъ любимыхъ эскадронныхъ командировъ своихъ, Князя Николая Пепровича Гремина. Шумный обѣдъ уже кончился, но шампанское не успавало лишься и питься. Однако же, какъ ни веселы были госпи, какъ ни искренны ихъ бесѣда, разговоръ начиналъ поминься, и смѣхъ, эта Клеопатрина жемчужина, распаялъ въ бо-

калахъ. Запасъ уѣздныхъ новоспей испощился; лесныя мечпы о будущихъ ваканціяхъ къ производству, любопытные споры о поспрое- ніяхъ, похвальба конями и даже всѣ возмож- ные шоспы, въ изобрѣпеніи коихъ воображе- ніе гусара конечно можетъ спорить съ лю- бымъ калейдоскопомъ, — все наскучило своей чередою. Оспряки досадовали, что ихъ не слу- шаютъ, а весельчаки, что ихъ не смѣшаютъ. Языкъ, на которъй, право не знаю, почему, скорѣе всего дѣйствуетъ законъ пягопѣнія, замѣтно упорспвовалъ подниматься къ небу; — восклицанія, вздохи и шабачные пухы спа- новились рѣже и рѣже, по мѣрѣ того, какъ величественныя зѣвки, подобно электрической искрѣ, перелетали съ успѣ на успѣ . . .

Я могъ бы, при сей вѣрной оказіи, подра- жая милымъ писателямъ Русскихъ новоспей, описать всѣ подробноспи офицерской квар- тиры до синяго пороха, какъ будто къ сдачѣ аренды; но зная, что шакія микроскопическія красны не по всѣмъ глазамъ, я разрѣшаю моихъ чипапелей отъ волнованія шабачнаго дыма, отъ бряканья спакановъ и шпоръ, отъ Гомеровскаго описанія дверей, изспрѣланныхъ

писпослѣдними пулями, и спѣвъ, исчерчен-
 ныхъ завѣтными спихами и вензелями, опѣ
 висящихъ на спѣвъ мундшпукѡвъ и пашки,
 опѣ нагорѣлыхъ свѣчѣ и длинной пѣни усовѣ.
 Когда же я говорю про усы, то разумѣю подѣ
 эшимъ обыкновенные человѣческіе, а не кипѡ-
 вые усы, о копорыхъ, если вамъ угодно знаѣтъ
 пообспояпельнѣе, вы можете прочесѣть слав-
 наго киполова Скорезби. Впрочемъ, да не по-
 мысляѣтъ поклонники усовѣ, будѣо я бросаю
 ихъ изъ неуваженія! сохрани меня Аввакумъ!
 Я самъ счищаю усы благороднѣйшимъ укра-
 шеніемъ всѣхъ шеплокровныхъ и хладнокров-
 ныхъ живошныхъ, начиная опѣ прехѣ-бунчуж-
 наго Паши до осепра. Но вспомните, чѣо мы
 оспавили госпей не проспаясь, а эѣо не слиш-
 комъ учпиво. Безъ насъ уже половина изъ нихъ,
 неподспрекаемая великимъ двигапелемъ сер-
 децѣ — банкомъ, склонила головы свои на край
 спола, между шѣмъ, какъ оспальные, болѣе
 крѣпкіе, или болѣе воздержные, спорили еще,
 сидя: »чѣо красивѣе, проерядный или пашп-
 рядный меншикъ?« Вдругъ звонъ колокольчика
 и попошѣ злой шройки заглушилъ ихъ пренія.
 Сани шаркнули подѣ окномъ, и Маіоръ Спирѣ-

линскій уже споялъ передъ ними. »Здравспвуй! здравспвуй!« лепѣло къ нему со всѣхъ споронъ.—»Прощайте, друзья мои!« отвѣчалъ онъ: »оппускъ у меня въ карманѣ, кони у крыльца, и репивое на берегахъ Невскихъ; я заѣхалъ сюда на минушу: поздравипъ милаго имянинника, и выпипъ прощальную чашу. Спо лѣпъ счаспія!« воскликнулъ онъ, обращаясь къ Князю, съ бокаломъ шампанскаго, и дружески сжимая его руку.—»Спо лѣпъ! Милоспи просимъ на погребенье, « — отвѣчалъ, усмѣхаясь, Гремипъ: — »и я увѣренъ, что пы заключипъ старипную дружбу нашу похвальнымъ словомъ надъ моею могилою!«

—»Похвальнымъ словомъ? Нѣпъ! это слишкомъ обыкновенно. Да и зачѣмъ хвалипъ того, кого не за что бранипъ! — Впрочемъ, какъ ни упоренъ языкъ мой на панегирики, швое желаніе одушевляепъ меня казарменнымъ краснорѣчіемъ. Не хочу однако жъ проникапъ въ будущее — нѣпъ, я произнесу только надгробное слово эпипъ живымъ и чупъ живымъ покойникамъ, за споломъ и подъ споломъ уснувшимъ. Начинаю съ тебя, милый Корнепъ Посвистповъ! ибо въ царспвѣ мерпвыхъ и послѣд-

ніе могутъ бытъ первыми. Да покоиися пвое
 романпическое воображеніе, копорое, будучи
 орошено ромомъ, пылало какъ плумъ-пудингъ!
 Тебѣ недоспавало только риѣмъ, чпобы сдѣ-
 латься Поэпомъ, копораго бы никто не по-
 нялъ, и Грамматики, чпобѣ бытъ Прозаикомъ,
 копораго бы никто не чипалъ. Самъ Зевесъ
 низпослалъ на тебя сонъ въ опраду ушей
 всѣхъ ближнихъ! . . . Миръ и тебѣ, храбрый
 Роммиспръ Ольспрединъ: ты никогда не опаз-
 дывалъ на звонъ сабель и спакановъ. Ты, ко-
 торый пакъ зашягиваешься, чпо не можешь
 сѣспъ, и напянувшись, не въ силахъ вспапъ!
 Да покоиися же пвое пуловище, покуда звукъ
 трубы не призоветъ тебя къ спрашному рас-
 чету: »съ права по при и по при на право
 кругомъ!« — Миръ и пвоимъ усамъ, нашъ домо-
 рощеный Жомини, у копораго арміи лешали,
 какъ журавли, и крѣпоспи лопали, какъ бу-
 пылки съ кислыми щами! Системы не спасли
 пвоей операціонной линіи . . . ты палъ, ты
 спрашно палъ, какъ Люциферъ или Наполе-
 онъ, съ верхняго конца въ преисподнюю под-
 сполья! . . . Долгій покой и тебѣ, кларне-
 писпъ бе-мольной памяпи, Бренчинскій, ко-

порый даже собаку свою выучилъ лаять по
нопамъ. Бывало ты однимъ духомъ опдувалъ
любой актъ изъ Фрейшица; а теперь одна
апликашюра V. C. P. со звѣздочкой, низвергла
тебя, какъ прорванную волюнку. — И тебѣ,
Лордъ-Байронъ мазурки, Спрепешовъ, кружив-
шій головы дамъ неупомимоспїю ногъ своихъ
въ вальсѣ, такъ, что ни одна не покидала те-
бя безъ сердечнаго біенія — опять успалоспи.
Ты вѣчно былъ въ разладѣ съ музыкою; — за то
вѣчно доволенъ самъ собою. Миръ сердцу тво-
ему, честолубецъ Пяпачковъ! хоча ты и во
снѣ хочешь перехрапѣть своихъ поварищей,
и тебѣ, другъ, Сусликовъ! что глядишь на
меня, будто собираешься разсуждать, и на-
онецъ всѣ вы, о копорыхъ такъ же трудно что
нибудь сказать, какъ вамъ чтонибудь выду-
мать, покойтесь на лаврахъ своихъ до радо-
спнаго ушра — да будетъ крѣпокъ вашъ сонъ
и легко пробужденіе!»

»Аминь!» сказалъ Греминъ, смѣючись. »Тебѣ,
однако жъ, пришлось бы, въ награду за рѣчь
эту, промѣнять не одну пару пуль, или из-
зубришь не одну саблю, если бъ господа могли
все слышать.»

» Тогда я не счелъ бы ихъ мершвецами, и не сказывалъ бы надгробной проповѣди. Впрочемъ, съ пѣми, кпо не принимаетъ шупки за шупку, я гошовъ расплапшсья и свинцовою монешою.«

—» Полно, полно, любезный мой Донъ Кихотъ; мы между друзьями.— Не спѣши прощашься; мнѣ нужно дашь тебѣ порученія въ Пешербургъ, немного поважнѣе покупки вешишкеповъ и помады.— Черезъ чешверть часа колокольчикъ будешъ уже звенѣть въ ушахъ пвоихъ вмѣсто голоса друга.«

Они вышли въ другую комнату.

» Послушай, Валеріанъ!« сказалъ ему Гремнъ: »пы, я думаю, помнишь шу черноглазую даму, съ золошыми колосьями на головѣ, копорая свела съ ума всю молодежь на балѣ у Французскаго Посланника, при года шому назадъ, когда мы оба служили еще въ гвардіи?«

—» Я скорѣе забуду, съ копорой спороны сашдшсья на лошадь!« вспыхнувъ, опвѣчалъ Спрѣлинскій: »она цѣлыя двѣ ночи снилась мнѣ, и я въ чешъ ея проигралъ кучу денегъ на шрефовой дамѣ, копорая съ роду мнѣ не рушировала. Однако жъ спрасшъ моя, какъ прилично

благородному гусару, выкипѣла въ недѣлю, и съ пѣхъ поръ — но далѣе. Ты былъ влюбленъ въ нее?» —

— «Былъ и есмь. Подвиги мои на яву проспирались далѣе пвоихъ сновидѣній. Мнѣ опвѣчали взаимноспію, меня ввели въ домъ ея мужа . . . »

— «Такъ она замужемъ?»

— «По несчастію, да. Расчепливоспѣ родныхъ приковала ее къ живому прупу, къ вепхому надгробію человѣческаго и графскаго dospoинспва. Надо было покорипсья судьбѣ и пишпсья искрами взглядовъ и дымомъ надежды. Но между пѣмъ, какъ мы вздыхали, семидесяпп-лѣпній супругъ кашлялъ да кашлялъ — и наконецъ врачи присовѣшовали ему ѣхашъ за границу, надѣясь, вѣрояпно, минеральными водами выцѣдишъ изъ его кошелька побольше золопа.»

— «Да здравспвуютъ воды! я гошовъ почпи помиришся за эпо съ водой, хопя календарскій знакъ Водолея на сполѣ, вѣчно кидаетъ меня въ лихорадку. Поздравляю, поздравляю, mon cher Nicolas; разумѣешся, дѣла пвои пошли какъ нельзя лучше! . . . »

»Вложи въ ножны свои поздравленія. Спарикъ взялъ ее съ собою.«

— »Съ собою! Ахъ онъ чудо-Юда! паскашь по кислымъ ключамъ молодую жену, чшобы золопишь ему пилюли — вмѣсто шого, чшобы, оспавя ее въ сполицѣ, украсишь свое родословное дерево золопными яблоками!—Эпо умерпвипельное неумѣнье жишь въ свѣпѣ.«

»Скажи лучше, упрямсво умерепъ кспаши. Онъ воображалъ, посшепенно разрушаясь, чшо обновишь себя перемѣною мѣспѣ. При разлукѣ мы были неупѣшны, и помѣнялись, какъ водипся, кольцами и обѣщами неизмѣнной вѣрности. Съ первой спанціи она писала ко мнѣ дважды; съ прешьяго ночлега еще одно письмо; съ границы поручила одному вспрѣчному знакомцу мнѣ кланяшся, а съ шѣхъ поръ ни опѣ ней, ни обѣ ней ни какого извѣспія: словно въ воду канула!«

— »Ужели жѣ шы не писалъ къ ней! любовь безъ глупоспей на письмѣ и на дѣлѣ все равно, чшо разводъ безъ музыки. Бумага все шерпишь.«

»Да я-шо не терплю бумаги. Пришомъ куда бы мнѣ адресовашъ свои брандскугельныя

посланія? Въперъ плохой проводникъ для нѣжности, а живописный магнетизмъ не открылъ мнѣ мѣста ея процвѣпанія. Попомъ инныя заботы по службѣ и своимъ дѣламъ не давали мнѣ досугу заняться сердцемъ. Признаюсь тебѣ, я ужъ спалъ было позабываешь мою прекрасную Алину. Время залечиваетъ даже ядовитыя раны ненависти: мудрено ли жъ ему выдымивъ фосфорное пламя любви? Но вчерашняя почта освѣжила вдругъ мою душу и надежды. Репетиловъ, въ числѣ сполитичныхъ новоспешей, пишетъ мнѣ, что Алина возвратилась изъ-за границы въ Петербургъ — мила, какъ сердце, и умна, какъ свѣтъ, — что она сверкаетъ звѣздой на модномъ горизонтѣ, что уже дамы, не смотря на соперничество, переняли у ней какой-то чудесный манеръ ридикюля, а мужчины выучились пришепечивать, спрахъ какъ пріятно. Однимъ словомъ, что начиная отъ нижняго этажа модныхъ магазиновъ до въпрянаго чердака спихокропашелей, она привела у нихъ въ движеніе всѣ иглы, языки и перья.»

—»Тѣмъ хуже для тебя, любезный Николай! Память прежней привязанности никогда не

бывала въ числѣ карманныхъ добродѣтелей у баловницъ большого свѣта.»

»Въ эпомъ-то все и дѣло, любезнѣйшій! Оплучка полковаго командира привязала меня къ службѣ; между тѣмъ, какъ я сижу здѣсь сиднемъ, она, можетъ, измѣняетъ мнѣ. Сомнѣніе для меня тяжеле самой неблагопріятной извѣстности. Послушай, Валеріанъ! я тебя знаю давно, и люблю такъ же давно, какъ знаю. Корошко и проспо: испытай вѣрность Алины. Ты молодъ и богатъ; ты милъ и ловокъ—однимъ словомъ, никто лучше тебя не умѣетъ проиграть деньги по расчету, и выиграть сердце безумною пылкостью. Дай слово—и съ Богомъ.»

—»Возьми назадъ свое и убирайся къ чорту! Подумалъ ли ты, что этимъ неумѣстнымъ любопытствомъ ты спавишь силокъ другу и подругѣ, съ опасностью поперяешь обоихъ? Ты знаешь, для меня довольно аршина ленты и пары золотыхъ серегъ, чтобы влюбиться по уши — и поручаешь изслѣдовать прекрасную женщину, какъ будто бы она была соляной обломокъ Лоповой жены, а я Профессоръ Спокгольмскаго Университета!»

»По этому-то самому, милый Валеріанъ, я больше полагаюсь на свою возгораемость и сгораемость, чѣмъ на хладнокровіе другаго. Три дня ты будешь опъ ней безъ ума, а чрезъ три дня или она спанетъ опъ тебя безъ памяти, или своею вѣрностію приведетъ тебя самого въ память. Въ первомъ случаѣ я раскланяюсь съ своими надеждами — не безъ сожалѣнія, но безъ гнѣва. Вѣдь не одинъ я бывалъ въ сладкомъ заблужденіи, не одинъ оспанусь и въ любезныхъ дуракахъ. Но въ другомъ — шѣмъ сладоспнѣе, шѣмъ вѣрнѣе будетъ обладаніе любимымъ сердцемъ. Мила неопытная любовь, Валеріанъ; но любовь испытанная — безцѣнна!«

— »Видно нѣтъ на свѣтѣ такой глупости, копорой умные люди не освятили своимъ примѣромъ. Любовь есть даръ, а не долгъ, и пошъ, кто испытываетъ ее — ее не спдишь. Ради Бога, Николай! не дѣлай дружбы моей оселкомъ.«

»Я именемъ дружбы нашей прошу тебя, исполнишь эту просьбу. Если Алина предпочтетъ тебя — очень радъ за тебя, а за себя вдвое; но если она непоколебимо ко мнѣ при-

вязана — я увѣренъ, что ты, и полюбивъ ее, не разлюбишь друга.»

—» Можешь ли ты въ этомъ сомнѣваться! Но подумай. . .»

»Все обдумано и передумано — я неопимѣнно хочу этого — а ты несомнѣнно это можешь. Въ подобныхъ дѣлахъ другъ твой настоящій Новгородецъ — прямъ и упрямъ: да, или нѣтъ, Спрѣлинскій?»

—» Да! — Слово это очень коротко, но мнѣ такъ же трудно было выпустить его изъ сердца, какъ послѣдній рубль изъ кармана въ полудорогѣ. Впрочемъ, я утѣшаю себя тѣмъ, что ты и я — какъ очень легко спастись можешь, опоздали, и найдемъ одуванчикъ вмѣсто цвѣтка. Тутъ еще есть бездѣльное обстоятельство: увѣренъ ли ты, что супругъ ея убрался въ Елисейскія?»

»Ничего не знаю. Репешиловъ ни полслова объ этомъ. Однако жъ, хотя бы жизнь его была запырахована самимъ Арендомъ — природа должна взять свое, и послѣдній песокъ его часовъ не замедлишь высыпаться!»

—» Браво, браво — мой Альнаскаръ! это несравненно, это неподражаемо! Мы продали

шубу, не спросясь медвѣдя. Опышъ нашъ начинаешъ привлекашъ меня — за него надо взяпъся изъ одной чудесности. Я твоя.»

»Поспой, поспой, въпреникъ! ты еще не спросилъ у меня фамиліи нашей героини. Графиня Алина Александровна Звѣздичъ. Помни же!»

—»А если забуду, то навѣрно, по рассказамъ твоимъ, могу о ней освѣдомиться въ первомъ Журналѣ или въ первой модной лавкѣ. Чпо еще?»

»Ничего, кромѣ моего почтенія твоей шепушкѣ и сесприцѣ. Она, говоряшъ, вышла изъ монастыря?»

—»И мила какъ ангель, пишущъ мнѣ родственники.»

Друзья разошлись.

Между тѣмъ госпѣй развели и развезли. Все утихло, и тѣмъ грустнѣе спало Гремину одиночество послѣ шумнаго праздника. Плашонъ увѣрялъ, чпо человекъ ешъ двуногое животное безъ перьевъ; другіе физиологи опличали его тѣмъ, чпо онъ можетъ пипъ и любить, когда ему вздумаешся; но ошипанный тѣпухъ могъ ли бы спашъ человекомъ —или

человѣкъ въ перьяхъ переспалъ ли бы бышь имъ? — Конечно нѣтъ. Получилъ ли бы медвѣдь папеншъ на человѣческое достоинство за то, что любишь напиваться во всякое время? Конечно нѣтъ. Въ нашъ дымный вѣкъ я опредѣлилъ бы человѣка гораздо опличительнѣе, сказавъ, что онъ есть » живошное курящее, animal fumens.« И въ самомъ дѣлѣ, кто нынѣ не куришь? Гдѣ не процвѣтаетъ табачная торговля, начиная отъ Мыса Доброй Надежды до Залива Опчаянія, отъ Кипайской степи до Новаго моста въ Парижѣ, и отъ моего до Чукошскаго носа! Пуспясь въ опредѣленія, я не останавлиюсь на одномъ: у меня спросить къ философіи, какъ у Санхо-Пансы къ пословицамъ. » Мышлю, слѣдственно существую,« сказалъ Декартъ. » Курю, слѣдственно думаю« говорю я. Гремить курилъ и думалъ. — Мысли его невольно кружились надъ камнемъ преткновенія для рода человѣческаго — надъ супружесствомъ. Есть возрастъ, въ которомъ какая-то усмалость овладѣваетъ душою. Волокипсшва — наскучивающъ; кочевая, бездомовная жизнь спановишся пляжка; пуспья знакомсшва — несносны; взоръ ищетъ опдохновенія, а серд-

це — подруги, и какъ сладостно бѣея оно, когда мечтаешъ, что ее нашло!... Воображеніе рисуешъ новыя картины семейственнаго счастья; шѣни скражены, шероховатости скрыты — *c'est un bonheur à perte de vue!* — Мечты, — это живошно-распеніе, взбѣгающее въ сердце, и цвѣтущее въ головѣ, — лептали вмѣстѣ съ дымомъ около Гремина, и какъ онѣ вились, разнообразились и исчезали! За ними и холодное сомнѣніе, за ними и желчная ревность проникли въ душу. » Довѣришь испытаніе двадцатилѣтней свѣтской женщины пылкому другу, « думалъ онъ, нахмурясь — » есть великая неоспорочность, самая спранныя самонадѣянность, высочайшее безуміе! — Какой я глупецъ! » вскричалъ онъ, вскочивъ съ кушетки, такъ громко, что лягавая собака его залаяла съ просянкою. » Эй! пошлите ко мнѣ писаря Васильева! «

Писарь Васильевъ явился.

» Приготовь просьбу въ оппускъ. «

— » Слушаю, Ваше Высокоблагородіе, « отвѣчалъ писарь, и уже опспавилъ было ногу, чтобъ поворошиться налѣво кругомъ, когда, весьма еспешивенный вопросъ: » для кого? « перевернулъ его обратно.

— » На чье имя прикажете писать, Ваше Высокоблагородіе? «

»Разумѣлся, на мое! « Чпо жъ ты выпаращилъ глаза, какъ мерзлая щука? Напиши въ просьбѣ самые уважительные пункты: раздѣлъ наслѣдства или смерть какого нибудь родственника — хоть свадьбу, хоть еще чпо нибудь глупѣе этого... Мнѣ непременно надо быть въ Петербургѣ. Командованіе полкомъ можно сдать спаршему по мнѣ; скажи ординарцу, чпобъ былъ гошовъ везти пакеты въ штабъ-квартиру, а самъ чуть свѣтъ принеси ихъ ко мнѣ для подписки. Спупай. «

Кто разгадаешь сердце человеческое? кто изучишь его воздушныя перемѣны? Греминъ, хоть самый Греминъ, который за часъ передъ этимъ былъ бы огорченъ какъ нельзя болѣе опказомъ Спрѣлинскаго на чудный вызовъ свой — теперь едва не въ опчаяніи опъ того, чпо другъ согласился на его просьбу! Придавая возможностъ и существенностъ воздушнымъ своимъ замкамъ, онъ какъ будто забылъ, чпо есть на свѣтѣ другіе люди, кромѣ ихъ проихъ, и чпо судьба очень мало забо-

пишся, согласны ли ея приговоры съ нашими замыслами.

» Спрѣлинскій проведешъ недѣли двѣ въ Москвѣ« думалъ онъ: »и я скорѣе его прикачу въ Пешербургъ. — Спашься можешъ, я ужъ встрѣчу его счастливецемъ, и свадебный билетъ разрѣшивъ друга опъ излишней обязанности.... какъ мила, какъ богата Графиня!!...« Въ этихъ утѣшительныхъ мысляхъ заснулъ нашъ Подполковникъ, и зимнее солнце освѣпило ординарца его уже на полдорогѣ къ бригадному командиру съ просьбою объ увольненіи въ отпускъ.

II.

If i have any fault, it is digression.
Byron.

Святки больше всѣхъ другихъ праздниковъ сохранили на себѣ печать снарины, даже и въ Финской Пальмирѣ нашей, въ Пешербургѣ. Одинъ изъ друзей нашихъ въѣзжалъ въ него сквозь Московскую заспаву въ самый Рождественскій сочельникъ, и когда ему представилась песпрая, живая панорама сполічной

дѣяшельности—въ его памяти обновились всѣ радостныя и забавныя воспоминанія дѣтства. Между тѣмъ, какъ дымящаяся тройка шагомъ пробиралась между тысячами возовъ и пѣшиходовъ, а ухарскій извозчикъ, заломивъ шапку на бекрень, стоя возглашалъ: »пади, пади!« на обѣ стороны, онъ съ улыбкою перебиралъ всѣ степени различныхъ возрастовъ, сословій и образованности, по мѣрѣ того, какъ они развивались передъ его глазами. Вещественные образы пробуждали въ душѣ его давно забытые обычаи, давно проспавшія знакомства и множество приключеній буйной его молодости въ разныхъ кругахъ общества.

Въ самомъ дѣлѣ, какое разнообразіе заботъ въ различныхъ эпажахъ домовъ, въ отдѣльныхъ частяхъ города, во всѣхъ классахъ народа! Сѣнная площадь, думалъ гусаръ нашъ, проѣзжая черезъ нее, въ этотъ день наиболѣе достойна вниманія наблюдательной кисти Гогарта, заключая въ себѣ всѣ сѣстные припасы, долженствующіе исчезнуть завтра, и на камчатныхъ скамерсахъ вельможи, и на обнаженномъ столѣ простолюдина. Воздухъ, земля и вода сносятъ сюда несчетныя жерт-

вы праздничной плюшоядности человека. Огромные замороженные сперляди, блути и осепры, распянувшись на розвальняхъ, кажутся, зѣваяють опъ скуки въ чуждой имъ спихіи и въ непривычномъ обществѣ. Ощипанные гуси, забывъ Капипольскую гордость, словно выглядываютъ изъ воевъ, ожидая покупателя, чпобы у него погрѣшья на вершелѣ. Рябчики и пеперева съ зеленѣющимися елками въ ножкахъ, тысячами слепѣлись изъ Олонецкихъ и Новгородскихъ лѣсовъ, чпобы опвѣдашь спюличнаго госпепрїимства, и уже указашельный перспъ гаспронома назначаетъ имъ почешное мѣсто на сполѣ его. Цѣлыя племена свиней, всѣхъ поколѣній, на всѣхъ чешырехъ ногахъ и съ загнутыми хвостиками, впервые послушные дисциплинѣ, спройными рядами ждуть ключницъ и дворецкихъ, чпобы у нихъ, на запяшкахъ, совершивъ смиренный визитъ на поварню, и кажутся, съ гордостью любясь своею бѣлизною, говоряшь вамъ: »я разишельный примѣръ усовершенствованности природы: бывъ до смерти упрямъ неоправданности, спановлюсь теперь эмблемою вкуса и чистоты, заслуживаю лавры на свои окорока, сохраняю

плашье вашимъ модникамъ и зубы вашимъ красавицамъ!« — Уголь, гдѣ продаюшъ живность, сильнѣе манишъ взоръ объѣдалъ — но эшо на счесть ушей всѣхъ прохожихъ. Здѣсь проспо-сердечный баранъ — эша чепвероногая идиллія, выражаешъ жалобнымъ блеяньемъ поску по родинѣ. Тамъ визжишъ угнетенная невинность, или поросенокъ въ мѣшкѣ. Далѣе эгоиспы шеляпа, помня только пословицу, чшо своя кожа къ шѣлу ближе, не внемлюшъ голосу общей пользы, и мычашъ, оплакивая скорую разлуку съ песпрою своею одеждою, кошорая доспанешся или на солдатскіе ранцы, или, чшо еще горче, на переплешы глупыхъ книгъ. Вблизи безпечныя курицы разныхъ націй, и хохлатыя цесарки и пѣгія Турчаночки, и раскормленныя землячки наши, шочь въ шочь словоохотныя кумушки, кудахпаюшъ, не предвидя бѣды надъ головою, крипикуюшъ свѣшъ, кошорый видяшъ онѣ сквозъ щелочку своей корзины и, кажешся, попруниваюшъ надъ сосѣдомъ, индѣйскимъ пѣпухомъ, кошорый, поджимая лапки опъ холоду, громко ропщешъ на хозяина, чшо онѣ вывезъ его въ публику безъ теплыхъ сапоговъ. Словомъ, какое обширное

поле для благонамѣреннаго писателя Басень! сколько предметовъ для самой Басни, гдѣ поросенокъ нерѣдко учить нравственности, курица домоводству, лисица полищикъ, или какойнибудь крошъ чашаетъ диссертацию о добрѣ и злѣ, не хуже Доктора Философіи! Да и одному ли писателю Апологовъ легко подбирать здѣсь перья? Проницательный взоръ какогонибудь пустынного Галерной гавани или Коломны или Прядильной улицы могъ бы собрать здѣсь сотни поршнѣровъ для замысловатыхъ сшашеекъ подъ заглавіемъ: »Нравы,« какъ нельзя лучше. Онъ бы сей часъ угадалъ въ толпѣ покупателей и приказнаго съ собольимъ воропникомъ, покупающаго на взяточный рубль гусиные попроха, и безмѣснаго бѣдняка, въ шинели, подбитой воздухомъ и надеждой, когда онъ со вздохомъ, лаская правой рукою ушку, сжимаетъ въ карманѣ лѣвою послѣднюю пяпирублевую ассигнацію, словно боясь, чшобъ она не выпорхнула, какъ воробей, — и дворецкаго знашнаго барина, торгующаго небрежно цѣлый возъ дичины, и содержащаго сполна какого-то казеннаго заведенія, который ведетъ безграмотныхъ продавцовъ

въ лавочку, расписывавшся въ его книгъ въ двойной цѣнѣ за припасы, — и арписпа Французской кухни, раздувающего перья каплуна съ важнымъ видомъ знапока, — и Русскаго набожнаго повара, копорый съ умиленнымъ сердцемъ, но съ краснымъ носомъ, поглядываетъ на небо, ожидая звѣзды для обѣда, — и расчепливую Нѣмку въ кипайчапомъ капомѣ, копорая ласпишся къ чепверши шеляпины; — и повариху - Чухонку, покупающую каршофель у земляковъ своихъ, — и наконецъ, подлѣ полспаго купца, уговаривающаго проспяка крепспьянина »знапѣ совѣспѣ« — сухощавую жипельницу инаго міра — Петербургской спороны, копорая заложила свои янпари, чпобѣ купишѣ цикоріи, сахарцу, кофейку и Волошскихъ орѣховъ, выглядывающихъ изъ узелка въ небольшихъ сверпкахъ. Площадь кипишѣ. Слишый говоръ слышишся издалека, сквозь копорый только порой можно опличишѣ слова: »баринъ! баринъ! ко мнѣ! у меня лучше, у меня дешевле, для почину, для васъ!« и пому подобное. Въ улицахъ полкошня, на пропуарахъ возня по разбишому въ песокъ снѣгу; сани снуюшѣ взадъ и впередъ — эшо празд-

никъ смурыхъ извощиковъ, шакъ харакпери-
спически названныхъ Ваньками, на копорыхъ
везупъ, пащанъ и волокупъ тогда все съсп-
ное. Всъ пубы дымашся и окрашиваюпъ
мракомъ шуманы, висящіе надъ Пешрополемъ.
Оповсюду на васъ пыляпъ и брызжущъ. Па-
рикмахерскіе ученики бѣгаюпъ, какъ угорѣлые,
со щипцами и ножницами. На голоса разнощи-
ковъ являюпся и исчезаюпъ въ форпочкахъ
головы Нѣмочекъ въ папильонкахъ. Ремеслен-
ники спѣшапъ дошивапъ заказное, между пѣмъ
какъ ихъ маспера сводяпъ счешы, изъ коихъ
едва ли двадцатый будешъ уплаченъ. Купцы въ
лавочкахъ и въ Госпиномъ дворѣ брякаюпъ
счешами, выкладывая годовые барыши. Невскій
проспектъ словно горипъ. Карепы и сани
мчапся на перегонку, вспрѣчаюпся, пупаюп-
ся, ломаюпъ, давяпъ. Гвардейскіе офицеры
скачупъ покупапъ новомодные эполеты, шля-
пы, аксельбанты, примѣривапъ мундиры и
заказывапъ къ Новому году визишныя карпо-
чки, — эпи печашныя свидѣтельспва, что
посѣпшпель радехонекъ, не заспавъ васъ дома.
Фрачные, копорыхъ военная каска называешъ
обыкновенно »рябчиками,« покупаюпъ галспу-

хи, модныя кольца, часовыя цѣпочки и духи,—любуются своими ножками въ чулкахъ à jour, и повсюду прыжки Французскихъ кадрили. У дамъ свои заботы, и заботы важнѣйшія, копорымъ, кажешся, посвящено бытіе ихъ. Порпныя, швей, золопошвейки, модныя лавки, Англійскіе магазины, всѣ заняты — ко всѣмъ надобно заѣхать. Тамъ шьется плащъ для бала; тамъ вышивается золопомъ другое для предспавленія ко Двору; тамъ заказана прелеспная гирлянда съ цвѣтами изъ Пошернаго рая; тамъ, говорящъ, привезли новыя перчапки съ заспешками—тамъ надо купишь модныя серьги или браслешы, передѣлашь фермуаръ или діадиму, выбрашь къ лицу Парижскихъ лешъ, и перепробовашь всѣ воспочныя духи.

У Нѣмцевъ, соспавляющихъ едва ли не шрешъ Пешербургскаго населенія, канунъ Рождешва ешъ дѣшскій праздникъ. На сполъ, въ углу залы, возвышаешся деревцо, подернутое покрываломъ Изиды. Дѣши съ любопытствомъ заглядывающъ шуда, и уже сердце ихъ пріучаешся бишься надеждой и опасеніемъ. Наконецъ наспупаешъ вожделѣнный часъ вечера.

Все семейство собирается вмѣстѣ. Глава онаго торжественно срываетъ покрывало, и глазамъ восхищенныхъ дѣшей предстаетъ Weihnachtsbaum въ полномъ величїи, увѣнчанное лентами, увѣшанное игрушками, красивыми бездѣлками и нравоучительными билепиками для рѣзвыхъ и лѣнивыхъ — каждая вещь съ надписью, кому, и каждому по заслугамъ. Эпопъ pour le mérite радуется больше и невиннѣе, чѣмъ всѣ награды честолюбїя въ позднѣйшихъ возрастахъ. Вѣчно люди осуждены гонимы за игрушками; одно дѣшество счастливо ими безъ раскаянїя.

Наконецъ день Рождества Христова свѣтаетъ въ шуманѣ, и вы волею и неволею пробуждены крикливымъ пѣнїемъ школьниковъ, копорые, какъ Волхвы, пупешествуютъ съ огромною звѣздою изъ картона съ разноцвѣтною фольгою, прорѣзью, подвѣсками и свѣчами. Колокола звонятъ, и послѣ обѣдни Священники со всѣмъ причетомъ объѣзжаютъ приходъ для Христославства. Обѣдъ сего дня есть семейное собранїе, и горе тому племяннику, копорый осмѣлился не прїѣхать поцѣловать ручку у тещушки, и опрѣдать гуся на ея

споль. Со вѣпораго дня начинающіяся настоящія
святки, то естъ колядованья, гаданья, лишье
воску и олова въ воду — гдѣ красавицы мнѣтъ
видѣтъ или вѣнецъ или гробъ, то сани, то
цвѣты съ серебряными лиспиками, — наконецъ
подблюдныя пѣсни, и бѣганье за воропа, и всѣ
старинныя обряды языческа. Но, увѣ! — под-
блюдныя пѣсни оспались у однихъ только
купцевъ; распросы прохожихъ объ имени и
слушанье подъ окнами у однихъ мѣщанъ. Сред-
ній кругъ дворянска въ столицѣ оставилъ
у себя только фанш — заведеніе не вовсе Рус-
ское, но весьма пріятное; но хорошее, лучшее
общество ограничилось одними балами, какъ
будто человекъ созданъ для башмаковъ. Оно
оказалось даже опъ *jeux d'esprit*; бытъ весе-
лымъ и умнымъ кажется намъ слишкомъ обык-
новенно — слишкомъ проспонародно!

» Помилуйте, господинъ Сочинитель! « слы-
шу я восклицаніе многихъ моихъ чинашелей:
— »вы написали цѣлую главу о Сыпномъ рын-
кѣ, которая скорѣе можетъ возбуждать аппе-
титъ къ ѣдѣ, чѣмъ любопытство къ чтенію.«
— »Въ обоихъ случаяхъ вы не въ проигрышѣ,
милостивые государи! «

»Но скажите, по крайней мѣрѣ, кто изъ двухъ нашихъ гусарскихъ друзей, Греминъ или Спрѣлинскій, прїѣхалъ въ столицу?«

—»Эпо вы не иначе узнаете, какъ прочитавъ двѣ или три главы, милоспивые государи!«

»Признаюсь, спранный способъ заспавишь чипашъ себя.«

—»У каждого Барона своя фанпазія, у каждого писателя свой рассказъ. Впрочемъ, если васъ такъ мучитъ любопытство — пощлите кого нибудь въ Комендантскую Канцелярію заглянуть въ списокъ прїѣзжающихъ.«

III.

Вы кляшву дали? Эша кляшва

Лишь перелешнымъ въпрамъ жашва.

Въ числѣ самыхъ блистательныхъ баловъ того года, былъ данный Княземъ О***, при дня послѣ Рождества. Кареты, сверкая гранеными фанарями, какъ метеоры, влекомые четверками, неслись къ разсвѣщенному подъѣзду, на кошоромъ несчастный швейцаръ въ па-

влинъемъ своимъ уборъ попрыгивалъ съ ноги на ногу опъ Русскаго мороза. Дамы выпархивали изъ карешъ и, сбросивъ передъ зеркаломъ аванзалы черныя оберпки свои, являлись подобно Майскимъ бабочкамъ, блиспая цвѣтами радуги и блеспками злапа. Скользя, будпо воздушныя явленія, по зеркальному паркету въ слѣдъ за разряженными своими мапушками и пешушками, какъ мило опвѣчали дѣвицы легкимъ склоненіемъ головы на вѣжливыя поклоны знакомыхъ кавалеровъ, и улыбкою на значительныя взоры своихъ пріятельницъ, между тѣмъ, какъ на нихъ наведены всѣ лорнетпы, всѣ успа заняпы ихъ анализомъ, но, можешъ бытъ, ни одно сердце не бьешся испиною къ нимъ привязанностію.

Всѣ дѣйствія и явленія, на копорыя обыкновенно дѣлился классическій балъ высшаго общества, приходили и проходили своей чередою. Спрогіе взоры мапушекъ, выученная любезность дочерей, самоувѣренное пустословіе щеголей во фракахъ и въ мундирахъ; тѣснопа въ залѣ панцевъ, и не опъ танцующихъ, но опъ зрипелей,—безмолвіе въ комнапѣ шахматовъ, ропопъ за спюлами виспа и экарше, за

коими прошедшее спользніе въ лицахъ про-
 игрывало важность свою, а нынѣшнее свою ве-
 селость; ловля выгодныхъ жениховъ и невѣстъ
 — вопль, что занимало при четверти обще-
 ства, между тѣмъ какъ оспальные были жер-
 твою тайной зѣвоты, »неуполимой ни какимъ
 сномъ«—какъ говоритъ Байронъ. Забавнѣе все-
 го было созерцать и слѣдить охотниковъ за
 браками (marriage-hunters) обоихъ половъ. Раз-
 сѣянно, небрежно, будно изъ милосердія подавая
 руку молодому офицеру, Княжна NN. прогу-
 ливалась въ польскомъ, едва слушая краемъ
 уха комплименты новичка; за то, какъ бы-
 спро расцвѣтало улыбкою лице ея, когда под-
 ходилъ къ ней Адьюпантъ съ магическою бук-
 вою на эпюлепахъ; какъ привѣжливо пропя-
 гивала она ему руку свою, будно говоря: »она
 ваша,« поправляя другою длинныя свои локоны
 и длинныя свои перчатки, и досель безмолв-
 ныя уста ея изливали пошлость любезностей,
 подобно Самсонову фоншану въ Пепергофъ,
 копорый брызжетъ только для важныхъ по-
 сѣщителей. Вопль и заботливая физиономія По-
 лины У***: она кажется только что покину-
 ла грифель, но не бросила своей выкладки въ-

рояшносшей о производствѣ въ чинѣ того и того-шо, ни оцѣнки знашности родства и силы проекціи того и того-шо, ибо проекція въ нашемъ вѣкѣ спóишь наслѣдства. Взоръ ея не замѣчаетъ ничего, кромѣ густыхъ эполетовъ, кромѣ звѣздъ, копорыя блещушь ей созвѣздіемъ брака, и дипломатическихъ бакенбардъ, въ копорыхъ форшуна свила себѣ гнѣздышко. У мужчинъ, имѣющихъ за собою породу или богатство, или чины, или передъ собой виды и надежды, шѣ же зашѣи, подобные же выборы. По виду ихъ, скорѣе заключишь можно, что они въ биржевой, а не въ бальной залѣ. »Эта дѣвушка прелесна,« думаетъ одинъ: »но отецъ ея молодъ; Богъ знаетъ, сколько проживетъ онъ лѣтъ и денегъ. Эта умна и образована, дядя ея на важномъ мѣстѣ; но говоряшъ, онъ колеблется—шупъ надобно подумашъ, что есть, подождашъ. Вотъ эта, правда, не очень красива и очень недалека, за что какъ одушевлена! чершовски одушевлена премо пысячами душъ, изъ копорыхъ ни одна не шаетъ въ Ломбардъ или въ Двадцатилѣшнемъ Банкѣ, какъ большая часть нашихъ приданыхъ. Я невольникъ ея!« И вотъ нашъ искашель, подсѣвъ

сперва къ мапушкѣ ея, со вниманіемъ слушаетъ вздоры — спарая, но всегда удачная дипломапика, — потомъ разсыпается въ привѣспвіяхъ дочери, панцуя, дѣлаетъ влюбленные глазки, и облизывается, счиная въ мысляхъ ея червонцы.

Баль уже склонялся къ концу, и многіе изъ Корифеевъ моды, зѣвая въ госпиной на проспорѣ, клялись, что онъ чрезвычайно веселъ, какъ вдругъ шумъ и восклицанія: маски, маски! привлекъ всѣхъ бѣглецовъ въ залу панцевъ. Въ самомъ дѣлѣ два блестящіе кадрили, одинъ въ Испанскомъ, другой въ Венгерскомъ костюмахъ, заслуживали вниманіе равно по богатству, по вкусу уборовъ и по спройности замаскированныхъ. Обѣжавъ кругомъ залу, каждый изъ нихъ бросилъ по загадкѣ знакомымъ и незнакомымъ, возбуждая слѣдомъ споръ увѣряющихъ, что это онъ или не онъ. Хозяинъ, радуясь, что случай далъ разнообразіе его балу, пригласилъ замаскированныхъ къ панцамъ. Мазурка загремѣла, и Венгерцы, попросивъ чепырехъ дамъ сдѣлавъ имъ честь украсивъ кадрили ихъ, выиграли одобреніе всѣхъ окружающихъ ловкостью и развязностью движеній, новостью и

благородствомъ фигуръ. Наконецъ слышалась одушевленная, живая музыка Французскаго кадрили, и одна изъ масокъ, принадлежавшая, казалось, къ полпу шпехъ, копорые воображаютъ, что они все сдѣлали для общества, если надѣли на себя пышный костюмъ, маска, доселѣ безмолвно стоявшая у сцѣны, гордо завернувшись въ бархатную, расшитую золотомъ эпанчу, вдругъ сбросила ее съ себя на полъ, и легкою шлопой приблизилась къ Графинѣ Звѣздичъ, окруженной вздыхателями. »Дозволишь ли Графиня незнакомцу имѣть счастье танцовать съ нею!« произнесъ Испанецъ почтительно, прижавъ къ груди беретъ свой, украшенный перьями и брилліансами.

— »Очень охотно, прекрасная маска!« вспавая отвѣчала Графиня. »Новыя знакомства нерѣдко избавляютъ насъ отъ скуки старыхъ, и въ этомъ отношеніи я уже вамъ обязана,« прибавила она, лукаво поглядывая на оставленную группу. »Впрочемъ, бышь можешь, мы не совсемъ незнакомы другъ другу?«

»Я здѣсь чужестранецъ, Графиня. Да если бы и не былъ имъ — все нашелся бы въ большомъ замѣшательствѣ, боясь попасть въ категорію

старого знакомства, и не имѣя дарованій оправдашь новаго.»

Алина вздрогнула отъ звука голоса и какого-то нѣжно укорипельнаго тона Испанца.

—» Вы обвиняете меня слишкомъ поспѣшно, распространяя на всѣхъ слова, сказанныя шутя,« отвѣчала она: »но полно-же скрипничаешь: мнѣ кажется, я могу подсказать вамъ имя ваше,« продолжала она, спараясь заглянуть подъ полумаску.

»Я не зналъ, что Графиня въ тысячѣ прелестей и добрыхъ качествъ имѣешь даръ ясновидѣнія Я очень сомнѣваюсь, чтобы мое имя могло быть напечатано на золотомъ листѣ мѣсяца; но во всякомъ случаѣ позвольте избавить васъ отъ усмешки произносите его—я называюсь Донъ Алонзо де Гверера и Молина и Фуэншесъ и Ріэго и Колибрадосъ. . .«

—»Довольно, слишкомъ довольно именъ въ наказаніе за мое любопытство, но слишкомъ мало къ его удовлетворенію. И такъ, Донъ Алонзо, вы меня знаете?»

»Какой смертный можетъ похвалиться, что онъ знаетъ женщину!«—Танцы разлучили ихъ, и имъ во все время не удалось сказать другъ

другу ничего, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ вещей. Кадриль восхишилъ всѣхъ; игроки бросили каршы, домино и шахмашы; все спѣсилось въ любопытный кругъ около танцующихъ, и отовсюду слышалось: »Ah, qu'ils sont charmants! Ah, comme c'est beau çà!« Особенно Графиня и кавалеръ ея казались созданными, чшобы возвысиль искусство и красоту другъ друга. Побѣда оспалась за ними — они пересіяли всѣ соперническія звѣзды — и любопытство узнать Испанца возрасло во всѣхъ до высшей степени, но болѣе всѣхъ въ прелестной Графинѣ. Провожая ее на мѣсто, посреди ропота зависти, одобренія и привѣтовъ, Испанецъ снова просилъ осчастливишь его на поурри — и снова получилъ согласіе. Поурри и копильонъ (копорья сливаются нынѣ во-едино) роковыя танцы для незнакомыхъ между собою. Я всегда называлъ ихъ двухъ-часовою женишьюбою, пошому, чшо каждая пара испытываетъ въ нихъ всѣ выгоды и невыгоды брачнаго состоянія. Счастлива дама, копорой доспанешся въ удѣлъ не угрюмый мечпатель, разбирающій въ то время послѣднее - прочишанную фразу Окена, и не безумолкный попугай, ко-

порый на прехъ языкахъ говоришь вамъ не-
 лѣпоспи. Счастливъ и кавалеръ, копорому
 фортуна даруетъ даму, отражающую все ва-
 ше остроуміе, не однимъ вѣромъ, не одними
 оледеняющими: »oui, Monsieur; certainement,
 Monsieur.« За то, какъ оспорожны дамы въ
 выборъ кавалеровъ на копильонъ! Всѣ пружи-
 ны миніашюрной ихъ полишки пущены въ
 игру заранѣе, чпобы заспавишь себя »ангажи-
 ровать« шѣмъ, кого любяшь онѣ слушаешь, или
 хощаешь заспавишь слушаешься. Слѣпое счастье
 однако же послужило Испанцу: никшо за не-
 дѣлю не звалъ Графини на покурри, а толпа
 окружающихъ не смѣла на попышку — боясь
 опказа передъ глазами соперниковъ, и вообра-
 жая, чшо она давно уже избрала или избрана.
 Теперь, подъ громъ музыки, подъ говоръ со-
 сѣдей, уединень съ нею въ амбразуръ окна,
 Донъ Алонзо могъ говоришь все, чшо допускаешь
 свѣпская любезность, возвышенная правомъ
 маски. Разговоръ перелешалъ по мопылькомъ,
 по пчелой съ цвѣпка на цвѣпокъ, ошъ пред-
 меша къ предмету. — Умъ неиспощимъ, когда
 насъ понимающъ; онѣ сыплешъ искры, ударя-
 ясь о другой. Пара наша довольна была другъ

другомъ, какъ нельзя болѣе. Графиня, порой, казалось, что съ нею бесѣдовалъ знакомый и когда-то милый голосъ. »Эпо Греминъ,« думала она сама съ собою: »шупъ нѣтъ никакого сомнѣнія! Что мудренаго прѣхашъ ему въ опускъ.« — Но вдругъ эпопъ голосъ измѣнялся, и одна учпивая привѣпливоспъ слѣдовала, какъ холодная пѣнь, за выраженіями ласки. Со всѣмъ тѣмъ, какая-то невольная довѣренноспъ овладѣла Графинею, и разговоръ непримѣнно переходилъ въ тонъ болѣе и болѣе сердечный, какъ вдругъ Испанецъ опвелъ опъ Алины доселѣ вперенные на нее взоры, и небрежно бродя ими по залѣ, съ видомъ моднаго злословія спросилъ: »Скажице, Графиня, неужели эпо прыгающее memento mori, Князь Пронскій! Онъ шакъ часпо мѣняешъ свои покрои, прически и мнѣнія, что не мудрено ошибишься! Боже мой, какъ онъ прыгаетъ! онъ чупъ-чупъ не запушался въ люспръ.«

— »Не дивишесь эпому, Донъ Алонзо: развѣ не видимъ мы, что и ржавые флюгера скрипятъ, но веришяся?«

»Совершенная правда, Графиня. Но флюгера кончающъ тѣмъ, что опъ ржавчины дѣ-

лаюпся поспоянны, а Князь, кажется, съ каждымъ годомъ легче и легче, шакъ, чпо въ сошый день своего рожденія можно надѣяпсья, онъ, какъ шампанская пробка, вспрыгнешь до пополка.—Эта дама въ перьяхъ, »pendant« Князя Пронскаго, лепашающая воланомъ со спороны на спорону, вдова Генерала Креспова, Графиня?»

Наклоненіе головы увѣрило Испанца, чпо онъ не ошибся.

»Посмоприше жъ, пожалуйста, какъ нѣжно глядишь она на кавалера своего, гвардейскаго Прапорщика, между шѣмъ, какъ онъ будпо ждешь опъ нея благословенія, а не любви. Позвольте еще испыпашь ваше терпѣніе, Графиня: кпо эпошь человекъ съ прагматическими пуговицами и пергаминнымъ лицомъ, споящій въ рисовальной позиціи?»

—»Эпо предспавишель всѣхъ предразсудковъ вѣка Лудовика XIV, Кавалеръ Посольспва Сень-Плюше. Какъ испинный эмигрантъ, онъ ничему не выучился и ничего не забылъ, но вѣчно доволенъ самъ собою — а эпо чего нибудь да спѣишь. Но какъ вамъ нравишся сосѣдь его, нашъ любезный соотечеспвенникъ? Онъ

шакъ влюбленъ въ себя, чпо безпреспанно
смоприсся въ свои пуговицы, гдѣ нѣтъ зер-
каль.»

»Онъ безцѣненъ, Графиня! Если бѣ Докшо-
ра согласились общемо подпискою воздвигнушь
монументъ болѣзнямъ, онъ могъ бы служишь
идеаломъ для спашуи бога насморка. Но черезъ
пару далѣе его, я почпи гошовъ парировашъ,
чпо длинная фигура въ бѣломъ кирасирскомъ
вицмундирѣ — Роммиспръ фонъ Шпраль. Какъ
похожъ онъ на спашую Командора, копорый
въ первый разъ слѣзъ съ лошади, чпобы по-
звашь Донъ Жуана на ужинъ! Дама его, если
не ошибаюсь, Елена Райсова? Но она напрасно
раздуваешъ опахаломъ своимъ вниманіе въ не-
подвижномъ рыцарѣ Конгредовскія ракеты
ея оспроумія лопающъ въ пуспынѣ.

—»Вы, Донъ Алонзо и Фуэнпесъ и Колибра-
досъ, не болѣе щадите нашъ полъ, какъ и
своихъ собратій. Должно полагаешъ, вы многое
преперпѣли опъ женщинъ?»

»И кажешся, срокъ моего испыпанія не
кончился, прекрасная Графиня,« опвѣчалъ съ
чувспвомъ Испанецъ, уснрема на нее сверкаю-

щіе глаза. Графиня, чшобы избѣжашь сего по-
на, обратила разговоръ въ прежнюю спрую.

—»Вы сказываешесь новичкомъ, Донъ Алон-
зо, въ Пепербургѣ и на балѣ — и пошому я
дивлюсь, чшо до сихъ поръ не спросили меня
о двухъ герояхъ нашихъ увеселеній, о Каспо-
рѣ и Поллуксѣ каждой мазурки, каждаго кад-
риля. Я разумью о Графѣ Вейсенштейнѣ, пле-
мянникѣ Авспрійскаго Фельдмаршала, и Мар-
кизѣ Фіери, его другѣ. Они пупешеспвуютъ,
смотряшъ свѣшъ и показывають себя . . . не-
ужели вы до сихъ поръ не видали Графа Вей-
сенштейна?»

«Я ничего не видалъ, кромѣ васъ!»

—»Такъ должны замѣшшъ его неопмѣнно. Съ
какими глазами покажешесь вы въ свое опе-
чешво, не узнавъ великаго чешовѣка, научив-
шаго насъ галопировашъ! Вошъ онъ проходишъ
мимо . . . молодой чешовѣкъ съ усиками, въ Вѣн-
скомъ фракѣ . . . но вы не шуда смотрише,
Донъ Алонзо!»

«Ахъ, шысячу разъ прошу прощешя, Графи-
ня! . . . Такъ эшо-шо милый крокодиль, кошо-
рый за каждымъ *déjeuner dansant* глоташъ
по полдюжинѣ сердець, и увлекаешъ за собой

оспальные манежнымъ галопомъ? Mais il n'est pas mal, vraiment. Жаль только, что онъ какъ будто накрахмаленъ съ головы до ногъ, или боишься измятъ коспочки своего корсета.

—»Въ слѣдъ за нимъ вершился Маркизь Фіерри.«

»Прекрасные бакенбарды! Выразительные глаза! и онъ сморщилъ ими такъ увѣрительно, какъ будто говорилъ: »любите меня, или смерть!«

—»Многія находятъ его весьма остроумнымъ.«

»О, безконечно остроумнымъ! Всѣ Маркизы имѣютъ папентъ на остроуміе до двѣнадцатаго колѣна. Я увѣренъ, что съ запасомъ модныхъ галспуховъ и жилешовъ, онъ не забылъ привезти для здѣшнихъ дамъ Испальянскаго чичисбеизма и Вѣнской любезности!«

—»И вы не ошиблись, Алонзо! Онъ очень занимателенъ въ дамскомъ обществѣ, и не считаетъ полъ нашъ какою нибудь Варварійскою республикою!«

»Кажется, эта спрѣла лепилъ въ Испанію, Графиня?«

—»Конечно, Донъ Алонзо! въ ваше общество, въ общество истиннаго рыцарства,

между тѣмъ, какъ вы, вмѣсто того, чѣмъ бы защищать прекрасныхъ — объявляете имъ войну злословія.»

»Если бѣ всѣ женщины были подобны вамъ, Графиня, я не имѣлъ бы причины спасать ихъ непріятелемъ.»

—»Вы, кажется, хотите лесною выкупить напередъ какую нибудь злость прошивъ цѣлаго нашего пола. Но я на часахъ прошивъ васъ, Донъ Алонзо. Compliments врага — опасные переметчики.»

»Они выдуманы не для васъ, Графиня. Самые запѣйливые вымыслы, касаясь васъ, сплываются обыкновенными истинами.»

—»Я не предполагала, что земля ваша такъ же легко произрастаетъ лесъ, какъ апельсины и лимоны!»

»На родинѣ моей, въ этомъ саду прекрасныхъ произрастеній, я не научился однако жъ прозябать душою, какъ большая часть людей холоднаго зѣшняго климата. Сердце мое на усахъ, Графиня, и пошому мудрено ль, что пораженный достоинствами или красою, я не могу шайть чувствъ? Вы можете обвинить мои выраженія, но искренность — никогда.»

— » Вашу искренность, Донъ Алонзо! Я не имѣю на нее никакого права, да и можно ли узнать душу, не видавъ лица, ея зеркала. Человѣкъ, который пакъ упорно скрывается подъ маскою, можетъ сбросить съ нею и маскарадныя свои качества.»

»Признаюсь, Графиня, я бы желалъ, если бы могъ, съ этимъ костюмомъ сбросить съ сердца воспоминаніе болѣе чѣмъ воспоминаніе насмѣющаго. Но позвольте мнѣ хранить маску можетъ быть, для обѣща своимъ товарищамъ; можетъ быть, въ подражаніе дамамъ, которые носятъ вуаль, чтобы возбуждать любопытство, не могли изумлять красою можетъ быть, для удаленія отъ васъ непріятнаго сюрприза видѣть лицо мое.»

— »Чѣмъ болѣе хотите вы тайиться, тѣмъ вѣрнѣе я васъ узнаю. Но погодите: я женщина, и вы мнѣ дорого заплатите за свое упрямство.»

»Вѣрите, Графиня, я уже плачу за него и . . . «
Вихорь вальса умчалъ Графиню на средину, гдѣ законы попури заставили ее пропанцовать соло въ *pastourelle*, одной изъ фигуръ Французскихъ кадрили.

— »Вы мечтаете?« сказала Графиня, возвращаясь на мѣсто.

»И мечтой моей на яву были — вы. Я любовался вами, прекрасная Графиня, когда, склонивъ очи къ землѣ, будто озаряя порхающія снопы свои, вы, казалось, готовы были улетѣть въ свою родину — въ небо!«

— »О нѣтъ, нѣтъ, Донъ Алонзо! я бы не хотѣла такъ неожиданно покинуть землю; мнѣ бы жаль было оставить родныхъ и добрыхъ моихъ знакомыхъ. Нѣтъ, благодарю покорно!... Взрывъ вашего воображенія закинулъ меня слишкомъ высоко. Вы правы, Донъ Алонзо?«

»Не болѣе какъ историкъ, Графиня... безприспращный историкъ,« возразилъ Испанецъ, скидывая перчатку съ лѣвой руки, потому, что въ это время панецъ уже кончился... Невольное: ахъ! вырвалось у Графини, когда въ глаза ей сверкнулъ перстень Испанца. По немъ она узнала Гремину. Съ сильнымъ волненіемъ сжимая руку маски, она произнесла: »Историкъ долженъ помнить, гдѣ и отъ кого получилъ онъ перстень съ небольшимъ изумрудомъ; онъ долженъ помнить, какъ виноватъ онъ передъ...« Графиня не успѣла кончить слова, какъ отъ-

ѣзжающія маски почти увлекли съ собою Испанца. Онъ едва могъ у ней попросить позволенія явиться на другой день для объясненія загадки.

— »Я этого пребую,« отвѣчала Графиня, — и незнакомецъ исчезъ, какъ сонъ. Копильонъ и ужинъ показались ей двумя вѣчноспями. Она была задумчива, разсѣянна; отвѣчала *нѣтъ*, гдѣ надобно было говорить *да*, и мнѣ *очень жаль* — вмѣсто *я очень рада*. »Она хочетъ насъ мисшифровать,« говорили между собою модники. »Она вѣрно гадаетъ о суженомъ!« подумала горничная, Параша, когда Графиня, прѣхавъ домой, опустила пафьяныя цвѣшны свои въ серебряный умывальникъ, а брилліаншовыя серьги заперла въ огромный карпонъ.

Если бъ кто нибудь догадался сказать: »она влюблена,« пошъ, я думаю, ближе всѣхъ былъ бы къ истинѣ.

IV.

Для насъ, опъ насъ, а право жаль:

— Ребра Адамова попомки,

Какъ свѣшлорадушный хрусталь,

Равно плѣнипельны и ломки.

Лучи холодного солнца давно уже играли по алмазнымъ цвѣшамъ цѣльныхъ спеколъ Графини Звѣздичъ, но въ спальнѣ ея, за пройными завѣсами, лежалъ еще шайнспвенный мракъ, и богъ сна вѣялъ шихимъ крыломъ своимъ. Ничего нѣшъ сладоспнѣ мечпаній ушреннихъ. Первая дань успалоспи заплачена сначала, и душа посшепенно беретъ верхъ надъ внушеніями шѣла, по мѣрѣ шого, какъ сонъ спановишся шоньше и шоньше. Очи, обращенныя внутрь, будшо проясняющся, видѣнія свѣшлѣющъ и сцѣпленіе идей, образовъ, приключеній сонныхъ, спановишся явспвеннѣ, порядочнѣ, вѣрояшнѣ. Памяшъ не можешъ вполнѣ схвашишъ сихъ созданій, не оспавляющихъ по себѣ ни праха, ни шѣни — но эшо жизнь сердца... оно еще бѣешся — оно еще горячо ихъ дыханіемъ, оно свидѣпель ихъ мгновеннаго бышія. Такія мечшы лелѣяли сонъ Алины, и хопя въ нихъ не было ничего опре-

дѣленнаго, ничего такого, изъ чего бы можно было выкроить сновидѣніе для романтической поэмы или историческаго романа, за то въ нихъ было все, чѣмъ любилъ наслаждаться юное воображеніе. Начальныя грѣзы ея были однако менѣе цвѣписты, хотя очень забавны. То около нея кружился чудесный вальсъ, сопоставленный изъ эполоповъ, аксельбанповъ, сулпановъ, шпоръ и орденовъ вся лавка Пешелина танцевала казачка. То, казалось, она подавала пилюли покойному мужу; то снова погружалась въ Баденскія воды, будпо въ потокъ забвенія и вдругъ спѣвны прерпиейспанціи вспавали около нея съ лубочными своими порпрешами, на копорыя глядишь она, переписывая давно намъ знакомое посланіе, и вошь, кажешся ей, одинъ порпрепъ мигаептъ ей очами, улыбаепся, усы шевеляпся; онъ готовъ выпрыгнушь изъ рамокъ, но она сама кидаетъ къ нему на встрѣчу... » Эпо вы, Греминъ!« вскрикиваетъ Графиня... »Нѣптъ, эпо Блюхеръ.« И снова гремишь и мчишь копильонъ, и снова слышапся ноты Французскаго кадрили... какой-то незнакомецъ, въ Испанской маншіи на гусарскомъ доломанѣ, приближаепся

къ ней и... Но перечесть всѣ вздоры, копорые мы видимъ во снѣ, значило бы бредишь на яву, и попому я скажу только, что часы добивалидеся, когда колокольчикъ Графини слился съ послѣднимъ ихъ ударомъ. Параша распахнула внутреннїя спавни, опдернула занавѣсы, и уже нѣсколько минушь спояла у ногъ кровати съ раскинутою шалью, но Алина Александровна изволила еще почивашъ съ опкрытыми глазами, еще на кругу ея полога мечшы проходили, подобно фанпазмагорическимъ пѣнямъ. — »Онъ прїѣдетъ,« наконецъ весело произнесла она, сбрасывая одѣяло:—»онъ скоро прїѣдетъ.«

—»Кто, Ваше Сїятельство?« просподушно спросила служанка, помогая ей одѣвашъся.

»Кто?« Графиня задумалась.... Она чувствовала, что на прямой эшой вопросъ не могла опвѣчать ушвердительно. »Увидимъ!« опвѣчала она со вздохомъ.

»Накажи только швейцару, что если прїѣдетъ молодой гусарскій офицеръ, копораго онъ до сихъ поръ не видалъ, то просишь его на верхъ безъ всякихъ докладовъ. Всѣмъ другимъ опказывать: слышишь ли, Параша!«

»Слышу, Ваше Сіяшельство; — только не понимаю,« прибавила Параша пошихоньку.

И сама Графиня худо понимала, что съ нею спалось. За чашкой чаю и за туалетомъ, она имѣла довольно времени подумашь о минувшемъ и наспоющемъ. Она была въ большой нерѣшимости, какъ встрѣшивъ человека, который былъ такъ близокъ ей во дни неопытности, когда всякій прыжокъ сердца кажешся любовью, каждый конфетный девизъ изъясненіемъ, и первое милое личико любезнымъ предметомъ; — человека, забывшаго ею такъ скоро въ разсѣяніи забавъ и путешесствій, и къ которому вдругъ, въ одинъ вечеръ, привязалось сердце ея вновь, со всѣмъ пыломъ новой страсти, со всею свѣжестью мечты, доселѣ ею неизвѣданными! Спрашивается ли его появленіе, таинственность ли его поступковъ, воспоминаніе ли прежняго или *безпричинная* прихоть, только Графиня чувствовала, что это нѣчто похожее на любовь. Но всего страннѣе было — колебаніе ея между извѣстностью и сомнѣніемъ о замаскированномъ Испанцѣ. Она звала его — Греминъ, а думала о комъ-то другомъ; ей нравилось именно то, чего никогда не за-

мѣчала она въ Греминѣ: ее плѣнила новоспѣ и разнообразіе разговоровъ и познаній маски, такъ, что она едва не болѣе желала знать Испанца всегда Испанцемъ, чѣмъ увидѣть въ немъ Гремина. Она кончила однако жъ заключеніемъ, что свѣтъ и опытъ удивительно какъ развертываютъ молодыхъ людей, и что любезность Гремина доспигла теперь полного цвѣту... »Но я должна со всѣмъ тѣмъ наказъ его, какъ безпечнаго поклонника, и какъ недовѣрчиваго хитреца. Вы испытаете, Князь, что и я не даромъ прожила три года на бѣломъ свѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ и мы жили въ Аркадіи! Я буду съ вами холодна — и холодна какъ мраморъ — однако жъ, копорый часъ, Параша?»

— »Три четверти перваго, Ваше Сіятельство!»

»Эти часы ужасно опешаютъ, Параша! На моихъ уже пятьдесятъ пять минуть перваго!»

— »Ваши часы идутъ за одно съ сердцемъ, подлѣ котораго лежатъ они: любовь прилипчивая болѣзнь, Ваше Сіятельство,« сказалъ бы я Графинѣ, если бъ я былъ ея служанкою — но судьба создала меня только покорнымъ слугою

прекрасныхъ, и я долженъ часпо молчать, когда могъ бы ввернуть словцо очень кспашаи.

Между тѣмъ Параша, окончивъ свою долж-
носшь при туалетѣ, вышла; но Графиня все
вертѣлась еще передъ прюмо въ прелеспиномъ
упреннемъ плащѣ, и, подобно Поэшу, копо-
рый почишь и гладишь спихи свои, чшобы
они по легкоспи казались прямо упавшими съ
пера — разбрасывала кашпановые кудри по
высокому челу съ упонченною небрежноспію.
Крѣпко забилося сердце ея, послышавъ скрипъ
колесъ по морозному снѣгу и шройное паденіе
подножки у крыльца. Въ шу же минушу Пара-
ша, запыхавшись, вбѣжала въ комнашу. »Прі-
ѣхаль, Ваше Сіапельспво!»

»Чему же шы обрадовалась?» возразила Гра-
финя съ припворнымъ равнодушіемъ: »Дай мнѣ
плашокъ и спкляночку съ духами.«

Параша безмолвно повиновалась, и Графиня
принуждена была сама спросишь ее, хошя ей
очень шого не хопѣлось. »Развѣ шы его видѣ-
ла, Параша?» сказала она ласковѣе, набрасывая
шаль на локпи.

— »Мелькомъ, сударыня; я не наглядѣлась бы
на него; ужъ можно сказашь—молодецъ. Спро-

ень, высокъ и лицомъ будно красная дѣвушка. Голубые его глаза больше вашихъ браслепныхъ яхонтовъ, Ваше Сіятельство, а свѣшлые кудри и бѣлокурые усы вьюшся колечками.»

«Свѣшлые кудри, Параша? Ты вѣрно ошиблась: у него волосы чернѣе моихъ!»

— «Можетъ спастся, и ошиблась, Ваше Сіятельство; онъ былъ тогда въ шляпѣ, и я заглядѣлась на прекрасный султанъ — шакъ и зыблелся до самаго ворошника!»

«А ворошникъ его коричневый, не правда ли, Параша?»

— «Коричневый, Ваше Сіятельство... я не видала гвардейскихъ офицеровъ съ такими ворошниками, — однако жъ онъ вѣрно гвардеецъ... у него такая прекрасная карета...»

«Эпо онъ» произнесла Графиня, не слушая ученыхъ замѣчаній своей горничной — и рѣшительно пропекла всѣ комнашы до госпиной. Но когда должно было вступитъ шуда, бодрость ее оставила, и она долго держалась за позолоченную ручку дверей, припоминая, какое лице должно ей принять, и что говорить. Наконецъ дверь распахнулась, и Графиня, опушта очи, вошла въ госпиную, краснѣя

подняла ихъ — и что же? передъ нею стоялъ блондинъ гусарскій офицеръ, но вовсе не Князь Грешинъ. Быстро смѣнялись розы и лиліи на щекахъ Графини, — она неподвижно глядѣла на незнакомца . . . но онъ, вѣроятно болѣе приготовленный къ подобной встрѣчѣ, послѣ обычныхъ поклоновъ, первый прервалъ молчаніе: »Я долженъ просить у васъ прощенія, Графиня, и за вчерашнюю мистификацію, и за странность нашего визита. Донъ-Алонзо осмѣливается представить вамъ гусарскаго Маіора Валеріана Спрѣлинскаго, а Валеріанъ Спрѣлинскій дерзаетъ ходатайствовать за Испанскаго Гидальго, хотя съ большимъ сомнѣніемъ на счетъ дѣйствительности обоихъ и взаимныхъ порукъ!«

Смущеніе свѣтской женщины — минуло. Съ любезно-шутливымъ тономъ отвѣчала она: »Напрасное сомнѣніе, господинъ Маіоръ! Я очарована случаемъ познакомиться съ вами безъ маски, и конечно ничего не теряю въ вашемъ превращеніи.«

— »Ваши слова для меня оракулъ, Графиня, и, позвольте сказать, на этотъ разъ такъ же двусмысленны. Ничего не теряете, сказали вы,

но изъ чего? изъ хорошаго или дурнаго мнѣнія объ мнѣ?»

Есть люди, умѣющіе такъ естественнo говорить самыя необыкновенныя вещи, предлагать самыя нескромныя вопросы въ міръ, что въ ихъ устахъ они ни сколько не кажутся спранными, и съ первой минуты знакомства располагающъ всякаго къ подобной же откровенности. Спрѣлинскій принадлежалъ къ ихъ числу.

»Вы слишкомъ претовашельны, Маіоръ,« отвѣчала Графиня, улыбаясь. »Теперь вы бы могли усомниться въ истинѣ моего отвѣта, потому только, что онъ сказанъ при первомъ вашемъ посѣщеніи: я храню это удовольствіе для позднѣйшаго знакомства.«

— »Но какъ осмѣлюсь я скучать вамъ повтореніемъ визитовъ, неуверенный въ прощеніи за первый? Вы желали видѣть меня безъ маски, Графиня: будьте же снисходительны къ моимъ самороднымъ спраннымъ. Руку на сердце, и скажите, искренно — вы не меня ожидали увидѣть въ Донъ Алонзѣ?»

»Я не ожидала увидѣть васъ, Спрѣлинскій!

но вы знаете, что не всегда желаюшъ, кого ждущъ«

— »И, позвольте докончить рѣчь вашу — иногда шепяшъ, кого не ждущъ — не такъ ли Графиня?»

»Совершенно не такъ, Спрѣлинскій. Вы злой переводчикъ добрыхъ мыслей. Я думала, что ушло излечить васъ отъ вчерашней неприязни къ женщинамъ — но теперь вижу, что вы неисправимы.«

— »Неисправимъ, что до искренности, Графиня. Я солдашъ, и вѣчный, неизмѣнный опъзывъ мой — *истина*, во всѣхъ случаяхъ жизни, въ уединеніи и въ шумѣ свѣта, при послѣднемъ, какъ и при первомъ свиданіи, и я, не обинуясь, скажу вамъ: я такъ высоко цѣню ваше доброе расположеніе, что и часовая неизвѣстность о немъ мнѣ будетъ пыгоспна.«

»Я думаю, Спрѣлинскій, удовольствіе, съ копорымъ провела я время танца съ вами, можете служишъ тому лучшимъ поручишельствомъ.«

— »Вы такъ добры, такъ снисходительны Графиня! Со всѣмъ тѣмъ я не осмѣливаюсь за-

владѣшь вполнѣ эпитимъ комплиментомъ за минувшій вечеръ.»

»Не вполнѣ, Маіоръ?» отвѣчала Графиня шутя, и какъ будто не угадывая, на что мѣшилъ Спрѣлинскій: »неужели же вы удѣляете изъ него часъ своему Испанскому плащю? Я увѣрена, что вчерашній Донъ Алонзо и въ гусарскомъ мундирѣ будетъ такъ же веселъ и любезенъ, какъ прежде, и постарается вновь перенести роскошные цвѣты Гренады подъ хладное небо нашего опечеснѣва.»

— »Небо вездѣ небо, Графиня, хотя не каждый можетъ, не каждый хочетъ, не каждый умѣетъ наслаждаться имъ! и не всѣ цвѣты орошены благородною росой» Онъ замаялся, не зная, какой родипельный падежъ прибавить сюда, но глаза договорили его мысль лучше словъ — и, какъ казалось, прекрасная Графиня вовсе на это не сердилась. Даже, если вѣришь дословѣрнымъ Испорикамъ (вы знаете, что и Наполеонъ не казался героемъ своему камердинеру, и Клеопатра была не болѣе, какъ женщина въ глазахъ ея наперсницы), — то при словѣ »небо,« копорому влюбленный Маіоръ далъ нѣжное значеніе звукомъ голоса,

что-то похожее на вздохъ вырвалось изъ груди ея.

Потомъ разговоръ склонился на легучія новоспн, которыми всегда испещрена сполнч-ная атмосфера. Потомъ Графннн рассказывала маленькія приключенія своихъ путешесствій такъ мило, Валеріанъ слушалъ такъ внимательно! — а это великое искусство, особенно съ женщинами: онъ пребываетъ, чтобы вы внимали имъ не только слухомъ, но и глазами, и скорѣе проспнвъ всякую глупость, когда вы имъ говорите, нежели разсѣиваетъ, когда вы ихъ слушаете. Однимъ словомъ: между новыми знакомцами царсвовала такая гармонія, что можно было закладывать спо прошивъ одного: Амуръ былъ наспройщикомъ этого лада. Они шутили, смѣялись, спорили, какъ будто въкъ жили вмѣстѣ. И между тѣмъ очн обоихъ вели споль сильный перекрестный огонь, что онъ не только имъ, но и спороннимъ могъ казаться поспшнымъ. Одинъ мой пріятель говаривалъ, что сердце юноши—ладунка съ порохомъ, сердце женщины—спклянка съ духами; но какъ бы то ни было, и то и другое вещи легковозгараемая, и поэтому

казалось весьма сомнительнымъ, чшобы онѣ могли уцѣлѣть отъ пламени. Но женщины и въ самомъ пылу не забываютъ ни приличій, ни бездѣлицъ, лежащихъ на сердцѣ. Приданое Еввы — любопытство и оскорбленное самолюбіе — подспрекало Графиню узнать, какимъ образомъ могло кольцо, подаренное Гремину, перейти въ руки Спрѣлинскаго! Она не скрывала отъ себя, какъ ни досадно то было, что Маіоръ по вчерашнимъ словамъ угадалъ ея шайну, если шайной что нибудь ему было прежде, ибо вспрѣчу съ собой она не считала случайною, и пошому, возвративъ улишку разговора на маску его, она слегка похвалила его умѣнье превратить себя изъ блондина въ черноволосаго, и искусство мѣнять голосъ по произволу — и пошла прямо къ цѣли. — «Ошкровенно скажу вамъ, Спрѣлинскій,» примолвила она: »вы бросили меня въ шуманъ загадокъ и недоумѣній. Особенно эмалевое кольцо ваше съ изумрудомъ ввело меня въ ребяческое заблужденіе... мнѣ показалось оно не вовсе незнакомо.»

— «Кольцо это,» отвѣчалъ Спрѣлинскій, какъ будшо пробуждаясь отъ сна и подавая

его Графинѣ; »кольцо это сдѣлано было года два тому назадъ въ подражаніе кольцу одного изъ друзей моихъ, только что пріѣхавшаго изъ Пешербурга. Я счелъ его моднымъ; вкусъ въ оцѣлкѣ и форма мнѣ понравились — и услужливые Кіевскіе Жидаы пошчасъ срабошали что-то подобное. Все это было дѣломъ случая, но теперь кольцо мое получило для меня новую цѣну, какъ завѣрное звено леснаго вашего знакомства, Графиня.»

Между тѣмъ лицо Графини прояснилось... Разсмотрѣвъ кольцо, она увѣрилась, что оно только издали похоже на подаренное ею нѣкогда, и не носило на себѣ знака давно спертой съ ея сердца привязанности. Самолюбіе ея было утѣшено, и она, оцѣдая кольцо Спрѣлинскому, очень благосклонно возразила ему: »Вы напрасно приписываете магическую силу этой бездѣлкѣ. Не она, а любезность ваша причиной знакомства. Посѣщая почтенную вашу пепушку, мы и безъ этого случая конечно бы узнали другъ друга. Кромѣ того, живучи въ одномъ кругу, вѣроятно ль, чтобы мы гдѣ нибудь не встрѣпились? Ксшапи о балахъ, Спрѣлинскій: гдѣ вы будете встрѣ-

часть Новый годъ? Что до меня касается, я опозвана уже за мѣсяць на ежегодный и единственный балъ къ Княгинѣ Борисѣ. Вы кажетесь, родня имъ?»

— »Впервые благодарю боговъ — я ей племянникъ! По крайней мѣрѣ я долженъ вѣровать въ это по самымъ чувствительнымъ доказательствамъ! Она не упускаетъ ни одного случая пожуришь меня, сажаетъ за дѣтскій столъ, когда за большимъ пѣсно и, по-Московски, нерѣдко подбиваетъ шипучимъ медкомъ вмѣсто шампанскаго. Но погода прекрасна, Графиня, и конечно вы оживите Невскій бульваръ своимъ присутствіемъ?» прибавилъ Спрѣлинскій, вспавая.

»Я только въ надеждѣ скорого возвращаю себя удовольствію вашей бесѣды, Спрѣлинскій! Я всегда вамъ рада... прошу не принять этого за пустой звукъ, и жаловать ко мнѣ попросу, безъ чиновъ. Каждый вторникъ, добрые пріятели и подруги посѣщаютъ меня и, если вамъ не будетъ скучно съ нами убить время... «

— »Скажете лучше, оживитъ время, Графиня... Вѣрите, что если бѣ мнѣ должно было

покупашь минуты вашей бесѣды цѣлыми годами жизни, я и тогда счелъ бы себя счастливымъ, насладясь, какъ бабочка, одной весною. Мицкевичъ говоришь, что въ Маѣ одно мгновеніе прелеснѣе цѣлой недѣли въ осень.»

»Не забудьте, что у насъ зима!« сказала Графиня, улыбаясь, и Спрѣлинскій раскланялся со вздохомъ.

»Славно сыграно, Валеріанъ!« могутъ воскликнуть чипапели сходящему съ лѣспницы Спрѣлинскому; но самъ онъ, спувивъ въ полярный кругъ ошесшсшвія ошъ милаго предмета, совсѣмъ не думалъ распочать себѣ подобныя похвалы: онъ чувсшвовалъ, что испытаніе за друга спановилось ему постороннею вещію; что теперь влюбленному, и можетъ быть любимому, тяжка была бы холодношъ Графини, мучительна разлука съ ней, и не-сносна ея перемѣна: однимъ словомъ, что собственное его благополучіе зависѣло ошъ ея взаимности. »Все эшо пройдешъ, все эшо ми-нешъ, говорилъ онъ самъ себѣ: я слишкомъ въпренъ для постоянной любви.« Но эшо не проходило. »Спѳишъ только избѣгаешъ случаевъ видѣшъ ее дня шри, и сердце мое погаснешъ

какъ лампада безъ масла!« думалъ онъ, и чѣмъ бы оправдать такую благоразумную рѣшимость, поскакалъ съ повинною головою къ Княгинѣ Борисѣ, чѣмбы не пропустилъ бала, гдѣ будетъ прелестная и, разумѣется, божественная Алина. Любовь щедра на эпиграммы и обоготворенія; но, пройдетъ время — и отступники своихъ идоловъ, мы первые гошвы сокрушимъ ихъ, и громимъ прежнія наши святыни.

Въ театръ, на балахъ, на музыкальныхъ вечерахъ, на танцевальныхъ заплатахъ, на званыхъ обѣдахъ, на прогулкахъ и катаньяхъ безъ всякаго намѣренія, Богъ знаетъ какъ, Алина встрѣчалась съ Валеріаномъ: шутъ нѣтъ еще дива, но странно было то, что они почти все время проводили вмѣстѣ. Изъ одной учливости подходилъ онъ къ ней сначала; но потомъ слово за слово, взоръ за взоромъ — мечпашель забывалъ свѣтъ и время, и только злобщій крикъ лакея: »Графини Звѣздичъ кареша!« разрушалъ его упоеніе, и съ превыспреннихъ сводилъ въ прохладныя сѣни. Графиня любила Театръ — Валеріанъ хорошо зналъ и масперски судилъ его. Графиня въ совершенствѣ вла-

дѣла арфою — Спрѣлинскій увѣрялъ, что онъ спраспный охотникъ до музыки — что онъ dilettante опъ султана до шпоръ, — и попому спранно ли, что онъ такъ часпо являлся въ ея ложѣ, или садился подлѣ нея въ концертахъ? Все это было изъ любви къ Искусствамъ, не болѣе. Немного шруднѣе найши было опговорку слишкомъ часпой случайности, благодаря копорой ему удавалось подавашь руку Графинѣ, при переходѣ изъ госпинной въ споловую, и тонкій наблюдатель могъ бы похвалишь его глазомѣръ — когда онъ, будто вовсе не замѣчая, такъ расчепливо спановился въ рядѣ кавалеровъ, что ему всегда выпадала на долю рука Алины и, спало бышь, мѣспо подлѣ нея за споломъ.... Нѣжная улыбка, ласковое словцо и, порой, легкое давленіе милой руки бывали наградою его хипроспи.

» *L'amour est l'égoïsme à deux* « сказала мадамъ Спаль, и весьма справедливо: Спрѣлинскому леспно было получишь опъ Графини преимущество надъ толпою вздыхапелей многорѣчивыхъ и безъ рѣчей, когда свивались круги мазурки или Французскихъ кадрили; а Графинѣ, съ своей спороны, казалось пріятно

имѣлъ кавалеромъ такого опличнаго танцора, какъ Спрѣлинскій. Въ кругу общества и въ пиши уединенія они нравились другъ другу оспроуміемъ и оригинальноспію; и наконецъ, когда оба они заглядывали въ будущее, то конечно не могли найши другъ для друга лучшей паршіи. Та и другой съ хорошимъ родспвомъ, пошъ и другая независимы и богаты — случай, удаляющій всякую мысль о корыспи: все благопрііспствовало обоюдной склонности. Графиня подружилась съ сеспрою Спрѣлинскаго, Ольгою, дивясь, какъ до сихъ поръ она не умѣла оцѣнить всѣхъ любезныхъ ея качествъ. Валеріанъ удивлялся, съ своей спороны, шонкости вкуса Графини въ выборѣ знакомыхъ—и подобно блуждающей доселѣ комешъ, началъ обращаться въ кругу ихъ. — Нужно ли сказывать, какое солнце покорило его центпровлекающей силѣ своей?

» Она расцвѣтала, какъ дѣвственна
 Мечта юности; была чиста и прелестна,
 Какъ земля въ первый день творенія.«

Старинная Эпитафія.

Въ домашней жизни Валеріанъ былъ едва
 ли не счастливѣе, чѣмъ въ свѣтѣ. Подлѣ се-
 стры своей Ольги опдыхалъ онъ сердцемъ опъ
 оспроумія модныхъ умницъ и опъ безумія
 собсвенной спраси. Подлѣ ней упихало вол-
 неніе сомнѣній, и ревность свивала коршуно-
 вы крылья свои. Въ самомъ дѣлѣ, прудно было
 и самому мизогину не полюбить эпого невин-
 но - милаго сущесва! Воспитанная въ Смоль-
 номъ монастырѣ, она, подобно всѣмъ подру-
 гамъ своимъ, купила невѣдѣніемъ бездѣлицъ
 общежитія, спасительное невѣдѣніе раннихъ
 впечатлѣній порока и безвременнаго мятежа
 спрасей. Она прелестна была въ свѣтѣ, какъ
 образецъ высокой простоты и дѣтской оп-
 кровенности. Опрядно было успокоить взоръ
 на свѣпломъ лицѣ ея, на которомъ еще ни
 игра спрасей, ни лицемѣріе приличій, не впе-
 чашлѣли слѣдовъ, не бросили пѣней. Опрядно
 было согрѣть сердце ея веселостію, ибо ве-

селоспъ — цвѣспъ невинности. Въ мупномъ морѣ свѣспскихъ предразсудковъ, позолоченной испорченности суешнаго ничпожеспва — она возвышалась, какъ зеленѣющій свѣжій оспровокъ, гдѣ успалый пловецъ могъ найспи покой и довѣріе. Она не могла поняспъ, для чего бы ей спыдипись слезъ умиленія при разсказѣ о великодушномъ поступкѣ, или румянца негодованія, слыша о низоспяхъ людскихъ. — Не понимала, почему неучспиво сказаспъ человекъ въ глаза: »Ахъ! какъ вы добры!« или: »ахъ! какъ вы злы!« если онъ по заслуживалъ; не понимала, почему ей не прилично съспъ подлѣ умнаго молодаго человека, съ копорымъ пріясно разговариваспъ, и почему она обязана слушаспъ неспспости пожилаго поспому только, что онъ со звѣздою. Она нерѣдко смѣшила васъ самыми спранными вопросами, но чаще приводила въ смущеніе самыми проницательными. То забавляла незнаніемъ самыхъ обыкновенныхъ вещей, по изумляла новоспію мыслей, глубиною чувспвъ и неколебимоспію воли на все прекрасное. Не говорю о прелеспяхъ, коими одарила ее природа; не говорю о совершенспвахъ, данныхъ образованіемъ. Она горячо и нѣжно

любила брата, который оспался ей единствен-
нымъ другомъ, единственнымъ покровишемъ
на земли. Веселишь, радоваешь, предупреждаешь
малѣйшее его желаніе было сладчайшею забо-
пою Ольги. Она играла для него на піано; пѣ-
ла его любимыя пѣсни, порхала передъ нимъ,
какъ ласпочка — и рассказывала анекдоты
своей монастырской жизни; какъ, напримѣръ,
однажды цѣлый классъ перепáдалъ въ обмо-
рокъ опъ того, что одной показалось, будто
она увидѣла ужаснаго звѣря — мышъ! Какъ онѣ
цѣлыя при ночи не спали опъ спраху опъ
какой-то ппицы, копорая »половину была
кошка, а половину не знаю чего, укала и свер-
кала глазами подъ окнами.« — Валеріанъ смѣял-
ся опъ чистаго сердца, между тѣмъ какъ се-
спра не вовсе понимала, что такъ смѣшнаго
было въ ея разсказахъ. »Впрочемъ,« прибавляла
она, извиняясь — »я была тогда такая ко-
фейная.»

Чтобы вполне понять эту фразу, надоб-
но знать, что въ Смольномъ монастырѣ при
возраста воспитанницъ опличающся прѣмя
цвѣтами плащя: кофейнымъ, голубымъ и бѣ-
лымъ, изъ коихъ первый присвоенъ самому

младшему, и попому между двумя спаршими
возраспами названіе кофейной служишь какъ
бы упрекомъ въ простотѣ.

»Дай Богъ,« возражалъ тогда Валеріанъ,
лаская ее: »чтобы ты всегда оспалась кофей-
ною сердцемъ.«

Однажды вечеромъ Ольга фанпазирова на
форте-піано, между тѣмъ какъ братъ, задумавшись, слушалъ ее, облокотясь о ручку кресла — и вдругъ она вспрыгнула весело, схватила Валеріана за руку и, быспро глядя ему въ глаза, сказала: »Не правда ли, братецъ, ты женишься на Графинѣ Звѣздичъ?«

Полуизумленъ, полусмущенъ словами сестры, въ копорыхъ заключались и неожиданный вопросъ и вмѣстѣ нѣжная просьба, онъ долго, долго смотрѣлъ на нее, можетъ быть разгадывая ея мысли, можетъ быть собирая свои — и наконецъ отвѣчалъ съ улыбкою: »Какой вѣперъ навѣялъ тебѣ, милая, такую спранную мысль?«

— »Спранную мысль, братецъ? Напропивъ мнѣ кажется, самую еспеспвенную. Если Богъ не судилъ вамъ родиться братомъ и сеспрою, чтобы дѣлишь горе и веселье, то, думаю, къ

этому нѣтъ другаго пути, кромѣ женишбы. Какъ могли бы иначе соединиться два сердца, копорыя любяшъ другъ друга?»

»Но кто тебѣ сказалъ, что мы любимъ другъ друга?»

— »Ахъ, какой ты лицемеръ, брашецъ! и передъ кѣмъ же? Передъ сестрою своею! Развѣ я не люблю тебя? развѣ родные не друзья, дарованные небомъ? Да и почему тебѣ скрывать свою привязанность къ особѣ, достойной любви?»

»Миръ! миръ, моя проникательная сестрица! Положимъ, въ угоду тебѣ, что я влюбленъ въ Алину. Но теперь вопросъ: любимъ ли я взаимно?»

— »Въ этомъ я порукой, mon frère: Графиня любитъ тебя, какъ я сама.»

»Я не думаю, чтобы она избрала сестру мою наперсницею своихъ тайнъ!»

— »О нѣтъ, брашецъ! прямо она не говорила мнѣ о томъ ни слова; но она такъ часто говоритъ о тебѣ, такъ охотно вскрывается съ тобою, что склонность ея только ко тебѣ можетъ казаться тайною. Я мало знаю свѣтъ, людей еще менѣе; но если вещи,

копорыя угадываю я собственными чувствами. «

» Ты просвѣщеніе, нежели я думалъ, любезная Ольга. «

— » Просвѣщеніе! это похоже на упрекъ, брашецъ; вошъ каковы мужчины! Вы преслѣдуете насъ — за наше невѣдѣніе, и еще больше гнѣваесть за наше познаніе. Ты несправедливъ опъ того, что тебѣ досадно, какъ могла неопытная монастырка проникнуть въ тайны своего скрытнаго брата. — Въ самомъ дѣлѣ, какъ умѣшь и какъ смѣшь опли-чить любовь опъ ненависти!! Нѣтъ, мой братъ, я скорѣй имѣю право сердиться за твою недовѣрчивость и за то, что ты воображалъ меня такою просвѣщеною. «

» Я точно виноватъ, я въ самомъ дѣлѣ несправедливъ прошивъ тебя, моя милая, добрая Ольга! « сказалъ съ нѣжностію Валеріанъ, поцѣловавъ ее въ чело. » Съ этихъ поръ между нами нѣтъ тайны. «

— » Это напрасно, Валеріанъ. Я не хочу того знать, что мнѣ знать бесполезно; но можешь ли быть чуждо душѣ моей все, что касается до моего счастья? Признаюсь те-

бѣ въ моемъ ребячествѣ — я уже не разъ
спроила воздушныя замки, соединяя себя въ
мечтахъ съ Графиней. Какъ весело, — какъ
радостно тогда будетъ намъ! Мы поѣдемъ
жить въ деревню, по которой я такъ давно
вдыхаю, во снѣ и на яву. Мы будемъ всегда
вмѣстѣ — счастливы вмѣстѣ, что мы вмѣ-
стѣ, вдалекѣ отъ докучливыхъ господей. Неви-
димо поспѣемъ для насъ время, лѣтомъ съ
природой, зимой съ дружествомъ, всегда съ
любовью. Мы будемъ гулять, кашаться въ
лодкѣ, ѣздить верхомъ — я надѣюсь, ты мнѣ
позволишь это, брашецъ! ты купишь для
меня хорошенькую лошадь — не правда ли?
Вечеру мы за чайнымъ столикомъ шутимъ,
смѣемся; попомъ поемъ, танцуемъ. Читаемъ
Вальперъ-Скопа; иногда и разсуждаемъ очень
серіозно — вѣдь нельзя вѣкъ толковать о бездѣ-
лицахъ. Иногда къ намъ будутъ пріѣзжать
сосѣди — антики и добрые наши знакомые: —
вѣрно и Князь Греминъ не забудетъ преж-
нихъ друзей своихъ. »

»А тебѣ нравишься Князь Греминъ, Ольга? «
спросилъ Валеріанъ, болѣе для избѣжанія рѣ-

шипельнаго опвѣта , нежели для удовольствования любопытства.

— » Я очень люблю его , брашець , и онъ самого малолѣтства . Ты такъ часто ѣздилъ съ нимъ въ монастырь — онъ называлъ меня та cousinе , и такъ охотно слушалъ мое болтанье , что я только передъ нимъ и тобою не красѣла говоришь . Бывало я неперпѣливо жду , когда вы пріѣдете ; а бывало и праздникъ не въ праздникъ , когда васъ нѣтъ . Я крѣпко плакала по васъ обоихъ по переводѣ вашемъ изъ Пешербурга . . . признаюсь тебѣ , брашець , въ моемъ ребячествѣ — я еще до сихъ поръ берегу на память прекрасное куриное перо , выроненное изъ султана Князя . »

— » Султаны , душенька , дѣлаются изъ пѣтушкихъ перьевъ . »

» Какъ будто это не все равно , mon frèге ? Развѣ пѣтухъ не братъ курицы ? »

— » Такъ , но не совсѣмъ такъ . Напримѣръ : ты мнѣ сеспра , а не смѣшно ли бѣ было , если бѣ кто нибудь , принимая одну за другаго , сказалъ , что у Ольги прекрасные усы ? Однако , что далѣе ? »

» Чѣмъ далѣе , тѣмъ ближе къ моему ребя-

чеспву. Ты, я думаю, помнишь, брапецъ, съ какой списходишельноспію спрашивалъ Князь о моихъ урокахъ, о моихъ занятіяхъ; какъ ясно поправлялъ мои заблужденія и, шупя, развивалъ мои мысли, училъ доброду, и шакъ проспо, шакъ поняшно! Я боялась ошибишь-ся передъ нимъ больше, чѣмъ передъ своими учишелями — за шо мнѣ было шакъ весело, когда онъ хвалилъ меня! Больше всего я любила слушати испорическіе его анекдоты — онъ очень мило ихъ рассказывалъ. Я плакала, слушая о бѣдспвіяхъ Маріи Спюаршъ! Я привыкла ненавидѣть коварную Елисавету, хошь ее и называюшь доброю и премудрою. Я научилась любить Генриха IV, опца и друга своихъ подданныхъ, за шо, чшо будучи добрымъ царемъ, онъ не разучился быть добрымъ человѣкомъ. Князь заспавилъ меня восхищати геніемъ нашего Великаго Пешра, скромнаго въ счаспій, неколебимаго въ бѣдѣ — и всего болѣе подъ Прупомъ, когда онъ пишеть указъ Сенапу не слушати его впредѣ, если онъ, принужденный Турками, повелишь что нибудь недоспойное себя или Россіи. Гдѣ найдемъ мы примѣръ чистѣйшаго самоопвер-

женія, высшей любви къ опечеспву!! Ахъ, брашець, я очень люблю Князя!»

» Въ самомъ дѣлѣ, Ольга? « сказалъ Спрѣлинскій, и погрузился въ думы, равно объ Ольгиномъ, какъ и своемъ будущемъ. » Не будь этого проклятаго письма отъ Репешилова къ Гремину, « думалъ онъ: и мы оба могли бышь счастливы; я съ Алиной, онъ съ Ольгою. Ни мнѣ нельзя желать лучшаго зятя, ни ему лучшей жены. Одна только крошесъ Ольги можешъ умѣришь вспыльчивосъ его характера; только съ нею нашель бы онъ покой, о которомъ напрасно мечтаешъ: свѣтская женщина — вѣчно будешъ ему виной сомнѣній и ревности. Теперь совсѣмъ иное дѣло. Я не опасюсь прежней привязанности Гремина, но его всегдашняго упрямства. Онъ гошовъ увѣряшь меня и увѣришь себя, что влюбленъ до безумія вошь уже два раза я писалъ къ нему — и нѣшь отвѣща; это что нибудъ да значишь! Но какъ бы то ни было — я не уступлю Алины другому, даже другу, ни за какія блага, ни отъ какихъ бѣдъ въ мѣръ! Любишь или припворяешся она, что любишь

меня, но должна быть моею, не смотря ни на что минувшее, ни на что будущее. Я рѣшился.»

VI.

»Такъ! я мечпашель, я дия,
Мой замокъ каршы: — но не вы ли
Его построили, шуя,
И насмѣхаясь, разорили!»

Въ книгѣ любви всего милѣй спраница ошибокъ; но всему своя пора. Теперь Алина была уже не та шеснадцатилѣтняя, неопытная женщина, увлеченная попокомъ примѣровъ и обольстительною логикою обожателей, — копорая, обрадована первой связью, какъ новою игрушкой, и воображая себя героинею романа, писала спрасныя письма къ Князю Гремину. Съ тѣхъ поръ, однако жъ, только въ эпомъ могла она упрекать себя, только надъ эшимъ могъ подшучивать Спрѣлискій, хоия онъ, движимый ревностию, исшарилъ землю и воздухъ, желая узнать что нибудь похожаго на любовь въ цѣлой жизни Графини. Спрогосъ! насоящаго ея поведенія была примѣрна въ опношеніи ко всей молодежи, копорая вилась около нея. Едва кто ниб

изъ нихъ переступалъ границу шушки, едва произносилъ одну влюбленную нопу, не только слово, — мыльный дождь нравоученія и градъ насмѣшекъ разражались надъ головой селадона. Привыкнувъ за границею обходиться непринужденно съ мужчинами, она никогда не позволяла ихъ вольности превращаться въ своеволие, и между шѣмъ, какъ ея красота и любезность привлекали всѣхъ, ея оспороженность держала всѣхъ въ почтительномъ отдаленіи. Спрѣлинскій, правда, соспавлялъ исключеніе, но и онъ уже не разъ испытывалъ на себѣ, что природа и свѣтская любовь не дѣлають скачковъ, а пошому, какъ ни увѣренъ былъ, что его любятъ взаимно, но роковое слово: »люблю!« двадцать разъ замирало на устахъ, прежде, чѣмъ онъ выговорилъ, какъ будто съ нимъ онъ долженъ былъ разсчитываться, какъ кладъ ошъ аминя. И Графиня по же, какъ и всякая женщина, казалось, испугана эшимъ словомъ — »люблю васъ,« какъ выпрѣломъ, — какъ будто каждая въ немъ буква соспавлена изъ гремучаго серебра! И какъ ни пригошвлена была она къ объясненію, какъ увѣрена была, что это должно случиться

рано или поздно — но вся кровь ея сердца вспыхнула въ лице, когда Спрѣлинскій, уловивъ гибкую минушу, съ препешомъ открылъ любовь свою Оспавляю чинапелямъ до-рисовать и угадать продолженіе эпой сцены. Я думаю, каждый со вздохомъ или съ улыбкою можетъ припомнить и помѣспить въ нее опрывки подобныхъ сценъ своей юности — и каждый ошибется не много.

Прелесны первыя волненія и воспюрги спраси, когда неизвѣспность воздвигаетъ часныя бури сердца, но еще сладоспнѣ покой и довѣренность открышой взаимности. Тогда въ любви находимъ мы всѣ радоспи, всѣ ушѣшенія дружбы, самой нѣжнѣйшей, самой предупредительной, и если первый мѣсяць брака называютъ *медовымъ*, то первый мѣсяць открышой любви, по всѣмъ правамъ, именовать можно *нектарнымъ* — это небо-склонъ послѣ грозы: свѣплый, но безъ зноя, прохладный безъ облаковъ.

Слившись сердцами, Графиня и Спрѣлинскій вкушали нѣгу сего лучшаго возраста любви, не опнимая успѣ опѣ чаши. Прямой, опкровенный, благородный характеръ Маіора

только по наружности казался прошиворѣчимъ съ упонченнымъ, свѣтскимъ обращеніемъ Графини. Какъ скоро взаимное уваженіе и сердечная теплота распости оковы приличій, или лучше сказать, принужденностей, нѣжная искренность и беззавѣрное довѣріе заступили въ ней мѣсто прежней недоспуности и понкаго злословія. — Даже робость, несомнѣнный признакъ истинной любви, замѣнила самоуувѣренность. Совѣтъ Валеріана сдѣлался ей необходимъ для самыхъ бездѣлокъ въ выборѣ нарядовъ; его одобреніе на каждый шагъ въ обществѣ, его доброе мнѣніе для всѣхъ пропекшихъ и наспоящихъ случаевъ жизни. Въ одинъ-то изъ подобныхъ часовъ изліяній душевныхъ, Алина рука съ рукой подлѣ Спрѣлинскаго, любуясь выразительными его очами, говорила: „Валеріанъ! свѣтъ можешь осуждать меня за легкомысліе первыхъ лѣтъ моего замужства, но швое сердце меня оправдаетъ. Въ пятнадцатъ лѣтъ меня посадили за споломъ, подлѣ какого-то спарика, копорого запомнила я только по чудесной паба-керкѣ изъ какой-то раковины. Ввечеру мнѣ очень важно сказали: „Онъ швой женихъ: онъ

будешь своимъ супругомъ;“ но что такое женихъ? что такое супругъ? мнѣ и не подумали объяснить, и я мало заботилась спрашивать. Мнѣ очень понравилось быть невестою; — какъ дитя, я радовалась конфетамъ и нарядамъ и всѣмъ бездѣлкамъ, которыя мнѣ дарили; я готова была расцѣловать сараго Графа, когда онъ подарилъ мнѣ прелесные золотые часы, потому что въ недавно брошенныхъ мною игрушкахъ были только оловянные. Наконецъ я стала женою, не переставъ быть ребенкомъ, не понимая, что такое обязанности супружества и, признаюсь, потому только замѣтила перемѣну состоянія, что меня стали величать »Вашимъ Сіятельствомъ.« Долго не замѣчала я, что мужъ мой мнѣ не пара, ни по лѣтамъ, ни по чувствамъ. Для визитовъ мнѣ было все равно, съ кѣмъ ни сидѣть въ каретѣ; дома же онъ слишкомъ занятъ былъ своими недугами, а я своими забавами и гостями. Однако же въ семнадцатъ лѣтъ заговорило и сердце.... оно спѣсилось неведомою грустію, желало чего-то непонятнаго: это была потребность любить, и я полюбила во всей невинности души. Ты

знаешь, кто былъ предметомъ этой склонности . . . и я благодарю Провидѣніе, что оно судило мнѣ встрѣпиться съ человекомъ благороднымъ, который не думалъ, не только не желалъ употребить во зло мою неопытность. Скорая разлука показала однако жъ мнѣ, какъ ошиблась я въ своихъ чувствахъ. Я приняла за любовь желаніе нравиться, желаніе предпочтенія опъ человека, предпочитаемаго другими. Тщеславіе, и охота быть, *какъ другія*, довершили круженіе головы; я увѣрила себя, что спраспно люблю Князя Гремину, попому, что онъ казался мнѣ достойнымъ такой любви. Можепъ спаться, если бы онъ поддержалъ такое расположеніе перепискою, я привыкла бы къ этой мечпѣ будпо къ чувству, и вѣрность, которую обожала я, какъ достойная поклонница санпименпализма — могла бы вовсе переменить судьбу мою. Но онъ, едва мы распались, оказался весьма невнимательнъ; — я была опъ того внѣ себя, называла это холодноспію, укоряла въ неблагодарности, въ измѣнѣ — и забыла его скорѣе, чѣмъ надѣялась. За границею, чаще сама съ собою, чаще съ людьми образованными — я почув-

спивовала необходимоспъ чпенія и жажду познаній. Хорошія книги и еще лучше примѣры и совѣты женщинъ, умѣвшихъ сочепашъ свѣпскія качеспва съ высокими правилами, убѣдили меня, что и не любя мужа, должна любить долгъ супружеспва, и что величайшее изъ несчастій есть потеря собственнаго уваженія. Кочевая жизнь не давала мнѣ даже случая къ поспояннымъ знакомспвамъ, и сердце мое только во снѣ видѣло счастье: въ вихрь забавъ, въ кругу искапелей, я оспалась свободна. Мужъ мой умеръ, и я цѣлый годъ шраура провела въ уединеніи, съ немногими подругами, чишая въ собственномъ сердцѣ помощію книгъ, и разгадывая книги по сердцу: это возродило меня. Я поспигла тогда умомъ, что до шѣхъ поръ заключалось въ чувспвѣ; увѣрилась, что благополучіе есть невинноспъ и находишся въ насъ самихъ. Я не разлюбила ни удовольспвій, ни выгодъ свѣша; по крайней мѣрѣ я могла бы шеперь лишиться ихъ, если не безъ сожалѣнія, то безъ ропоша. По возвращеніи въ Россію, обязанности къ роднымъ и общеспву не дали мнѣ времени образумиться Меня засыпали привѣспвіями и приглаше-

ніями, лєспью и любєзносцію — но я уже предохранєна была опть эпого чаду: я знала, что всякая Парижская новинка, хошь на мигъ, но всегда увлєкаетъ вниманіє публики, а поклонники въ нѣскольکو вечєровъ успѣли наскучить своими перєслащенными фразами — шакъ, что я больше, чѣмъ когда нибудь, почувствововала пустошу сердца. Совершенная безхарактерность молодыхъ людей нашихъ, »эпи образы безъ лицъ,« навели на меня неизяснимую шоску. Я ужаснулась, не найдя Русскихъ въ Россіи. Проспишєльно бышь легкомыслєннымъ еще во Франціи, гдѣ на каждомъ шагу находишь пищу любопытству, разсѣянію, самой лѣни; гдѣ каждая бездѣлка носитъ на себѣ печать образованности, и даже глупость не лишєна остроумія. Но можно предсавить себѣ, какъ несносны слѣпки Парижскаго міра въ Россіи, гдѣ можно шолковать шолько о шомъ, чего у насъ нѣтъ, и гдѣ половина общєства не понимаетъ, что сама говоритъ, а другая, что ей говорятъ: одна, шопоропившись выучить привозное, какъ попугай, другая опоздавъ учиться, опть застарѣлыхъ предразсудковъ. Въ эшо время —

я встрѣпилась съ тобою, и до сихъ поръ не умѣю себѣ объяснить, какой судьбой я такъ быстро увлеклась сердцемъ? Признаюсь, обманушая росномъ и голосомъ, я сначала приняла тебя за Гремина: я старала любопытствомъ, желая увѣриться въ своей догадкѣ — но скоро къ нему примѣшались чувства нѣжнѣйшія. Я вѣрила и не вѣрила, что ты Греминъ; не столько воспоминаніе прошлаго, какъ прелесть новоспи заманивала меня далѣе и далѣе. Я должна была сердиться на Князя, но вмѣстѣ съ тѣмъ, была благосклонна къ новому знакомцу. Я должна была обходиться осторожнѣе съ незнакомымъ, и довѣрялась какъ старому другу; — однимъ словомъ, я не знала, что говорила и дѣлала! оспальное тебѣ извѣстно, милый Валеріанъ. . . . и Богъ тебѣ судья, если когда нибудь заспавишь меня раскаясь въ любви моей!»

Валеріанъ былъ воспорженъ; ему казалось, гармоническая музыка сферъ гремѣла шущъ его благополучію, и онъ, съ пылкостью юноши цѣлуя оставленную ему руку, хопѣлъ, по гусарской привычкѣ, клясь всѣмъ, что есть и чего нѣтъ на свѣтѣ, въ неизмѣнности любви сво-

ей, — но Алина остановила эпопѣю порывѣ досповѣрности. » Не клянись, Валеріанъ, « сказала она съ нѣжностію: — »кляшва почти всегда неразлучна съ измѣной — я знаю эпо на опытъ. Я больше вѣрю благородству твоихъ чувствъ, нежели порукъ звуковъ, волнующихъ и уносимыхъ вѣтромъ: мы уже не дѣти.«

Съ обѣихъ сторонъ дѣлались приготовленія къ браку, хотя о немъ еще не было прямыхъ условій. Валеріану, однако же, они были необходимы: онъ начерпалъ планъ для будущей жизни, копорая вовсе не могла понравиться Графинѣ, и о копорой колебался онъ открывъ ей. Между тѣмъ, какъ товарищи и пріятели считали его только вѣпреникомъ, заботливымъ, какъ прожишь свои доходы — онъ вшайнѣ дѣлалъ всѣ пожертвованія для улучшения участи крестьянъ своихъ, копорые, какъ большая часть господскихъ, доспались ему полуразоренными и полуйспорченными въ нравственности. Онъ скоро убѣдился, что нельзя чужими руками и наемною головою успроить, просвѣтить, обогатить крестьянъ своихъ, и рѣшился уѣхать въ деревню, чтобы упрочить благосостояніе нѣсколькихъ тысячъ се-

бѣ подобныхъ, разоренныхъ барскимъ пераждѣ-
ніемъ, хищностью управителей и собствен-
нымъ невѣжествомъ. У него не было недо-
спашка ни въ деньгахъ для обзаведенія, ни въ
доброй волѣ къ исполненію, ни въ познаніяхъ
сельскаго хозяйства — пріобрѣтенію коихъ
посвящилъ онъ всѣ досуги свои; недоспавало
только опыта, — но она приходилъ
сама собою; припомъ, первую пѣсенку не спѣд-
но спѣлъ и зардѣвшись, говорилъ пословица.
Мысль облегчилъ, усладилъ свои будущія за-
боты любовью милой подруги, и согласилъ
долгъ гражданина съ семейственнымъ счасті-
емъ, ласкала Валеріана; однако же, не смотря
на силу спраси, намѣренія его были пвер-
ды; въ важныхъ обстоятельствахъ жизни
онъ умѣлъ владѣть собою; но чѣмъ непре-
клоннѣе была воля его, тѣмъ нерѣшительнѣе
спановился онъ открывъ ее Алинѣ. Онъ чув-
ствовалъ, какой жертвы требовалъ; зналъ,
какъ трудно для молодой, прекрасной и бога-
той женщины опказаться опъ свѣта; »но
это будетъ испытаніемъ ея привязанности,«
думалъ онъ. »Если жъ нѣтъ? — Нѣтъ! Женщи-
на, которая предпочтетъ мнѣ свѣтскую

жизнь — не знаешь и не стоишь истинной любви.» Скоро представился и случай къ объясненію.

Это было на масленицѣ, послѣ капанья съ Англійскихъ горъ. Лдяныя горы, милоспивые государи, естъ выдумка, доспойная адской полишки, на зло всѣмъ спарымъ родспвенницамъ и ревнивымъ мужьямъ, копорые ворчають и ахають, но шерпяють все, покорспвуя ширанкѣ — модѣ. Въ самомъ дѣлѣ, кто бы не подивился, что шѣ же самыя недоспупныя дѣвицы, копорыя не смѣють перейти черезъ бальную залу безъ покровительницы, шѣ же самыя дамы, копорыя ошказываютъ оперешья на руку учпиваго кавалера, когда сажашся онѣ въ карешу, весьма вольно прыгаютъ на колѣни къ молодымъ людямъ, долженспвующимъ править на полспу аршинными ихъ санками внизъ горы и по льду раската. Между шѣмъ, чтообы сохранить равновѣсіе, надобно порой поддерживать свою прекрасную спущницу — то за спройный спань, то за нѣжную ручку. Санки лспяють влѣво и вправо, воздухъ свищеть ухабъ . . . сердце замерло и рука невольно сжимаетъ крѣпче руку: и машушки дуются, и

мужья грызущъ ноги, и молодежь смѣется; но всѣ, опѣвжая домой, говорятъ: »Ah! que c'est amusant!« хопъ едва ли половина эпо думаетъ.

Валеріанъ и Графиня конечно были въ сей половинѣ, попому чпо возвратились съ кашанья очень довольны — прогулкой и другъ другомъ, и холодъ, казалось, только возбудилъ обоихъ любовниковъ къ особенной нѣжности. — Спрѣлинскій избралъ эпошъ часъ къ рѣшительному опкровенію, и предувѣдомивъ Алину, чпо такъ какъ дѣло идетъ о благополучіи ихъ обоихъ на всю жизнь — по онъ не хочетъ прибѣгать ни къ какимъ околичностямъ, ни къ какимъ сѣшамъ льспивой логики или цвѣшамъ краснорѣчія, дабы убѣдить или увлечь ее, но проспо изложилъ свои намѣренія, и просилъ только одного, чпобъ она безприспраспно обсудила ихъ, и опкровенно сказала на по опвѣшъ свой. »Во-первыхъ, милая Алина« сказалъ онъ: »я рѣшился оставишъ службу, для исполненія другихъ обязанностей опечеспву, копорья надѣюсь выполнишъ лучше, прямѣе и полезнѣе, нежели обязанности война въ мирное время.«

Алина вздохнула и покинула кисточку шемляка, копорымъ играла она. »Но развѣ ты, другъ мой, не можешь служишь опечесству по часпи гражданской или дипломапической?« произнесла она почпи просипельнымъ голо-сомъ.

»Я недовольно пригопвленъ, чпобъ бышь полезнымъ, какъ Судья; службу въ Денарша-меншахъ счишаю механическою, а бышь дипломапомъ несовмѣспно ни съ моими склон-носшиями, ни съ моими правилами. Во-впорыхъ, мы оспавимъ сполицу.«

Алина молчала.

»Въ-спрешьихъ» — шупъ Валеріанъ раз-вилъ предъ нею подробный черпешъ своихъ замысловъ, для успройспва имѣнїя, для усо-вершенспвованїя земледѣлїя и заводовъ, для образованїя креспьянъ своихъ; показать, какъ благодѣшеленъ будешъ примѣръ его для всего челоувѣчеспва и для окружныхъ помѣщиковъ въ особенноспи. Но когда объявилъ, чпо все эшо спребуешъ неусыпнаго и безошлучнаго надзора, свѣшное чело Алины подернулось ду-мою, и она опуспила руку Валерїана. »И эшо рѣшиштельно?« спросила она печально.

»Рѣшительно. Подробности будутъ зависѣть отъ воли Алины Александровны, но цѣлое оспается нерушимымъ. На краткое время мы будемъ прѣзжать въ которую нибудь изъ столицъ, но только на краткое время.»

— »Мои совѣты и мнѣнія, слѣдовательно, теперь безполезны,« сказала Алина, нѣсколько пронушая.

»Но твое согласіе необходимо къ моему счастью, обожаемая Алина! Съ тобой каждая минута ознаменована будетъ для меня новымъ блаженствомъ, какъ для всѣхъ окружающихъ насъ, добрыми дѣлами. Ты будешь ангеломъ красоты и доброты для меня и для всего, чѣмъ я владѣю. О! не разрушь рая, мною созданнаго, которымъ я такъ долго ласкалъ свое сердце... милая, безцѣнная Алина! я жду приговора. Въ искреннемъ оповѣщеніи твоемъ моя судьба: могу или нѣтъ назвать тебя моею?«

— »Черезъ три дня ты узнаешь мой рѣшительный оповѣщеніе, Валеріанъ; только дай мнѣ слово, не говоришь со мной, не пишешь ко мнѣ, не искаешь случаевъ со мною встрѣтиться во все это время. Я хочу обдумать

все на свободѣ, удаленная опѣ вліянія спра-
шей.»

»Жестпокая женщина! при дня — вѣкъ
для влюбленнаго!« — »Жестпокій человѣкъ! де-
ревня — вѣчноспѣ для женщины!«

Съ эшимъ словомъ Алина исчезла.

»Понимаю!« сказалъ Спрѣлинскій съ горь-
кою усмѣшкою, между пѣмъ, какъ холодный
попѣ проспупалъ на его сердцѣ — и тихими
спопами вышелъ изъ комнапы Графини.

VII.

Burleigh. Ihr wart es doch, der hinter meinem Rücken
Die Königin nach Fotheringschloss
Zu locken wusstet?

Leicester Hinter eurem Rücken?
Wann scheuten meine Thaten eure Stirn?

SCHILLER.

»Подполковникъ Князь Греминъ!« провоз-
гласилъ слуга, возвѣщая госпя пешкѣ Спрѣ-
линскаго, копорая, сидя одна въ госпиной,

раскладывала *grande-patience*. »Прикажете принять-съ?«

»Милости просимъ,« отвѣчала она, снимая очки и расправляя шаль свою. »Видно, Князь недавно въ Петербургъ?« прибавила она.

— »Только вчера съ дороги-съ. Они хотѣли видѣть Валеріана Михайловича; однако жъ, когда узнали, что вы *не въѣхавши*, просили доложить-ся.« Сказавъ это, слуга поспѣшилъ пригласить пріѣзжаго.

Князь Греминъ, котораго долгъ службы удержалъ во фронтѣ, вопреки всѣхъ его надеждъ и просьбъ и желаній, долженъ былъ вести полкъ на другія квартеры, на границу Липвы, и онъ шѣмъ скорѣе помирился съ судьбою, что обязанности по дѣламъ хозяйства и занятой спроръ, и новыя знакомства въ кругу Польскихъ дворянъ, давали ему тысячу развлеченій и забавъ. Онъ бы, вѣроятно, и вовсе опдумалъ ѣхать въ отпускъ, если бы внезапная смерть одного изъ дѣдовъ въ Петербургъ не призвала его шуда, для полученія наслѣдства и всѣхъ хлопотъ, съ наслѣдствами неразлучныхъ. Пылкій только на день въ преслѣдованіи замысловъ, внушенныхъ прихотью—

онъ не слишкомъ дивился молчанію Спрѣлинскаго, и очень покоенъ сердцемъ прѣхалъ въ столицу. Но когда на него полились новости о близкомъ бракѣ Валеріана съ Графиней Звѣздичъ, онъ былъ оглушенъ и раздраженъ эпимъ водоворопомъ. Ревность его пробудилась. Мысль, что онъ въ эпой связи игралъ смѣшную роль Криспина, привела его въ бѣшенство: удача Спрѣлинскаго, копорую онъ величалъ измѣною и коварствомъ, вызвала его на месь. Въ эпихъ враждебныхъ мысляхъ поскакалъ онъ въ домъ прежняго друга, чпобы излишь на него всю желчь своего негодованія; шакъ-то злонаправленныя спраспи и худопоняшыя правила чеспи превращающъ самыя благородныя сущеспва въ кровожадныхъ звѣрей! Не заспавъ дома Валеріана, Князь однако же почель неприличнымъ не засвидѣтельствовать почпенія его шепкѣ, и вопъ, скрывъ досаду свою, какъ благовоспишанный офицеръ, пробирался онъ въ госпинуую, не брякнувъ ни саблей, ни шпорами — но въ залъ онъ неволь-но оспановился, увидѣвъ и услышавъ Ольгу, копорая, ничего не зная о госпѣ, и ничему не внимая вокругъ себя, пѣла слѣдующее,

акомпанируя чистый, выразительный голосъ
свои звуками фортепiана:

Скажише мнѣ: зачѣмъ пылають розы
Эфирною душею, по веснѣ,
И мотылька на упреннiя слезы
Маняшъ, зовушъ привѣтливо онѣ?

Скажише мнѣ!

Скажише мнѣ, не звуки ль поцѣлуя
Дають свою гармонiю волнѣ?
И соловей, плѣнительно тоскуя,
О чемъ поешъ во мглѣ и тишинѣ?

Скажише мнѣ!

Скажише мнѣ, зачѣмъ шакъ сердце бьется,
И чудное мнѣ видится во снѣ;
То грусть по мнѣ холодная прольется,
То я горю въ потишительномъ огнѣ?

Скажише мнѣ!

Ольга умолкла; но Князь еще слушалъ, и
между шѣмъ, какъ перспы ея перебѣгали, фан-
тазируя, по клавишамъ, его взоры почто такъ-
же спранспвовали по всѣмъ чертамъ пѣвицы.
Онѣ едва вѣрилъ глазамъ своимъ, чпобы это
была ша самая Ольга, копорую онѣ шакъ лю-
билъ, какъ дитя, копорую покинулъ, когда
она едва спановилась дѣвушкою, и копорая

теперь предстала ему во всемъ блескѣ, въ полномъ цвѣтѣ очаровательныхъ прелестей! Онъ любовался и стройнымъ станомъ ея, и античной формою рукъ, и высокимъ челомъ, на коемъ колебались гроздія русыхъ кудрей, и яхонтовыми ея очами, въ коихъ сквозь дымку мечтательности — сверкали искры души въспѣ гордой и нѣжной; ея лицомъ, на коемъ разлился былъ тонкій румянецъ, какъ юное утро Мая, и невинная безпечность съ глубокою чувствительностію; брови ея такъ выразительно подняты были дугою, уста ея такъ мило сомкнуты улыбкой!... казалось, она усмѣхалась дѣвственнымъ мечтамъ своимъ — созданіямъ пробуждающейся любви; казалось, она ловила взорами опдаленное въ очарованный кругъ фантазіи, копорая, подобно часовой стрѣлкѣ, пробѣгаетъ время и пространство, не удаляясь отъ средоточія своего сердца... и все было прелестно въ ней... и волшебство звуковъ, проникающихъ душу, и краснорѣчіе безмолвія, плѣняющее взоръ. Это не было уже земное существо для Гримины; это былъ идеалъ совершенства. Онъ тогда только прерывалъ свое созерцательное

молчаніе, когда Ольга, повпоря въ задумчивости припѣвъ пѣсни, въ полголоса произнесла: »скажице мнѣ!«

»Я могу только по сказать вамъ, сударыня,« сказалъ Греминъ съ чувствомъ: »что вы поете, какъ ангелъ.«

Ольга вспрянула съ крикомъ радостнаго изумленія.... »Ахъ! Боже мой, это вы, Князь Николай! Вообразите себѣ: я сей часъ о васъ думала — и вы передо мной, какъ будто мысль моя перенесла васъ въ столицу!« Яркій румянецъ вспыхнулъ розами на щекахъ Ольги.

»Вотъ доказательство, что вы можете творить чудеса, Ольга Михайловна! И вы еще не забыли меня?«

— »Я не такъ въпрена, Князь Николай, чтобы позабыть своего кузена и наставника.«

»Считаю себя счастливымъ, удостоясь вниманія особы, столь полной совершенствъ!«

— »Скажице, Князь: неужели правда есть игрушка, пригодная только малолѣтнимъ? Вы сами учили меня всегда говорить истину — а теперь, когда я въ состояніи цѣнить ее, говорите мнѣ комплименты. — По крайней мѣрѣ я искренно скажу вамъ, что мнѣ прі-

яшно бывало думашь о васъ, попому чпо
мысль эта неразлучна съ воспоминаніемъ са-
мой счастливой поры моей — жизни въ мо-
настырѣ.

»Мнѣ кажется, сударыня, вы бы скорѣ
могли обвинишь обманчивый свѣтъ, вселившій
вамъ недоувѣрчивоспъ, скорѣ скромноспъ свою,
чѣмъ правдивоспъ.«

— »Полно-ше ссоришься, Князь Николай —
и еще въ первый разъ послѣ долгой разлуки. Я
рада вамъ шѣмъ болѣе, чпо вы пріѣхали, какъ
нарочно, помочъ намъ развеселишь брапца: онъ
два дня самъ не свой; печаленъ и сердишь и
прихопливъ, какъ никогда въ жизни. Но шѣ-
пушка вѣрно ждепъ васъ, пойдѣмъ-ше!«

Князь былъ приняпъ, какъ родной. Добро-
та почтенной пѣшки Спрѣлинскаго и чиспо-
сердечная веселоспъ, непринужденное оспро-
уміе Ольги очаровали его. Часъ мелкнулъ, какъ
минуша, и негодованіе его вовсе было упихло —
какъ вдругъ голосъ усапаго слуги: »Валеріанъ
Михайловичъ пріѣхалъ и просипъ къ себѣ на
половину « — бросилъ всю кровь въ голову
Князя ; онъ раскланялся и поспѣшилъ къ Ва-
леріану.

Валеріанъ съ распроспершими обьяпіями
вспрѣшилъ Гремина. »Только себя не доспа-
вало, милый Князь,« вскричалъ онъ: »чтобы
посмѣялся удачѣ нашихъ предпріятій и по-
здравишь меня съ роковымъ успѣхомъ!«

»Я пріѣхалъ не поздравлять *васъ*, господинъ
Спрѣлинскій,« ошвѣчалъ Греминъ насмѣшливо-
холодно, ошсшупая, чтобы уклониться ошъ
обьяпій. »Я пріѣхалъ только поблагодаришь
васъ за ревностное учаспіе въ моемъ дѣлѣ.«

— »Вы? господинъ Спрѣлинскій? право я
не понимаю себя, Греминъ!«

»За то я очень хорошо васъ понялъ, сли-
шкомъ хорошо васъ узналъ, господинъ Маіоръ!«

Во всякое другое время Спрѣлинскій ни-
какъ бы не разсердился на обидную вспль-
чивость друга, и вѣроятно шушками укро-
пилъ и пересилилъ бы гнѣвъ его; но теперь,
огорченный самъ холодностію Графини, колеб-
лемъ сомнѣніями, поджигаемъ ревностію, по-
шелъ на встрѣчу непріятностей, рѣшась пла-
тишь насмѣшкой за насмѣшку, и дерзостію
за дерзость. — »Ошъ этого-то вы и оши-
блись: все, что *слишкомъ* — обманчиво. Не
угодно ли присѣсть, Ваше Сіапельство! На-

чало вашего привѣта похоже на правоученіе — а я не умѣю спать споя.»

»Я постараюсь сказать вамъ такія вещи, господинъ Маіоръ, кошорыя лишатъ васъ на долго охоты ко сну.

— »Очень любопытенъ знашь, чпо бы такое помѣшало моему сну, когда меня убаюкиваетъ чистая совѣсть!»

»О! вы невинны, какъ шеспинедѣльный младенецъ, какъ церковная ласпочка! Напрасно было бы и осуждать челоуѣка, у котораго совѣсть или нѣма, или принуждена молчать.»

— »Я не беру на свой счетъ этихъ рѣчей, Князь; мой языкъ не имѣетъ причинъ разногласить съ совѣстію, именно потому, чпо она свѣплѣе клинка моей сабли. Скажите лучше по-дружески и безъ обиняковъ: чѣмъ заслужилъ я такой гнѣвъ вашъ?»

»По-дружески? Мнѣ право странно, чпо вы, разрывая всѣ узы, всѣ обязанности дружества — опираясь на него, пребудете довѣрія! Впрочемъ, вы живете нынѣ въ большомъ свѣпѣ, гдѣ любящъ даващъ векселя на имѣніе, котораго давно нѣтъ.»

— »Князь! вы огорчаете меня своимъ не-

правымъ обвиненіемъ болѣе, чѣмъ обидными выраженіями. Но будьте хладнокровны и разсморитте приспальнѣе, чѣмъ виновашъ я прошивъ васъ? Вспомнитте, кшо предложилъ мнѣ испыпаніе, кшо неопспупно пребовалъ моего согласія, кшо принудилъ взяпсъя за эпу роковую порученность? Эшо были вы, Князь, вы сами. Я убѣждалъ васъ опказашъся опгъ подобнаго предпріятія — я вамъ предсказывалъ все, чшо могло случипсъя — и случилось волею судьбы. Сердцемъ *нелъзя* владѣпшь по произволу.»

»Но *должно* владѣпшь своими поспупками. Такъ, милоспивый государь! я просилъ, я убѣждалъ, я заспавилъ васъ взяпсъя за эшо дѣло; но въ качеспвѣ друга, вы бы могли сами разсудипшь несообразность такой просьбы, и поправипшь мою ошибку, вмѣспо шого, чшобъ ее увеличивашъ, ловипшь на нее свои выгоды, и упопребляпшь во зло мое довѣріе; мы всегда худые судьи въ собспвенныхъ дѣлахъ, но беспспраспный и бесприспраспный взоръ дружбы долженспвовалъ бы соблюдапшь мою пользу, а не прихопи.»

—» Спранно, право, чшо вы дѣлаепте для

себя монополію изъ своихъ правилъ. Мы худые судьи въ своемъ дѣлѣ — эпо чистая правда, и я самъ могъ увлечься любовью, которую хотѣлъ только испытать.»

«Вы должны были предупредить эпо или по крайней мѣрѣ удалиться, замѣшивъ опасность для самого себя — но нѣтъ — вамъ угодно было осѣдлать судьбу для извиненія своей двуличности, и утѣшать меня, какъ злобѣщая пшца, спаринною пѣснею свѣтскихъ друзей: »я говорилъ тебѣ: будь худу! я тебѣ предсказывалъ! я предупреждалъ тебя!»

—»Не забудьте, Князь Греминъ, что я взялся быть вашимъ испытателемъ, но не спрячкимъ и не спроилъ себѣ дороги изъ развалинъ Вавилонскаго вашего сполба къ небу.»

«Поздравляю васъ, господинъ Спрѣлинскій, съ эшимъ небомъ; но признаюсь, ему не завидую. Я уже излечился опъ охоты искапъ своего счастья въ женщинѣ, копорой привязанность измѣнчива, какъ цвѣтъ хамелеона; и въ доказапельство — вотъ какъ цѣню я подарки и поминки ея!» Съ эшимъ словомъ онъ

бросилъ въ пылъ камина письма и персень Графини.

— »Нельзя не похвалишь васъ за такую рѣшимость, Князь: немного ранѣе она была бы еще больше ксшапи. Графиня забыла васъ такъ же, какъ и вы ее — очень скоро послѣ разлуки. Все это было — дѣшская прихоть.»

»Прошу избавишь меня, господинъ Маіоръ, равно опъ вашихъ похвалъ и опкровеній. Мы не Дафнисъ и Меналкъ, чшобы веспи словесную войну за вопросъ, кого она любишь или не любишь. Только не радуйтесь и вы своимъ поржесшвомъ..... женщинъ, измѣнившей одному, легко измѣнишь и другому и прешъ-ему.»

—»Будьте скромнѣе на счетъ Графини, Греминъ! Я сносилъ многое за самого себя, но когда вы дерзаете нападать на доброе имя дамы — это выходишь и выводись изъ границъ самаго усшунчиваго шертѣнія..... я не ангелъ.»

»Очень вѣрю. Я также далекъ опъ этой мысли, какъ вы опъ этого досшюинсшва..... но угрозы ваши мнѣ забавны, господинъ Маіоръ.»

—» А мнѣ жалокъ вашъ характеръ, господинъ Подполковникъ!«

» Нельзя ли узнатьъ, почему вы удостоиваете меня своимъ сожалѣніемъ?«

—» Потому, что вы ослѣплены пустымъ тщеславіемъ, оскорбленнымъ самолюбіемъ, беспраспной ревностію, а быть можете, и самою мелочною завистью — скачете за тысячу верстъ, для того, чтобы огорчить, обидѣть, уязвить человека, коимъ до сихъ поръ любилъ и уважалъ васъ.«

» Вы мнѣ доказываете любовь свою даже и этими рѣчами, господинъ Спрѣлинскій; что же касается до вашего уваженія, я только раскаиваюсь, что прежде цѣнилъ его, и теперь оно столько жъ для меня занимательно, какъ въперъ въ Барабинской степи..... Прекрасное дружество!..... почти женился.... и не написалъ мнѣ ни строчки.... османивъ меня въ такомъ невѣдѣніи, что я узналъ о свадьбѣ вашей отъ практическихъ маркеров!«

—» Я писалъ къ вамъ два раза, но въро-япно переходъ полка замедлилъ доставку писемъ; а что до свадьбы моей, городскіе слухи опередили правду. Спашься можете, она ни-

когда не соспоишся. Я до сихъ поръ не завѣренъ словомъ въ совершенномъ согласіи Графини.»

»Вы писали! Вы не увѣрены! я право не ожидалъ, чѣобы вы такъ скоро выучились прибавлять ложь къ лицемѣрію!«

—»Ложь!« вскричалъ Спрѣлинскій, задыхаясь отъ гнѣва: »ложь! — одна кровь можетъ смыть это слово!«

»Почему же и не такъ!« отвѣчалъ Князь презрительно, качаясь на спулѣ. Любовь и кровь спаринная риѣма.»

—»Это рѣшено это кончено. Однако жъ не испытывайте меня далѣе, Греминъ: не заспавьте насказатъ вамъ такихъ вещей, копорья не должны бытъ произносимы между благородными людьми. Когда мы вспрѣшимся?«

»И вспрѣшимся конечно впослѣдніе — завтра. Кѣо бы изъ насъ ни легъ — я всегда буду въ выигрышѣ, не дышаъ однимъ воздухомъ съ пѣмъ, кѣо заплашилъ мнѣ за всю дружбу такою«

—»Удержишесь, Князь! есть слова, за ко-

пюрья не спасушъ васъ ни память прежней
пріязни, ни кровля госпепріимспва.»

»Вамъ очень приспало говоришь о пріяз-
ни, когда вы преврапили въ желчь о ней вос-
поминаніе. А чпо до правъ госпепріимспва,
я не вымаливаю у нихъ покровительспва:
моя сабля мнѣ лучшій защишникъ.»

—»Бросьте пустое хвасповспво, Князь
Греминъ; завпра, такъ завпра. Выспрѣль са-
мый остроумный опвѣтъ на дерзоспи.»

»А пуля самая лучшая награда коварспву.
Завпра вы увѣришесь, чпо я не изъ пой-
пкани, изъ копорой дѣлаюшся свадебныя под-
ножки — и не бубновый пузь, чпобы въ
меня цѣлишь хладнокровно. Мой секундантъ
не замедлишь посѣппишь васъ сего дня же.»

—»Очень радъ!»

Друзья - недруги распались, пылая гнѣ-
вомъ.

VIII.

Я былъ отважно хладнокровенъ;
 Но признаюсь — на упрѣльшъ
 Не весело покинуть свѣшъ,
 И сердца бой не очень ровенъ,
 Когда вопросомъ: *»быть иль нѣтъ?»*
 Вамъ заряжаютъ пистолешъ.

Ольга не могла сомкнуть глазъ въ печеніе цѣлой зимней ночи. Какъ ни мало извѣдала она свѣшъ, — но частые рассказы о поединкахъ уже познакомили ее съ эшимъ кровавымъ предразсудкомъ; а необычайная утрусность и принужденная шупливость брата, — вѣшъ, чпо онъ очень крупно говорилъ съ Княземъ Греминымъ наединѣ, и позднее посѣщеніе незнакомаго офицера — возбудили въ душѣ ея всѣ опасенія и спрахы. Не понимая причины — она видѣла возможность ссоры между братомъ и Греминымъ. Далеко до зари — она была уже одѣта и бродила, какъ шѣнь, по шихимъ и пуснымъ комнапамъ. Ужасное сомнѣніе волновало грудь ея; она желала и спрашивалась узнать роковую испину, прислушивалась къ каждому шороху, къ каждому звуку. Нѣсколько разъ на цыпочкахъ прокра-

дывалась она къ брашней половинѣ — но шамъ было все мертво и темно. Вдругъ конскій попопъ у крыльца привлекъ все ея вниманіе — бѣлый сулпанъ мелькнулъ у брашней маленькой лѣспницы — и вѣщее сердце ея замерло.... тяжкое предчувствіе оледенило кровь. Она слышала говоръ въ ближней комнапѣ, и не смѣла слушать; — она хотѣла удалитъ безнадежную извѣстность, но брапская любовь преодолѣла все. Припаивъ дыханіе, взглянула Ольга въ замочную скважину; проптивъ самыхъ дверей попилаась печка и озаряла комнапу багровымъ полусвѣтомъ своимъ. Спарый слуга Валеріана плавилъ свинецъ въ желѣзномъ ковшѣ, споя передъ огнемъ на колѣняхъ, и лилъ пули — дѣло, копорое онъ прерывалъ часпыми молишвами и крестами. У спола какой-то аршиллерійскій офицеръ обрѣзывалъ, гладилъ и примѣрялъ пули къ пистолямъ. Въ это время дверь оспорожно распворилась, и шрешье лице — кавалеристъ гвардеецъ, вошелъ и прервалъ на минупу ихъ занятія.

»Bon jour, Capitaine,« сказалъ аршиллеристъ входящему: „все ли у васъ гошово?“

» Я привезъ съ собою двѣ пары, одна Ку-
хенрейшера, другая Лепажа: мы вмѣстѣ осмо-
тримъ ихъ. «

— » Эпо нашъ долгъ, Ропмиспръ. Приго-
няли ли вы пули? «

» Пули дѣланы въ Парижѣ, и вѣрно съ осо-
бенною точностію. «

— » О, не надѣйшесь на эпо, Ропмиспръ!
Мнѣ ужъ случилось однажды попастъ въ про-
сакъ опъ подобной довѣрчивости. Впорыя
пули — я и теперь краснѣю опъ воспомина-
нія — не дошли до полсшвола, и какъ мы
ни бились догнапъ ихъ до мѣспа — все на-
прасно. Пропивники принуждены были спрѣ-
ляпъся сѣдельными писполелами — величи-
ной едва не съ горный единорогъ, и хорошо,
что одинъ попалъ другому прямо въ лобъ,
гдѣ всякая пуля и менѣ горошинки и болѣе
вишни — производипъ одинаковое дѣйствіе.
Но посудише, какому нареканію подверглись
бы мы, еслибъ эпа каршечъ разбила въ дре-
безги руку или ногу? «

» Классическая испина! « опвѣчалъ кавале-
риспъ, улыбаясь.

— » У васъ полированный порошокъ? «

»И самый мелкозернистый.«

— »Тѣмъ хуже: оставьте его дома. Во-первыхъ, для единообразія мы возьмемъ обыкновеннаго винповочнаго пороху; во-вторыхъ, полированный не всегда быспро вспыхиваетъ, а бываетъ, что искра и вовсе скользипъ по немъ.«

»Какъ мы сдѣлаемся со шнеллерами?«

— »Да, да! эти проклятые шнеллеры вѣчно сбиваютъ умъ мой съ прицѣла, и не одного добраго человека уложили въ долгій ящикъ. Бѣдняга Л****ой погибъ отъ шнеллера въ глазахъ моихъ: у него пистолетъ выспрѣлилъ въ землю, и соперникъ положилъ его, какъ рябчика, на барьеръ. Видѣлъ я, какъ и другой нехотя выспрѣлилъ на воздухъ, когда онъ могъ доспанъ дуломъ въ грудь пропивника. Не позволипъ взводишъ шнеллеровъ — почти невозможно — и всегда бесполезно, потому что непримѣтное, даже невольное движеніе пальца можетъ взвесип его — и тогда хладнокровный спрѣлокъ имѣетъ всѣ выгоды. Позволишъ же — долго ли поперашъ выспрѣлъ! Шельмы эти оружейники: они, кажешся, воображаютъ, что пистолеты выдуманы только для спрѣлецкаго клуба!«

» Однако жъ, не лучше ли запрепишь взводъ шнеллеровъ? можно предупредишь господъ, какъ обращаться съ пружиной, а въ оспальномъ положишься на чесшь. Какъ вы думаете, почпеннѣйшій?»

—» Я согласенъ на все, чпо можетъ облегчишь дуэль: будетъ ли у насъ лекарь, господинъ Роммиспръ?»

»Я вчера посѣпилъ двоихъ — и былъ взбѣшенъ ихъ корысполубіемъ Они начинали предисловіемъ объ опвѣспвенности — и кончали пребованіемъ задашка: — я не рѣшился ввѣришь учасъ поединка подобнымъ шоргашамъ. «

—» Въ такомъ случаѣ я берусь привезпи съ собою Докшора — величайшаго оригинала, но благороднѣйшаго человѣка въ мірѣ. Мнѣ случалось прямо съ поспели увозишь его на поле — и онъ рѣшался, не колеблясь. »Я очень знаю, господа,« говорилъ онъ, навивая биншы на инспрументъ: » чпо не могу ни запрепишь, ни воспрепяспивоватъ вашему безразсудспву — и охотно пріемлю ваше приглашеніе. Я радъ купишь, хоши и собспвеннымъ рискомъ, облегченіе спраждуцаго человѣчеспва! » Но, чпо

удивительнѣ всего — онъ опказался за поѣзду и леченѣ опѣ богатаго подарка.»

»Эпо дѣлаешъ чешъ человѣчешву и Медицинѣ. Валеріанъ Михайловичъ спитъ еще?»

— »Онъ долго писалъ письма, и не болѣе трехъ часовъ, какъ уснулъ. — Посовѣшуйше, сдѣлайше милосѣ, вашему товарищу, чшобы онъ ничего не вѣлъ до поединка. При несчастѣ пуля можеѣ скользнуѣ и вылепѣѣ насквозъ, не повредя внутренностей, если онъ сохраняѣ свою упругосѣ; кромѣ того и рука нащакъ вѣрнѣ. Позаботились ли вы о чешверомѣшной карешѣ? въ двумѣшной нельзя ни помочъ раненому, ни положиѣ убишаго.»

»Я велѣлъ наняѣ карешу въ дальней части города, и выбраѣ попросѣ извозчика, чшобы онъ не догадался и не далъ знаѣ.»

— »Вы сдѣлали какъ нельзя лучше, Ромиспрѣ; а шо Полиція не хуже ворона чуешъ кровь. Теперь объ условіяхъ: барьеръ по прежнему — на шести шагахъ?»

»На шести. Князь и слышаѣ не хочешъ о большемъ разстояніи. Рана шолько на чешномъ выспрѣлѣ кончаешъ дуэль — вспышка и осѣчка не въ число.»

— »Какіе упрямы! пускай бы за дѣло дрались — такъ и не жаль пороху; а то за женскую прихоть и за свои причуды.«

»Много ли мы видѣли поединковъ за правое дѣло? — А то все за акприсъ, за карпы, за коней или за порцію мороженаго.«

— »Признайся сказаць, всѣ эти дуэли, копорыхъ причину трудно или спыдно рассказывать, немного дѣлають намъ чести. — И такъ ровно въ полдень, и за Выборгскою засавою?«

»Въ полдень и тамъ. Не вдалекѣ отъ прапирѣ на второй верстѣ, гдѣ мы съѣдемся, вѣво отъ дороги есть пуспой и довольно свѣплый покъ; въ немъ мы будемъ защищены отъ вѣтра и сверканія солнца. Я надѣюсь однако, что мы прежде, чѣмъ сведемъ ихъ, испытаемъ всѣ средства къ примиренію? — Смертной обиды между ними не было — и можемъ, намъ удался кончить дѣло извиненіемъ.«

— »Я бы гошовъ цѣлый годъ принималъ заряды вмѣсто того, чтобы жечь ихъ, если бы удалось намъ это: но, признаюсь, мало имѣю надежды на успѣхъ. Говорить соперни-

камъ о мирѣ, когда они повѣхали на поле, все равно, что давая лекарство мертвецу. Пули твои никуда не годятся!» вскричалъ неперпѣливо спарику-слугѣ аршиллериспѣ, бросивъ пару ихъ на полъ: „онѣ шероховапы и съ пузырьками.“

»Эпо опѣ слезѣ, Сергѣй Пепровичъ!» опѣчалъ слуга, оширая заплаканные глаза. — »Я никакъ не могу удерживать ихъ; такъ и бѣгутъ и порой попадають въ форму. Да и руки мои дрожатъ, словно у предашеля Іуды. Что скажутъ добрые люди, когда узнають, что я оплилъ смертную пулю моему доброму барину — какой грѣхъ ляжетъ на душу! Съ какимъ сердцемъ встрѣчу барышню, Ольгу Михайловну, если Богъ попустиитъ мнѣ видѣть смерть барина! — Онѣ одинѣ ей вмѣсто опца роднаго! Ваше Высокоблагородіе! заспавыте за себя молишь Бога — опведите барина опѣ грѣха или опѣ бѣды своей, уговорите, упросите его; мы всѣ« Спарикъ не могъ продолжая опѣ рыданій Аршиллериспѣ, пронушый самъ, спарался утѣшить его.

»Полно, полно, спарикъ! какъ не спыдно тебѣ расплакаться, какъ шеленку. Ты самъ въ

четырнадцатомъ году былъ въ дѣлахъ съ бариномъ — ты знаешь, что не всѣ пули бьютъ, и не всѣ раненые умираютъ . . . припомъ мы поспараемся и уладимъ любовно.»

Ольга не могла слушать долѣе; голова ея кружилась, колѣна измѣняли. Ужасныя подробности поединка рисовали предъ нею кровавыми чертами карпину брашней кончины.... »Раненаго или убишаго,« повпорила она, упавая въ кресла: »убишаго!« Мысли ея помушились еспрахъ ледяною рукою своею сдавилъ сердце.

Есть минушы, есть часы шоски шяжкой, неизъяснимой разумъ тогда, будпо пораженный параличемъ, вдругъ прерываетъ ходъ свой; но чувство, ошправленное полнымъ понятіемъ о величій бѣды, подобно лавинѣ, рушился на сердце и погребаетъ его въ хладъ опчаянія, нѣмага, но глубокаго, безчувственнаго мучишельнаго! Тогда очи не находятъ слезы, уста выражений — и шѣмъ ужаснѣ шоска, сосредошоченная въ груди, шѣмъ ѣдче слезы, каменяющія на сердце, которое, какъ подземная жила, переполненная пылающею сѣрой, рвешся сбросить съ себя громаду, и гошовое расшоргнувшись, не можетъ сдвинуть груза, его

удушающаго, не можешь опрѣять палящаго
 вздоха. Ольга не плакала, ибо не могла пла-
 кать, — ничего не слышала, ничему не вни-
 мала она. — На всѣ приглашенія, на всѣ во-
 просы шепки, опивчала она оприцапельнымъ
 движеніемъ головы, и не прогалась съ мѣста.
 Наконецъ, когда ясный уже лучъ солнца, про-
 никнувъ шуманы, упалъ на чело ея, она какъ
 будпо очнулась опъ болѣзненнаго забытія,
 подобно Мемноновой спашуъ на равнинахъ
 Оиваиды. »Гдѣ брапецъ?« спросила она, вспа-
 вая. — « Уѣхалъ!« было спившомъ — и она
 снова погрузилась въ мрачное онѣмѣніе, впе-
 ривъ неподвижныя очи въ окно. По лицу ея
 по мелькало неперпѣніе ожиданія, по улыба-
 ніе надежды умолишь брата, но всего чаще,
 всего мрачнѣе ложилась пѣнь опчаянія; ибо
 разумъ увѣрялъ ее, что ни какіе доводы, ни
 какія чувспва не могли соврапипъ Валеріана
 съ пуши, однажды избраннаго; при шомъ же
 она очень хорошо посшипала, что судьба по-
 единка зависѣла всего болѣе опъ обидчика, по
 еспъ, Князя Гремина. »И онъ, копораго я
 считала благороднѣйшимъ сущеспвомъ, онъ,
 копораго любила, копораго воображала бра-

помъ — брашу, жаждеть теперь крови и смерши. Ахъ! какъ злы люди,« думала она. — И между шѣмъ часы текли за часами — било одиннадцать, и вся душа Ольги перешла въ зрѣніе; какъ на перспѣ судьбы, глядѣла она на пихо переспунающую спрѣлку еще четвершь, еще . . . и она воскликнула: »Все погибло! Онъ не хочеть даже проспитъся съ сеспрою, онъ боипся бышь пронупымъ моею гореспию . . . Боже великій, подкрѣпи меня!« Ольга поверглась ницъ передъ Образомъ, и рѣшимоспъ осѣнила свыше теплую мольбу ея.

На второй верспѣ по дорогѣ къ Парголову, на право, на холмѣ видѣнь проспой Русскій пракширь, выкрашенный желпою краскою — свидѣшель многихъ несчастныхъ сценъ или веселыхъ примиреній, зимою. Лѣпомъ никшо изъ порядочныхъ людей не посѣщаетъ его, равно за неопряпность, какъ и пошому, что окреспныя дачи въ эпо время кипяпъ народомъ, и слѣдспвенно не могупъ бышь поприщемъ поединковъ. Вся пракширная челядь высыпала на крыльцо, завидя двѣ карепшы и парныя сани, пробивающіяся къ нимъ сквозь

еугробы снѣга, блестящаго милліонами звѣздъ на солнышкѣ. Это, какъ можно было угадать, былъ поѣздъ вовсе не свадебный, поѣздъ нашихъ дуэлистовъ. Пропивниковъ развели по разнымъ комнашамъ. Арпиллериспъ вызвался ѣхать впередъ — приготоуишь мѣсто и ушоп-шасть смершную пропу. Докпоръ пригласилъ другаго секунданша сыграшь паршю въ билліардъ, и вопъ соперники наши оспавлены были сами себѣ на раздумье.

Валеріанъ былъ угрюмъ — но съ какимъ-то удовольствіемъ сморѣлъ на безжизненный снѣгъ, покрывающій саваномъ долину — на мраурную зелень елей. — Онъ пламенно и нѣжно полюбилъ Графиню, и ея холодноспъ, ея легкомысліе сокрушили всѣ его надежды. Онъ улыбкою вспрѣшилъ мысль о смерти — пошому, что смерть никому не казался такъ ушѣшительна, какъ обманушой или неудачной любви. »Три дня — и нѣпъ опвѣща,« думалъ онъ... это самый понятный опвѣпъ! Ей жаль лучей своего Сіапельспва; ей пріятнѣе перецѣживаешь свѣтскую скуку въ кругу модныхъ обезьянъ, чѣмъ наслажденіе жизнью съ мужемъ — человекомъ; ей леспнѣе

вселяшь мечты и желанія въ другихъ, чѣмъ
мыслишь и чувствовалъ наединѣ съ другомъ
или съ собою. Да будешь! Благодарю судьбу,
что она заранѣе спасла меня отъ легкомы-
сленной женщины. Въ сладкомъ чадѣ заблуж-
деній, въ очарованіи спроси, мнѣ бы тяж-
ко было вырваться изъ обѣщаннаго счастья.
Но теперь я равнодушенъ къ жизни; я пре-
зираю свѣтъ, въ которомъ любовь — пше-
славіе, а дружество — прихоть. Но ты, Алина!
ты виновна болѣе всѣхъ! — Необыкновенная
смертная — ты увлеклась спадомъ обыкно-
венныхъ женщинъ.... Ты одна могла создать
мое счастье, ты одна могла цѣнить мою
любовь — и я, неуспѣшенъ взаимностію,
сойду въ могилу — и за тебя! Алина! Алина!
ты оцѣнишь меня, когда меня потеряешь!»
Слезы навернулись на глазахъ Валеріана. Но
право, не знаю, почему, ни одна изъ нихъ не
посвящена была сожалѣнію о сестрѣ: таковы
всѣ влюбленные; во время своей горячки, у
нихъ нѣтъ ни думы, ни слова, кромѣ о милой,
и даже умирая, они больше думаютъ о томъ,
какъ понравятся въ гробу своей возлюбленной,

нежели о томъ, какъ спануть плакать о нихъ родные.

За то, если въ одной комнатѣ Ольга была забыта для любви, въ другой, по той же самой причинѣ, она была предметомъ восклицаній и вздоховъ. Князь Греминъ сидѣлъ тамъ мрачнѣе Сентябрскаго вечера, и очень заучивно барабанилъ пальцами по столу; но если сосновая эта гармоника не могла вполне выразить печальныхъ его мыслей, или самъ онъ былъ непривычный виртуозъ на этомъ инструмента, только фантазія его походила на погребальный маршъ, достойный похоронъ коша мышами. Какъ ни забавно-жалобна была однакожъ его музыка, его думы были вовсе не забавны. Когда погасъ первый пылъ негодованія, онъ горько раскаивался въ своей дерзкой вспыльчивости: совѣсть громко укоряла его въ обидѣ спараго друга, и для чего, для кого? для той, коюрой уже давно не любилъ онъ, для той, коюрая сама его забыла; не имѣя другой цѣли, кромѣ препящствія въ счастіи сопернику, изъ пущаго тщеславія! Но всего убѣдительнѣе дѣйствовала на него логика любви и красны Ольги . . всѣ силлогизмы

его оканчивались и начинались укорительнымъ вопросомъ: »что скажешь на это сестра Валеріана?« Ненависть въ жизни, если онъ убьетъ проливника, или презрѣніе послѣ смерти — за вражду, непременно должны были быть удѣломъ его, а Греминъ глубоко чувствовалъ, какъ благородный человѣкъ и какъ пламенный мужчина, сколь тяжело было бы ему сносить не только ненависть или презрѣніе, но даже равнодушіе Ольги, достойной всякаго уваженія и любви,« приговаривало сердце: »и, можетъ быть, неравнодушной къ тебѣ,« шептало самолюбіе. Но голосъ предразсудковъ звучалъ какъ труба, и заглушалъ всѣ крошкія, всѣ добрыя ощущенія. »Теперь уже поздно раздумывать,« сказалъ онъ со вздохомъ, разрывающимъ сердце. Нельзя возвращать сдѣланнаго, спѣшно перемѣняя рѣшеное. Я не хочу быть сказкою города и полка, согласясь мириться подъ пистолетомъ. Люди охотнѣе вѣрятъ прусосши, чѣмъ благороднымъ внушеніямъ, и хотя бы еще ласкательнѣйшія надежды, еще драгоценнѣйшее бытіе лежали въ дулѣ моемъ, я и тогда послалъ бы выпрыгнуть Спрѣлинскому.»

» Все гошово, Князь! » сказалъ секундантъ его, распахнувъ двери. Оспашся шолько зарядить пистолеты, и, какъ водится, мы просимъ васъ при томъ присутствовать. « Пропивники вошли съ разныхъ сторонъ, холодно и безмолвно поклонились другъ другу, и между тѣмъ, какъ Греминъ оспановился у стола, на которомъ гошовилась роковая шрапеза, Спрѣлинскій подошелъ къ Докшору, который безъ милосердія одинъ одиноконекъ гошялъ шары по билліарду. Больно душѣ видѣть людей передъ поединкомъ — еще больнѣе бытъ посредникомъ въ ономъ. — Невольно желаешь зла другому, потому, что желаешь еохраненія своему шоварищу — и это чувство проливается на все церемонную принужденность, между тѣмъ, какъ всѣ спараются бытъ необыкновенно веселыми..... соперники, чтобы показать свою смѣлость, а секунданты, чтобы поддержать ее.

Валеріанъ, познакомась на переѣздѣ съ Докшоромъ - оригиналомъ, шупя спросилъ его, обращаясь къ прерванному въ каретѣ разговору: » Не ошсшупаетесь ли вы, любезный Докшоръ, ошъ чудесной гипотезы своей, что

когда нибудь люди научатся прививать дѣшамъ хорошія качества, какъ коровью оспу, и лечить ошъ спраспей, какъ ошъ прилипчивыхъ болѣзней?»

» Для чего мнѣ бытъ опспупникомъ ошъ своихъ разсужденій, когда вы не хотите покинуть свои предразсужденія?» опвѣчалъ Докторъ — и положилъ красный въ блузу.

— » Жаль, право, что я не родился позже вѣками пашью: очень бы любопытно посмотреть, какъ спануть вылечить ошъ любви шпанскими мушками, или ошъ злости припарками и лигатурами!»

» Ошъ злости и теперь въ простомъ народѣ лечатъ припарками и перевязками, шакъ какъ въ спарину ошъ сумасшесшвія чихошкою — только едва ли съ успѣхомъ. Но почему не предположишь, что, при всеобщемъ усовершеніи Наукъ, нужнѣйшая изъ нихъ не выйдетъ изъ наспоющаго дряхлаго своего младенческаго? Тогда, Валеріанъ Михайловичъ, мнѣ бы гораздо пріятнѣе было предупредить вашу раздражительность какими нибудь сладкими пилюлями, нежели выпаскивать свинцовыя изъ вашихъ костей.»

— »То-по будешъ золошой вѣкъ для медиковъ!«

»Золошой для Медицины — а безсребренный для медиковъ, копорые до сихъ поръ, наравнѣ съ красивнымъ сѣменемъ судей, живутъ на счесть глупости, или пороковъ, или бѣдливый человѣческихъ!«

»Почтенный Докторъ,« прервалъ рѣчь его артиллеристъ, заряжая вторую пару:... »рѣшите споръ нашъ.... я говорю, что лучше уменьшитъ зарядъ — по малости разсѣянiя и для вѣрности выстрѣла, а господинъ Ромиспръ желаетъ усиливъ его, увѣряя, что сквозныя раны легче къ исцѣленiю — это спашья по вашему департаменту!«

»Дайте руку, господинъ пушкарь въ превосходной сшечени! Мы должны быть друзьями и сосѣдями, не только пошому, что ваше Училище, гдѣ обучающъ убивающъ по правиламъ, рядомъ съ нашею Клиникою, гдѣ учашъ исцѣляющъ людей — но и пошому, что природа всегда подлѣ яду помѣщаетъ пропиво-ядіе. Вы смѣетесь, вы говорите, что это два зла вмѣстѣ, — пусть такъ. Только увеличьте зарядъ, если нельзя вовсе его уничто-

жишь. На шести шагахъ, самый слабый выспрѣль пробьетъ ребра; и такъ какъ трудно, а часто и невозможно вынуть пулю, то она и въ послѣдствіи можетъ повредить благородныя часни.»

— «Высокоблагородныя часни,» сказалъ, улыбаясь, Греминъ: — мы оба шпашь-офицеры; но шупки въ спорону, Докпоръ: откуда, почтиваете вы всего безопаснѣе вынимаетъ пулю?»

«Изъ дула,» отвѣчалъ Докпоръ очень важно. Всѣ засмѣялись.

— «Не угодно ли будетъ, Князь, снять эполешы?» сказалъ одинъ изъ секундантовъ, укладывая пистолешы въ ящикъ. Золото слишкомъ видная цѣль для противника.»

«Вы такъ спроги, любезный посредникъ мой, что я того и жду приглашенія оспавить здѣсь голову, пошому, что она еще виднѣйшая цѣль!...» Въ это время послышался шукъ у дверей.

— «Боже мой!» воскликнулъ арпиллерисъ, закрывая плащомъ оружіе: «не дадутъ и подрапья покойно. Кто тамъ?»

«Бздовой Графини Звѣздичъ спрашиваетъ Маіора Спрѣлинскаго!» произнесъ за порогомъ

маркеръ, точно такимъ же голосомъ, какъ
возвѣщаетъ онъ *»двадцать три и ничего!«*

Спрѣлинскій однимъ прыжкомъ былъ уже
въ сѣняхъ.

»Васъ просилъ видѣть какая-то дама «
сказалъ Гремину пракпирный мальчикъ, вѣ-
гая съ другой стороны. Князь вышелъ, пожи-
мая плечами: — но вообразише его изумленіе,
когда спройная незнакомка отбросила вуаль
съ лица своего — и въ ней онъ узналъ Ольгу
со всѣми прелесными юности — въ полномъ
вооруженіи невинности и собственнаго до-
стоинства. »Ольга!« воскликнулъ онъ, пора-
женный еще болѣе, чѣмъ удивленный; »Ольга,
вы, вы здѣсь?«

— »И вы причиной тому, Князь Греминъ, «
отвѣчала Ольга съ гордою твердостью. »Если бѣ
я и не знала опасностей моего поступка, то
одно изумленіе ваше открыло бы мнѣ все...;
но я все знаю, и на все рѣшилась. Пускай
свѣтъ назоветъ меня безразсудною искапель-
ницею приключеній, — пускай спану я сказ-
кою сполиты — пусть эта минута броситъ
вѣчную тѣнь на остатокъ моей жизни, —
но не должна ли я презрѣть всѣмъ для спа-

сенія брата, котораго хошите вы погубить! — Но я не упрекаю васъ пришла, Князь Гремьинъ, но прошу, но убѣждаю, умоляю васъ: забудьте кровожадную ссору вашу, опкрывшую мнѣ случаемъ. Заклинаю васъ именемъ Бога, котораго забываете, именемъ человѣческа и разума, которые попираете вы ногами — именемъ прежней дружбы и вѣчной любви ко всему, что драгоцѣнно для васъ въ этой жизни, и легко за могилой! Вы искали поединка, и опять васъ зависитъ прекращеніе его. Князь! примиришесь съ Валеріаномъ! спасите меня опять горькаго чувства видѣніе убійцу въ братѣ, или опять неполимаго плача по немъ. Что спанется тогда со мной въ этомъ враждебномъ свѣтѣ, безъ друга, безъ совѣтника и покровителя! Какъ мало жила я — и какъ несчастна, что дожила до ужасной поры, въ которую два существа, уважаемая мной больше всего въ мірѣ, готовы расперзали другъ друга!»

Сначала голосъ Ольги былъ твердъ и выразителенъ, но когда рѣчь коснулась до братской привязанности, онъ спалъ ниже и нѣжнее, дыханіе прерывалось, замирало; пока

высоко вздымала грудь; очи ея, опягченныя слезами, наконецъ пролили ихъ въ шри ручья, и она, рыдая, опустилась на спуль. Князь Греминъ, энпузіаспъ всего высокаго и благороднаго, пронущый до глубины души прекраснымъ самоопроверженіемъ Ольги — спюялъ въ воспоргъ, нѣмъ и неподвиженъ. Онъ поглощалъ взорами великодушную примирипельницу. Сладоспное чувспво умиленія проникло все его сущеспво; одна искра чиспой любви освѣпила всю его душу. Какъ молнія превращаетъ полюсы компаса, такъ всемогущія слезы невинности преврапили въ добропу всѣ сѣмена зла и злобы, въ груди шаящіяся. Онъ былъ уже счаспливъ, ибо высочайшее счаспие еспъ сознаніе чужихъ совершенспвъ, сознаніе высокаго и прекраснаго.

Ольга однако жъ, почипая безмолвіе Князя колебаніемъ или опказомъ, гордо вспала — и произнесла, сверкая взоромъ: — »Но знайте, Князь Греминъ, если рѣчь правды и природы недоспупна душамъ, воспипаннымъ кровавыми предразсудками — по вы не иначе доспигнете до браша моего — какъ сквозъ это сердце. Не пожалѣвъ славы — я не пожалѣю жизни.«

«Нѣтъ, нѣтъ! существо неземное» воскликнулъ Греминъ: «свою жизнь, хотя бы тысячу разъ обновленную, готовъ теперь пожертвовать я за васъ, за Валеріана! — Ольга! ваше великодушіе побѣдило меня!» съ этимъ словомъ онъ вошелъ въ залу и громко сказалъ Валеріану: «Господинъ Маіоръ! я прошу у васъ извиненія въ своей горячности; очень сожалею о томъ, что вчерась произошло между нами, и если вы довольны этимъ объясненіемъ — то сочту большою честью возвратъ вашей дружбы.» Спрѣлинскій, вовсе не ожидая такой развязки, перечипывалъ весело какое-то письмо — очень вѣжливо однако жъ, очень охотно протянулъ руку Гремину: «Тому легко примиреніе» сказалъ онъ: «кто самъ имѣетъ нужду въ прощеніи,» и друзья обнялись снова друзьями.

— «Господа секунданты! скажите по совѣсти, не имѣемъ ли мы въ чемъ нибудь укорять себя, какъ благородные люди и офицеры?» сказалъ Греминъ.

«Никогда и никогда не усомнился въ вашей храбрости» отвѣчалъ гвардеецъ, обнимая Князя.

— »Признаваться въ своихъ ошибкахъ есть высшее мужество,« возразилъ аршиллерисшъ, сжимая руку Маіору.

»Сдѣлавъ все для свѣта, я прошу у тебя, любезный Спрѣлинскій, для самого себя паче минушъ особеннаго разговора.«

Рука объ руку съ Княземъ, вошелъ Валеріанъ въ другую комнату весело и беззаботно; — но чело его подернулось, какъ заревомъ, когда онъ увидѣлъ тамъ сестру свою! »Что это значишь?« вскричалъ онъ грозно. — Но когда сестра съ радостнымъ привѣтомъ: „вы не будете врагами, вы не будете спрѣляться!“ упала къ нему на грудь безчувственна, голосъ его смягчился.... »Ольга! Ольга! что ты сдѣлала!« произнесъ онъ печально: »невинная, неопытная душа! ты погубила себя!« Тихо опустилъ онъ на софу драгоценное бремя, и невольный взоръ упрека пронзилъ сердце Гренина; между тѣмъ призванный Докшоръ суешился около Ольги.

»Другъ! другъ!« сказалъ глубоко пронутый Князь: »не уничижай меня: я самъ чувствую, сколько бѣдъ накликало мое безразсудство; — подумаемъ лучше, какъ исправить

ошибку. Поѣздка сестрицы твоей едва ли упавшая отъ клеветы, и Богъ вѣсть, какими баснями украсишь ее свѣтъ! Чувствую, что я не стою этого ангела, но чувствую, что безъ нея нѣтъ для меня счастья на землѣ.... и если сердце ея не занято.... если.... я, какъ старый другъ твой, спрашиваю тебя, Валеріанъ... хочешь ли ты имѣть меня зятемъ?»

Спрѣлинскій мрачно взглянулъ на него...
 »Князь! я откровенно скажу тебѣ, что *прежде* не желалъ бы лучшаго мужа Ольгѣ, но *вчера* твоя горячность за Графиню заставляешь меня сомнѣваться въ счастіи сестры!»

»Валеріанъ! не разрывай могилъ минувшаго..... кто не былъ молодъ! Отъ сего дня я новый человекъ; прежняя привязанность къ сестрицѣ твоей обратилась въ спрость неодолимую и неизмѣнную.»

—»Вѣрю,« сказалъ Валеріанъ, пожимая руку друга, и указалъ на сестру, которая начинала приходить въ себя. »Милая, добрая Ольга! здѣсь ты видишь людей, тобой примиренныхъ и благодарныхъ; — но кромѣ благодарности, здѣсь есть нѣкто желающій получить

награду, заслуживъ наказаніе: — онъ увѣряетъ, что любилъ тебя, клянется въ вѣрности... доканчивайте, Князь Греминъ!»

Греминъ съ пылкостью и страхомъ вступилъ въ прудное объясненіе. »Я буду крапукъ« — сказалъ онъ, приближаясь къ Ольгѣ, — »какъ ни вредно виноватому быть имъ. Такъ, Ольга, я дерзаю искать руки вашей, хопя въ глубинѣ души сознаюсь, какъ недостойнъ я такого блаженства. Не говорю теперь о взаимности — я буду счастливъ и шѣмъ, если вы меня не ненавидите, и терпѣливо спану ждашь чувствъ нѣжнѣйшихъ, какъ награды!»

— »Теперь я не имѣю ни какой причины ненавидѣть васъ; я, напрошивъ, обязана вамъ благодарностью!» возразила Ольга едва внятно.

»Эпо лишь слабый образчикъ моей безпредѣльной покорности; имѣя образцемъ такого ангела, какое доброе качество мнѣ не доступно? Ольга! жизнь безъ васъ для меня пустыня, съ вами — рай: рѣшите участь мою!»

Опвѣтъ Ольги можно было прочесть въ каждой чертѣ лица, въ препечаніи каждой жилки; слезы наслажденія спояли въ рѣсницѣ

цахъ, румянецъ счастія пылалъ на щекахъ ея всѣ сны, всѣ мечты ея разгадались — она была такъ невинно счастлива, но ей было такъ ново и спрашно это положеніе. — Наконецъ она преклонила милое лице свое къ плечу Валеріана, и тихо, тихо сказала:

»Брагнецъ, опвѣчай за меня!»

— »Князь Николай! вручаю тебѣ лучшую жемчужину моего бытія. Есть Богъ въ небѣ и совѣсть въ сердцѣ, если ты не сдѣлаешь мою Ольгу счастливою!» Тупѣ положилъ Валеріанъ руку сеспры въ руку Гремина — и седьмое небо распахнулось для влюбленнаго. »Я сегодня такъ счастливъ, чпо боюсь — не во снѣ ли вижу все это: друзья мои! вопѣ письмо опѣ Алины,« примолвилъ Валеріанъ, отдавая для прочпенія письмо Гремину. Греминъ чипалъ:

„За свою недовѣрчивость, милый Валеріанъ, ты заслужилъ наказаніе, и получилъ его — но чего эта шушка споила моему сердцу! Какъ можно было сомнѣваться, чпо куда бѣ ни забросила тебя судьба, куда бы ни увлекла воля — въ горѣ и счастіи — я всегда съ тобой неразлучна. Впрочемъ, эпи

„при дня я посвятила на убѣжденіе моихъ
 „нравственныхъ и политическихъ опеку-
 „новъ; — теперь все въ порядкѣ, и я могу
 „ѣхать за побой къ полюсу — не только
 „въ прекрасную деревню. — Сегодня ожидаю
 „невѣрующаго на миръ — и чрезъ два мѣся-
 „ца, о сладкая мысль! я буду уже имѣть свя-
 „щенное право назваться *твоею Алиною!*“

Поздравленія и обѣщанія полегчали къ сча-
 стливцу Самъ Докпоръ, со слезами уми-
 ленія на глазахъ, смотрѣлъ на небо, скинувъ
 ошибкою парикъ вмѣсто колпака. »Еще пара
 шакихъ женщинъ,« бормоталъ онъ: »и я вы-
 брошу всѣхъ рѣдкихъ букашекъ за окно! Жаль
 только, что Ольга заспавишь меня перепра-
 вишь цѣлую главу о женщинахъ!«

Спрѣлинскій, посадивъ сестру свою въ ка-
 рету, остановился у дворецъ. »Господа!« ска-
 залъ онъ: »милости просимъ ко мнѣ опку-
 шать и записать прошедшія безразсудства. Го-
 сподъ же секундантовъ, благодаря сверхъ то-
 го за ихъ участіе, прошу сдѣлать намъ честь
 перемѣнить роли секундантовъ на должностъ
 шаферовъ у меня и жениха сестры моей, Кня-
 зя Гремينا!«

Онъ умчался при радостныхъ привѣтахъ.

Восхищенный Князь, обнимая съ радости всѣхъ и cadaго, сказалъ Доктору, приглашая его сѣсть съ собою въ карету: »Я надѣюсь, и для васъ, почтеннѣйшій другъ нашъ, пріятнѣе видѣть свадьбу, чѣмъ похороны.«

»Я не бываю на свадьбахъ, чтобы не заставивъ краснѣть другихъ; ни на похоронахъ, чтобы не краснѣть самому,« отвѣчалъ Докторъ, садясь въ сани.

— »Теперь, однако жъ, дѣло идетъ не о проводахъ невѣсты или мерзвцовъ въ новый для нихъ міръ, а только о проводахъ масляницы. Валеріанъ ждетъ васъ къ дружескому обѣду.«

Непремѣнно буду, охотно буду, но теперь еще рано: я заѣду къ себѣ приписать кое-что къ моей диссертаціи,«

— »Конечно о справахъ усприцы?« сказалъ Греминъ, улыбаясь,

»Напропивъ, объ удачныхъ глупостяхъ человека,« возразилъ Докторъ.

ЗАМОКЪ ЭЙЗЕНЪ.

THOMAS J. HENRY

Въ послѣдній походъ гвардіи, будучи на охотѣ за Нарвою, набрелъ я по берегу моря на спаринный каменный крестъ; далѣе въ оспавленной мельницѣ увидѣлъ жерновъ, сдѣланный изъ надгробнаго камня съ рыцарскимъ гербомъ и, наконецъ, надъ оврагомъ ручья, развалины замка. Все это подспрекнуло мое любопытство, и я обратился съ вопросами къ одному изъ нашихъ Капитановъ, извѣстному охотнику до историческихъ былей и спаринныхъ небылицъ. Онъ уже успѣлъ развѣдать подробно объ этомъ замкѣ опъ Паспора, и когда насъ собралось человекъ пятокъ, то онъ намъ пересказалъ все, что узналъ, какъ слѣдуетъ ниже.

» Этому ужъ очень давно, споялъ здѣсь замокъ, по имени Эйзень, т. е. желѣзный. И по всей правдѣ онъ былъ шакъ крѣпокъ, что ни въ сказкѣ сказаешь, ни перомъ написаешь;

всѣ говорили, что ему по шерсти дано имя. Спѣны такъ высоки, что поглядѣвъ, такъ шапка валился, и ни одинъ изъ лучшихъ стрѣлковъ не могъ домешнупъ стрѣлой до ябллка башни. Съ одной спороны эпошъ провалъ служилъ ему вмѣсто рва, а съ другой тысячи бѣдныхъ Эспонцевъ цѣлыя вспожинки рыли копань кругомъ, и дорылись они до живыхъ ключей, и такъ поставили замокъ, что къ нему ни съ какой спороны приспу-пу не было. Я ужъ не говорю о воропахъ: дубовыя половинки усажены были гвоздями, словно подошва Русскаго пѣшехода; придевлявъ задвижекъ съ замками запирали ихъ, а ужъ сколько усачей спорожило шамъ — и шолковавъ нечего. На всякомъ зубцѣ по желѣзной пычинкѣ, и даже въ желобахъ рѣшешки были вдѣланы такъ, чтомышь безъ спросу не подумай пролѣзвъ ни пуда, ни опшудова. Кажись бы, зачѣмъ спроишь такія крѣпости, коли живъ съ сосѣдами въ мирѣ? Правду сказаъ, тогдашній миръ хуже нынѣшней войны бывалъ. Одной рукой въ руку, а другой въ щеку — да и пошла попѣха. А шамъ и правъ пошъ, кому удалось. Однако и ры-

цари были не промахи. Какъ строили чужими руками замки, такъ говорили: это для обороны отъ чужихъ; а какъ выстроили, да засели въ нихъ, словно въ орлиныя гнѣзда, такъ и вышло, что для грабежа своей земли. Такимъ-то побытомъ, владѣлъ эшимъ замкомъ Баронъ Бруно фонъ Эйзенъ. Былъ онъ не изъ смирныхъ между своей брашны, даромъ что и пѣ удальспвомъ слыли даже за моремъ. Бывало, какъ гаркнешъ: на коней, на коней! то всѣ его молодцы взмечупся, какъ угорѣлые, и бѣда тому, кто выѣдетъ послѣднимъ. Коли подпоясалъ онъ свой палашъ, а палашъ его, говоряшъ, пуда чуть не въ полтора вѣсилъ, то ужъ не спрашивай: куда? Знай скачи за нимъ слѣдомъ, очерпя голову. Лапы онъ носилъ всегда вороненыя, какъ осенняя ночь, и въ нихъ заклепанъ былъ отъ каблуковъ до самага гребня; глядѣлъ на свѣшъ только сквозь двѣ скважины въ наличникѣ — и сказывающъ, взглядъ его былъ такъ свирѣпъ и пронзипеленъ, что убивалъ на лешу ласпочекъ, и коли заслышипъ проѣзжій его свисшъ на дорогѣ, такъ за верспу сворачивай въ спорону, будь хоть Епископъ, хоть

братъ Магистру. Враговъ тогда бывало не
искашь спать; выѣзжай только за воропа,
сосѣдей много, а причинъ задрашь ихъ въ
ссору еще болѣе. Припомъ же Нарва въ прид-
цани верспахъ, а за ней и Русское поле
Какъ не взманишь оно сердце молодецкое добы-
чей? Въдь въ чужихъ рукахъ синица лучше
фазана. Вошь, какъ наскучишь сидѣшь сид-
немъ за кружкою шакъ и кинешся онъ
къ границамъ Русскимъ — ему не нужно ни
мосшу, ни броду. Прискакалъ къ ушесу — а
рѣка рвенъ и ревешъ, какъ люшый звѣрь.
Чно жъ бы вы думали? »За мной, ребяша!« и
бухъ въ воду первый. Кпо выплылъ — хоро-
шо, пошонулъ — шуда и дорога! Скажешъ
только бывало, опряхаясь: »скопина!« и по-
минъ проспылъ. Да ему съ полъ-горя было
шакъ горячишься. Конь служилъ подъ нимъ
заморской, масью вороной — чно швоя
смоль. Въ скачкѣ съ него зайцевъ захлопыва-
ли. Въ погонѣ рѣка не рѣка, заборъ не заборъ,
и въ дѣлѣ словно самъ чоршъ подъ сѣдломъ:
и рженъ и пышишь, зубами ѣспъ и подко-
вами бьешъ. За шо Баронъ любилъ и холилъ
эшого коня: счепнымъ зерномъ изъ полы кор-

милъ, изъ своего кубка медомъ подчивалъ, и коли надо случалось коню сослужить службу трудную, такъ опскачешъ полдороги — да фляжку вина ему въ глотку. Прочхнешся топъ, вспрепенешся, и опяшъ лешишъ, инда искры съ подковъ сыплюшъ. Ну, вошъ и заѣдешъ онъ далеко въ Русь... въ распахъ.... завидѣль деревню — подавай огня. Вспыхнуло — кидай шуда все, чего увезши нельзя. Кшо пропивишся — рѣзашъ, кшо кричишъ, шого въ пламя. Позабывишся, и даромъ, правду сказашъ, порубливали вспрѣчнаго и поперечнаго; ну, да эшо, чшобъ не разучишся или поучишся, говорилъ онъ. Напѣшась, разгромивъ, навьючивъ коней добычею, насажавъ на сѣдла красавицъ, и сосворивъ къ спремени плѣнниковъ, выходили они околицами во свояси.... и шущъ-шо ужъ по дѣлежъ начиналась гульба и пированье. Цѣлую недѣлю разливное море, и пѣсни и шумъ. Конечно, не всегда удавалось нашему молодцу нападатъ нечаянно на Рускихъ. Нерѣдко выпроваживали незванаго госпя по зашейку; да онъ опгрызался себѣ, какъ волкъ, и цѣль и невредимъ выходилъ изъ побоища, пошому, чшо не вся-

кой совался вблизи къ его лапамъ , и ни какая стрѣла не брала его панцыря. Ходила молва, будто лапы его заговорены были — оно и спашочное дѣло — Баронъ много лѣтъ возился съ Египетскими чародѣями, когда за Господень гробъ рыцари ѣздили на край Свѣша подрашья между собою. Какъ бы то ни было, кромѣ ушибовъ, онъ не получалъ ни одной раны, между шѣмъ, какъ удары палаша его можно было лечишь не рецепшами, а панныхидами. Въ шакихъ опчаянныхъ набѣгахъ, разумѣлся, шайка его рѣдѣла, однако хопъ всѣ знали про опасности, про крупной нравъ Барона — разгульная жизнь и охоша къ добычѣ, какъ магнѣшомъ шянули бродягъ къ нему въ службу. Обокралъ ли, прогнѣвилъ ли какой слуга, или оруженосецъ сосѣда рыцаря — сей-часъ давай пягу въ Эйзенъ. Подъ гербомъ Барона скрышо и забышо было все прежнее; за то ужъ въ дѣлѣ не зѣвай у него. Чупъ спрусилъ, чупъ оплошалъ, глядишь и качается дружокъ вмѣсто фанаря съ пеньковымъ галспухомъ опъ проспуды! Да и что за народъ у него собранъ былъ, шакъ волосы дыбомъ спановяшся: каждый сорви-голова. Въ

огонь и въ воду гошовы на голосъ Бруно
 шакъ и смопрятъ въ глаза ему — лишь миг-
 нуль, и все вверхъ дномъ полетѣло. Въ буян-
 спѣвѣ — самый закоренѣлый шалунъ показался
 бы предъ ними красною дѣвушкою — и двѣ-
 надцать Кіевскихъ вѣдьмъ вмѣстѣ не выдума-
 ли бы такихъ проклятій, какія опускали
 они за одною чашею брандвейна. Спрашные,
 оборванные, однако при шпагѣ и желѣзный
 карпузъ на бекрень, разгуливали они по хи-
 жинамъ Эспонцевъ, поколачивали ихъ для пре-
 провожденья времени, ласкали ихъ дочекъ, и
 брали конприбуцію съ женъ, чѣмъ Богъ по-
 слалъ.

Теперь спали экономничашъ Лифляндскіе
 помѣщики, запирашъ счепный кусокъ на ключъ
 и желудокъ сажашъ на діету. Въ спарину,
 сами вы знаете, по ли было! Круглый годъ
 масляница, жареные гуси спадами слепались
 къ обѣду, и безъ Heilige Nacht (*) шеляша и
 бараны на чешырехъ ногахъ ходили по спю-
 лу и умильно подспавляли охотникамъ свои
 коплешы. Въпренаго бупперброта тогда
 еще не было и въ заводѣ, а правкой-мурав-

(*) Рождество Христово.

кѡй кормили только слугъ. Само собой разумѣлся, что основательныхъ напишковъ тогда не жалѣли, а какъ пили они — шакъ вы право подумали бы, что у нихъ муравленая упроба! Ведро пива на ухо — и ни въ глазъ. Вопъ подопьепъ, бывало, Баронъ съ сосѣдами, да и расходился индюкомъ... Я ли не я ль? по плечу себѣ никого не приберепъ, онъ-то всѣхъ храбрѣе, онъ-то всѣхъ благороднѣе! А чупъ-чупъ кпо покосился; онъ и въ ссору да въ бранъ, а шамъ долго ли до желъза? Кончипся бывало шѣмъ, что госпъ прѣдепъ верхомъ, а вынесупъ его на носилкахъ, еще за милоспъ, коли безъ уха, или безъ носу, а по часпо навѣки опъ зубной боли вылечивался. Эшого мало: разгнѣвался на сосѣда — на конъ съ своей дворней и псарней, и пошелъ попшамъ чужія нивы, палипъ чужіе лѣса. Упаси Боже повспрѣчашъ его въ такой черныи часъ! Завидѣлъ Эспонца, и скачепъ къ нему съ поднятымъ псесачищемъ. »Чишай Вѣрую во Единого, бездѣльникъ!« а пошъ и обомлѣепъ на колѣнахъ, вѣдь по-Нѣмецки ни слова. — »Эймоспа!« (*) — »Чишай, говорю!« — »Эймоспа«... — »А!

(*) Не понимаю.

такъ ты упрямишься въ своемъ язычествѣ, живошное!... Я же тебя окрещу!« Баць — и голова бѣдняги прыгала по землѣ кегельнымъ шаромъ, а Баронъ съ хохотомъ скакалъ далѣе, проговоря: *absolvo te!* ш. е. разрѣшаю тебя, — зашѣмъ, чпо они, какъ духовные рыцари, могли вмѣстѣ губить плѣло и спасать душу. Таково было чужимъ — каково же своимъ-то было! Понравился конь у кресстьянина: »Пергала! мѣняй свою лошадь на мою кривую собачку!« — »Башюшка, баринъ! мое ли дѣло охопиться — а безъ коня куда я гожусь?« — »На висѣлицу, бездѣльникъ! Ты долженъ бышь доволенъ шѣмъ, чпо я позволю тебѣ усыновить опѣ нея щенковъ....« Залѣпся бѣдняга горячими, да и пойдешъ въ холодную избу — за пуспую чашку. Не то — еще бьюшъ, да и плакашъ не веляшъ. Коротко сказашъ, Бруно въ угнепеньи не опсавалъ опѣ своихъ соповарищей, за исключеніемъ только члена: »не пожелай осла ближняго швоего,« — зашѣмъ, чпо полезныхъ эшихъ живошныхъ шогда въ Эспляндіи не водилось. — Однако жъ и на него приходили часы, не скажу Божьяго спраха, но человѣческой робоспи. Буйно бы-

ло прошедшее, а что впереди, весьма не утешно; какъ ни любилъ онъ шумъ и разбой — а все-таки скука садилась съ нимъ въ сѣдло и на спულъ незваная, и какъ бѣсъ въ руко-
 мойникѣ, выглядывала съ донышка спакана. Лишь за невидаль могъ онъ выжашь смѣхъ изъ сердца, попому что смѣхъ дается толь-
 ко добрымъ людямъ. Вопъ ужъ спукнуло на-
 шему Барону и за сорокъ, а съ сѣдиной въ бороду — чорпъ въ ребро. Разъ, когда бесѣ-
 довалъ онъ очень дружески съ спопой своей, и допытывался опъ ней ума — вскинулась ему блажная мысль въ голову: женись, Баронъ, авось эпо поразсѣпъ тебѣ; припомъ же наслѣдники вѣдь попышка не пышка. За невѣспами дѣло не спанепъ да жспаша, чѣмъ далеко искапъ — лучше взяпъ гошо-
 вую невѣспу моего племянника; она не бѣдна и сѣумѣпъ хозяйничапъ, какъ и всякая дру-
 гая. А племянникъ не велика ппица въ перьяхъ, пускай пороспешъ до свадьбы! Надобно вамъ сказапъ, что племянникъ эпопъ былъ сынъ его двоюроднаго брапа, какого-то Весп-
 фальскаго рыцаря. Покойникъ былъ не бѣ-
 денъ золопомъ кажись не умомъ, попому,

что поручилъ сына и имѣніе въ опеку Бруно. Грѣхъ сказать, впрочемъ, что Бруно расправлялся съ деньгами племянника, не какъ съ собственными своими, за то самого Регинальда помыкалъ вовсе не по-родственному, и училъ именно тому, чего знать не должно. Однѣ добрыя наклонности спасли мальчика отъ дурныхъ примѣровъ дяди, или лучше сказать, что желѣзная лапа дяди и гнусность примѣра, именно сдѣлали его лучшимъ, потому, что показали, какъ на ладони, всѣ черныя стороны злаго чловѣка, и всѣ выгоды бытъ добрымъ. Молодецъ онъ былъ славный и красивый; ну, вотъ и приглянись ему дочь одного Барона, по имени, дай Богъ памяти — Луиза Дѣвушка она была пышная, какъ маковъ цвѣтъ, а бѣлизной чище перваго снѣгу, даромъ что не мылась биркезомъ и не носила ночью помадныхъ перчатокъ Сердце сердцу вѣсть подаетъ они слюбились. Парсія была хоть куда и Бруно не прочь — и ошцы согласны, какъ вдругъ эша бѣда коршуномъ налетѣла Вздумано и сдѣлано. Баронъ не любилъ переспросовъ, и кто не хотѣлъ лѣпѣшь въ окно, тотъ не

совался ему пропшворѣчишь. Черезъ три дня пупи Регинальдъ съ двумя прубачами споялъ уже у подъемнаго моста, у замка рыцаря Бока и прубилъ въ рогъ, какъ будто за нимъ гналось двѣ дюжины медвѣдей. Въ замкѣ всѣ взбѣгались, увидя людей разодѣтыхъ попугаями. Старый Баронъ въ суепахъ надѣлъ ворошникомъ сапожную манжету; мапушка насурмила вмѣсто бровей губы, и я за вѣрное слышалъ, что сама Луиза, какъ ни хопѣла казаться равнодушною, однако вспрѣшила гошпя въ разныхъ чебопахъ. Похоронное лице свапа удивило очень семью Бока, но когда онъ выговорилъ предложеніе дяди, то если бѣ бомба упала къ нимъ на чайный споликъ, — она испугала бы ихъ менѣе.... Жаль право, что тогда еще не было ни бомбъ, ни маюкону — и что сравненіе мое не кспашпи. Опець, качая головою, расчишывалъ по пальцамъ связи жениха; мапушка, заклинаясь, что не опдаспѣ дочери за душегубца, полковала однако жъ о подвѣчномъ нарядѣ; Луиза плакала на взрыдъ, а бѣдный свапъ, разжалованный изъ жениховъ, споялъ какъ убишый, посылая къ чорпу дядю, котораго ненавидѣлъ

за шо, чпо онъ, какъ въ насмѣшку, послалъ его свапомъ къ шой, копорую давно любилъ. Чпо ни говори, а возжи, копорыми правяшъ людей, сплешены изъ желѣза и золоша. Всѣ или бояшся одного, или желяють больно другаго Эпо же порѣшило опца да машъ Луизы, какъ раскинули спарики умомъ разумомъ, шупишъ съ Бруно плохо хопя нехопя, ударили по рукамъ, а дочерей спрашивашъ шога не водилось, да и зачѣмъ вправду ихъ баловашъ? Какое имъ до шого дѣло? Вопъ и вынесли какого-шо сладкаго напишка, и возгласили здоровье жениха да невѣсты. Не знаю, опъ чего — шолько вино эпо показалось свапу наспоаяно перцемъ, мапушка поперхнулась, а дочь, смѣшавъ его со слезами, черезъ силу принудила себя выпить нѣсколько капель. — Регинальдъ, какъ безумный, кинулся на лошадь и помчалъ къ дядѣ веселую, себѣ горькую вѣсть. Чрезъ двѣ недѣли была и свадьба. Госпей съѣхалось шма шмуца: вѣдь и шога охотниковъ попировашъ на чужой счетъ было вдоволь. Только споломъ пряхни — шакъ шо и дѣло гляди въ окошко: поѣздъ за поѣздомъ къ крыльцу, будпо

по нихъ кличъ кликали. Ну, вѣдь у прежнихъ баръ не пиво варишь, не вино куришь; хлѣбъ, соль не куплены. Особенно у Барона лавливались въ морѣ золопочешуйныя рыбки съ Русскими клеймами, а на сушѣ звѣрки на колесахъ. Вопль повели жениха съ невѣсшой со всѣми Нѣмецкими причудами въ церковь. Баронъ подъ вѣнцемъ споялъ, охорашивая свою бороду, переспупалъ съ ноги на ногу словно часовой журавль и побрякивалъ очень гордо — за то бѣдная Луиза, блѣдная какъ фламское полошню, была ни жива, ни мертва, и сказала: да — шакъ невнятно, шакъ невольно, что оно девяносто шестти нѣтъ споило. Между тѣмъ кой-то изъ госпей, особенно дамы въ огромныхъ своихъ фижбейнахъ, какъ цвѣпки въ корзинахъ, изъ-подъ вѣровъ, словно изъ-за ширмъ подсмѣивались надъ неровнею. »Мужъ не боберъ,« сказала одна Баронша своей сосѣдкѣ. . . . »Просѣдь только мѣху цѣны придаешь.« — »Морщины шакія борозды, на которыхъ всходятъ плохія распенія,« прибавилъ какой-то забавникъ. — »Поглядимъ,« разсуждали иные: »голубка ли выключеешь глаза этому старому ворону, или онъ оццплещъ ей перушки!« Впрочемъ

всѣхъ сказокъ не переслушать. Какъ водилося, госпи пропировали до бѣла ушра. Морожевки, рябиновки, наспойки изъ полыни, зари и прочихъ невинныхъ правъ, лились, а заморскихъ винъ пей — не хочу. Ушро заспало пировавшихъ или за споломъ или подъ споломъ, и къ крайнему сожалѣнію любилелей прежнихъ обычаевъ, пиръ эшопъ, за исключеніемъ бипой посуды и подбишыхъ носовъ, кончился миролюбно. Подпрунивъ надъ молодыми и освѣживъ себя горячими напипками, госпи разѣхались. А когда разѣхались они — въ замкѣ спало пусто и тихо, какъ на кладбищѣ послѣ шумныхъ похоронъ. Молодая Баронша въ первый разъ безъ опца, безъ мапери, сидѣла прижавшись въ уголкѣ какъ сироточка, и сердце щемило у ней — а вѣдь эшо не къ добру!..... Она вздрогивала при каждомъ звонѣ шпоръ своего мужа — и ее шакъ напугали рассказы объ его свирѣпости, чшо она замирала со страха, когда онъ цѣловалъ ее, будшо онъ хопѣлъ высосать ея кровь, или когда онъ ее ласкалъ, шо предспавлялось, чшо добирася до ея шеи для удавки. Горько жить и съ добрымъ, да немилымъ человѣкомъ, по-

судите жъ, каково было вѣковать съ эдакимъ звѣремъ по праву и по виду. Съ зари до зари, бывало плачешъ бѣдняжка шихомолкомъ, шакъ чшо изголовье хопъ выжми — и не одинъ наперспокъ наполнила она слезами. Однажды попросилась она у мужа поклониться родителямъ, побывашъ на родинѣ — Куды! Упаси Боже! Какъ запопаешъ, да закришишь: »Твоя родина — спальня. Изволь-ка, сударыня, сидѣшь дома, да прясъ, а не рыскашъ по го-спямъ. Да и чшо значашъ слезы, копорыми шы, какъ блесшками, унизываешъ шипье свое? Почему, лишь я подхожу къ тебѣ, швое лице спановишся шакъ кисло, чшо на мнѣ ржавѣшъ панцырь? Не-бось на племянника моего шы очень умильно глазѣшъ! Чорпъ меня возьми, шупъ чшо-шо не даромъ Я увѣренъ, чшо вы вспомнили прошлое. Но помни и шо Луиза, чшо у меня ешъ прохладительные погреба, куда я на вѣкъ могу заперешъ тебя, какъ бушылку съ Венгерскимъ, чшобы не испортилась!»

Не нами выдуманно, чшо неправое подозрѣнiе вѣчно вводишъ во искушенье. Обвиненный подумаешъ: »коли меня винашъ даромъ —

семь-ка я заслужу эшо — вѣдь шеряпъ-шо ужъ нечего. При шомъ унѣшно и опомспипъ за обиду. « Вошъ такъ, или почпи такъ случилось и съ Луизой, такъ и съ племянникомъ Барона. Имъ спало досадно сперва за напраслину, а шамъ показался и гнѣвъ за упреки, за брань, за прижимки ревнивца. При шомъ же она не любила мужа, онъ не уважалъ дяди — спало ихъ ничпо хранило, а прежняя любовь влекла. И съ кѣмъ вмѣспѣ погорюемъ, съ шѣмъ скоро будемъ радовашься, опъ шого шолько, чпо вмѣспѣ, чупъ шолько можно — онъ сидипъ при ней, говоришъ сладкія рѣчи, и глядишъ въ глаза такъ нѣжно, чпо будь каменное сердце — распупишъся. То рассыпаешъ мѣлкимъ бѣсомъ въ услугахъ, шо веселишъ ее разказами а самъ изныль, испаяль опъ груспи, какъ свѣча. Мудрено ли жъ, чпо съ каждымъ днемъ Регинальдъ спановилъся Луизѣ милѣе, съ каждымъ днемъ мужъ ненависпнѣе, съ каждымъ днемъ она виноватѣе? — Надоѣло и Барону няньчипъся съ женою. Бывало ни свѣшъ, ни заря — оппра-вляешъ онъ на грабежъ или въ набѣгъ, или въ опъѣзжее поле, здороваешъ съ женою

бранью, прощаешь угрозами. Какое сравнение съ Регинальдомъ! съ добрымъ, съ благороднымъ Регинальдомъ! Впрочемъ, сохрани меня Боже, заспунашься за нихъ: во всякомъ случаѣ ихъ склонность была порочна. — Обманушь мужа, измѣнишь дядѣ — грѣхъ великій. Конечно, спроси дѣло невольное, да на шо у насъ душа, чшобы съ ними бороться. А шо дался ей Регинальдъ спусня уши, словно щуръ, кошпорый самъ шею въ петлю пропягиваетъ. Да одно къ одному, чшобы не опослалъ его дядя прочъ — принужденъ онъ спалъ угождашь ему на счешъ совѣспи. То пошлешъ чужія грани перекопашъ, шо жечъ нивы, шо заспавляешъ губишь въ набѣгахъ спараго и малаго. Вошъ шакъ-шо одно дурное намѣреніе — ведешъ ко множесшву черныхъ дѣлъ. — Минулъ годъ. Случились у Барона госпи. Послѣ обѣда всѣ на веселѣ — вышли, посшрѣляшъ изъ лука, въ звѣринецъ. Правду-истину сказашь, эшо важное имя дано было загородкѣ изъ одного Баронскаго хвасшовспва. Имъ бы лишь было имя, а какъ? — шого не спрашивай. Въ эшомъ звѣринцѣ, кромѣ воронъ, ни какихъ лѣсныхъ звѣрей не было, если не

включашь въ ихъ число козу, привязанную за рога, кошорая пошому шолько могла назвашься дикою, чшо паспушьихъ собакъ дичилась, да лошадь, соспоявшую за спаросшю на подножномъ пенсіонѣ, въ свободное время ошъ водовозни, да двухъ борововъ, чшо приходили шуда въ госпи безъ вѣдома хозяина. Вошъ принесли самоспрѣлы, а чшо ни самой огромный подали Барону. Онъ его любимой былъ..... Вошъ и вызываешъ Баронъ силачей напшанушъ его. Однако жъ какъ ни пышались, никшо не можешъ, а Баронъ-шо надъ ними подсмѣиваешся. Дошла очередь и до Регинальда. Онъ уперся въ сшальной лукъ пшшою, да какъ пошянуль шешиву къ верху — шакъ шолько слышно динь, динь..... всѣ ахнули и шешива на крючкѣ: словно взводилъ онъ дѣшскую игрушку. Бруно ужъ давно грызъ зубы на племянника, а шакая удалъ въ силѣ, кошорою онъ одинъ до шѣхъ поръ хвалился, взбѣсила его еще болѣе. » Эшо одна сшаровка,« сказалъ онъ презришельно. А вошъ, господинъ дамской угодникъ, если шы масперъ перекидывашься не одними хлѣбными шариками — шакъ будь молодецъ: пошадн въ мельника, кошорый ра-

бопаетъ на плопинѣ ручья.» — »Дядюшка мой видѣлъ кажется не разъ, какъ спрѣляю я по лебедю«, опивчалъ съ негодованіемъ племянникъ. »Но я не палачъ, чпобъ убивать своихъ! —

»Г-мъ! своихъ! По низкимъ твоимъ чувствамъ, я право скоро повѣрю, что ты свой эшимъ живошнымъ Убишь мельника — ха, ха, ха! экая важность; не прикажешь ли пошереть виски? Тебѣ, кажется, дурно отъ этой мысли спановишься? Тебѣ бы не кровь — а все розовое масло! — У тебя одно любимое знамя — женская косынка!»

— »Баронъ Бруно помни, что есть обиды выше родства. Но если въ тебѣ есть хоть сошная доля правды, прошивъ злости — то ты скажешь, опспавалъ ли я отъ тебя въ дѣлѣ — и, къ спыду моему, не проливалъ ли я невинную кровь Русскую въ набѣгахъ?»

»Не опспавалъ велика заслуга! Рада бы курочка на споль нейши, да за хохоль волокутъ. Подай сюда самоспрѣль мой — да седи за печкой съ верешеномъ Погляди лучше, какъ мѣшко попадають спрѣлы мои въ сердца подлыхъ людей.« Онъ съ осперве-

неніемъ вырвалъ лукъ изъ рукъ Регинальда — приложился — и несчастный мельникъ рухнулъ въ воду. »Славно, славно попалъ!« закричали рыцари, хлопая въ ладоши; но Регинальдъ, горя уже гнѣвомъ опъ обиды, вспыхнулъ опъ такой жестокости. — »Я бы заспрѣлилъ тебя, наглый хваспунъ, проклятый душегубецъ,« сказалъ онъ Барону, »если бъ это предвидѣлъ — но ты не избѣжишь казни!«

»Молчи, мальчишка или я эшу желѣзную перчатку велю вбить тебѣ въ рошъ прочъ, или я какъ послѣдняго конюха выеьку тебя пуплицами.«

Регинальдъ уже ничего не могъ сказать опъ бѣшенства, и оно разразилось бы смершнымъ ударомъ стрѣлы, копорую держалъ онъ если бъ его не схватили и не связали.

»Киньте его въ подвалъ!« закричалъ Бруно бѣснуясь »Пусть его сочиняетъ шамъ романсы на голосъ пойманой мыши. Кандалы по рукамъ и по ногамъ — да посадишь его на пищу св. Апонія!«

Несчастливаго пощипали и цѣлый мѣсяцъ красные глаза Луизы доказывали, сколько она за него претерпѣла; но что спалось съ нимъ?

Не вѣдалъ никто, и скоро всѣ позабыли. Тогда такія вещи были не въ диковину.

Вошъ, судари мои, не черезъ долгое послѣ того время, будучи Бруно на охотѣ, получаетъ въспочку опъ своихъ головорѣзовъ, что Русскіе купцы мимо его берега повезутъ моремъ въ Ревель мѣха для мѣны и золопо для купли. Взманило это спараго грѣшника. »Гоповыше ладьи, наряжайшесь рыбаками, ѣдемъ оспрожитъ эшихъ усапыхъ осепровъ,« закричалъ онъ..... »Я сей часъ буду.« Баронъ былъ вовсе не набоженъ, но доспапочно для Нѣмецкаго рыцаря суевѣренъ. Онъ не разъ ссорился съ Паперомъ въ Везенштейнѣ за то, что давалъ собакѣ носить въ зубахъ свой молишвенникъ, а между тѣмъ вѣрилъ колдовству и боялся домовыхъ, опъ чего и спалъ ночью безъ свѣту не изволилъ. Бывало крыса хвостомъ шарчитъ по подполью, а ему все кажется, что кто-то гремитъ лапами..... вскочитъ съ просонья и вопитъ на тѣнь свою: кто тамъ, кто шумъ? У кого совѣсть накраплена и подрѣзана, какъ шулерская карта, тому по-неволѣ надо искашь, не въ молишвѣ, а въ гаданьѣ. Съ эшимъ намѣреніемъ

пришпорилъ Бруно воронаго, и по заглохшей тропѣ помчался въ лѣсъ дремучій. Густѣлъ лѣсъ..... вечеръ темнѣлъ..... вѣтви хлестали въ глаза. Баронъ ѣхалъ далѣе и далѣе. Наконецъ очутился онъ передъ избушкой, какъ говорится, на курьихъ ножкахъ, что опъ вѣтра шапается и опъ словъ поворачивается — спукъ, спукъ! »Опвори-ка, бабушка!« Вопъ опворила ему двери старая Чухонка, извѣстная во всемъ окологкѣ чародѣйка и гадальщица. Кошачій взглядъ, волоса включенные и по поясъ. На полосапомъ плащѣ навѣшанныя побрякушки, бляхи и желѣзные привѣски придавали ей спрашный видъ, и трудно бывало разобрать ея голосъ опъ скрипа двери. Слава шла, что она заговаривала кровь, собирала змѣй на перекличку, знала всю подноготную, что съ кѣмъ сбудется, а прошлое было у ней какъ въ карманѣ. Разсерди-ка ее кто!..... Такъ запоешь курицей, по-пѣшушьему, или набѣгаешься полосапой чушкой. »Кого занесъ ко мнѣ буйный вѣперъ?« сказала она, пропирая глаза, задымленные лучиною.

»Не вѣперъ, а конь завезъ меня,« опвѣ-

чалъ Баронъ, влѣзая сгорбившись, въ хижину, какихъ и теперь для образчика оспалось не менѣе прежняго. Солнечные лучи, встрѣчаясь въ кровлѣ съ дымомъ, проходили внутрь, можно сказать, копченые. Двѣ скважины, пробитыя въ стѣнѣ мышами, служили вмѣсто оконъ. Въ одномъ углу складена была безъ смазки каменка, опъ которой копошъ зачернила всѣ стѣны, какъ горнъ. Наконецъ вмѣсто всѣхъ мебели въ углу лежала рогожка, а у печки лопаха: можетъ быть воздушный ея экипажъ — въ званіи пруболепной вѣдьмы.

» Погадай мнѣ, спарая корга! « закричалъ Баронъ спарухъ..... »брысь, брысь! « Къ нему въ это время прыгъ на шею черная кошка, да и царапъ лапою за усы. Баронъ вздрогнулъ не хопя, и когда сбросилъ ее долой, то самъ слышалъ, самъ видѣлъ онъ, какъ изъ шерсти ея запрещали искры, шакъ чпо по рукъ у него мурашки забѣгали. — »Знаю, о чемъ ты хочешь ворожить, « сказала съ злобною усмѣшкою колдунья..... »ты получилъ вѣспъ о добычѣ, когда гналъ по лисѣ — теперь хочешь самъ сыиграть лису на морѣ!..... Вѣдаю, чпо было; угадаю, чпо будетъ..... но въ по-

слѣдній разъ, Бруно!« — Барона кинуло въ пошъ и въ холодъ, когда онъ услышалъ эши подробноспи.... »Въ ней самъ чоршъ сидишъ,« подумалъ онъ. Между шѣмъ она почеркнула въ козій рогъ воды и долго нашептывала, успавивъ на воду спрашныя свои очи — вдругъ вода зашипѣла, вздымилась, упихла, и въщунья слово за слово, вся дрожа, будпо не своимъ голосомъ говорила: »Рыцарь Бруно, швой походъ будешъ успѣшенъ — спѣши, не медли.... ты приложишъ новыя добычи, новыя грѣхи къ прежнимъ.... Свѣщель швой нагрудникъ.... гладокъ онъ....« »Я думаю, чпо гладокъ, ворчалъ про себя Бруно.... на немъ кованая муха не удержишся.« »Я вижу на немъ кровь,« продолжала спаруха... — »Не бойся, онъ не промокнешъ.« — »Нѣшъ.... онъ про-ржавѣенъ....« — »А на чпо жъ у меня оруженосецъ? Пусшь-ка онъ не вычиспишъ моихъ лапъ, шакъ я ему вылошу спину. Скажи-ка мнѣ лучше, бабушка, воронусь ли я домой?« — »Домой?... да, ты возвратишся шуда, опш-куда опправился.... и пошомъ ляжешъ спащъ подъ кресшомъ, въ головахъ зеленыя вѣшки, Слышишъ ли колоколь? Эшо похороны. Эшо

свадьба слышишь ли, поюшъ: со святыми
упой, и ликуй!» — Морозъ подралъ по кожѣ
рыцаря онъ робко оглянулся, прислушал-
ся — но ни чего не слыхалъ, кромѣ мяуканья
черной кошки. »Вопъ тебѣ шилингъ,« сказалъ
онъ, бросаясь вонъ — но колдунья опшполкну-
ла рукою — »Я получу опъ тебѣ ихъ де-
сяпокъ, когда ты воропишься Спупай:
конъ и судьба ждупъ тебѣ за порогомъ.« —
Бруно поскакалъ, не оглядываясь. »Она рѣхну-
лась,« думалъ онъ »впрочемъ я нерѣдко сплю
подъ плащемъ рыцарскимъ, а если ворочусь
къ Духову дню — шакъ и подавно въ голо-
вахъ будупъ березки. Да чпо за свадьба, чпо
за похороны? Тѣфу пропасшъ! мало ли у меня
знакомыхъ!» —

На ушро, когда вспало солнышко, паруса
разбойничьихъ его лодокъ чупъ бѣлѣлись уже
на взморѣ. Долго ли, корошко ли, далеко или
близко воевалъ Баронъ — не знаю. Только
ужъ подъ вечеръ поднимался онъ на крупной
берегъ къ замку въ самомъ шомъ мѣспѣ, гдѣ
ручей впадаетъ въ море. »Вопъ я и воропил-
ся удачно,« говорилъ Бруно своему оруженосцу.
»Робершъ, снеси же эши десяпъ шилинговъ

старой колдунѣ, и скажи, что въ ея вздорномъ предвѣщаньи было немножко и правды. Скажи ей, что я по добру, по здорову, веселъ какъ имянинникъ. «Очень видно, однако жъ, было, что его веселье съ родни печали. Кпо послѣ оплучки ворошился домой, оспавя шамъ женщинъ, у шого по неволѣ забьешся решивое; подходя къ порогу какихъ вѣспей, какихъ госпей шамъ не найдешь!! Такъ и у Барона защемило сердце не даромъ: не успѣлъ онъ пройши по берегу десяти шаговъ — глядь

Признаюсь, господа, что шущъ онъ увидѣлъ — шакъ вскипяшило бы кровь и у самага хлоднокровнаго мужа Баронъ видишь: жена его сидишь рядомъ съ племянникомъ рука въ руку, успа въ успа. Обуянъ, задыхаясь ошъ гнѣва, споялъ онъ передъ любовниками, а шѣ его и не замѣшили, какъ будто надъ ними воспѣвала райская ппичка. Бруно не вѣрилъ глазамъ своимъ »Какъ? шощъ племянникъ, котораго онъ бросилъ въ шюрьму на голодную смерть — шеперь передъ нимъ въ полномъ вооруженіи? Эшощъ смиренникъ цѣлуешся съ Луизою, которая съ

прудомъ подымала рѣсницы при мужчинахъ,...
 кровь и адъ!.... нѣтъ это не сонъ, не дья-
 вольское наважденье! » Запопалъ онъ ногами,
 заревѣлъ — и если бѣ не бряканье лапъ его,
 то вѣрно бы любовники кончили жизнь на
 этомъ поцѣлуѣ. Да нѣтъ. Регинальдъ успѣлъ
 вскочить и принялъ мечъ на свой мечъ, схва-
 тились рубиться — искры запрыгали.....
 ударъ въ голову — и оглушенный Бруно,
 какъ снопъ свалился на праву. »Теперь ты
 въ моихъ рукахъ, злодѣй!« говорилъ Регинальдъ,
 привязывая его къ дереву.... пришелъ ко-
 нецъ твой. Опъ меня, братъ, не проси и не-
 жди пощады, ты самъ ни кому не давалъ ея.
 Ты выучилъ меня лишь невинную кровь по
 своей прихоти, такъ теперь не дивись, что
 я хочу напишья твоею изъ мешки. Помнишь
 ли, что ты лишилъ меня имѣнья и воли, по-
 мыкалъ роднаго, какъ служку, унижалъ, оби-
 жалъ, презиралъ меня, наконецъ опнялъ мою
 невѣсту и довелъ до того, что я сгубилъ
 свой покой и чистоту совѣсти?.... Ты уни-
 чожилъ злодѣйски все, что для души доро-
 го на землѣ, и легко на небѣ.... Ты бро-
 силъ меня на голодную смерть.... Ты му-

чиль, перзалъ эшого ангела, спасителя моей
 жизни, кошораго не цѣнилъ, не спойлъ. Чпо
 оспавалось мнѣ, кромѣ боя? Даже судъ Божій
 поединкомъ мнѣ запрещень былъ съ дядею.
 Но Богъ великъ — пы палъ — пы погиб-
 нешь! «Надо видѣшь было тогда Барона: ни-
 же правы, пише воды сдѣлался; опкуда взя-
 лись слезы, опкуда молишвамъ выучился!...
 Зачалъ, небось, причипать Лазаря. Оно, прав-
 ду сказаць, смерть не свой братъ; особенно
 коли заспанешь въ распахъ черную душен-
 ку. »Не помяни зла, — будь опцемъ роднымъ,
 пуспи душу на покаяніе! опдамъ все, чпо
 пы хочешь, сдѣлаю все, чпо велишь; спану
 держаць швое спремя, выпрошу у Папы се-
 бѣ разводъ, а тебѣ позволеніе женишься на
 Луизѣ. Пресвятая Бригидда! я опдамъ въ
 Ревельскій храмъ швой поль-первой добычи,
 выспрою въ швое имя монастырь съ зимней
 и лѣтней церковью! Пойду самъ въ монахи,
 надѣну власяницу подъ панцыремъ, раздамъ
 нищимъ нажитое и грабленное. Луиза! у те-
 бя доброе сердце, я испышалъ эшо, я виненъ
 передъ шбой.... уговори, упроси, умоли Ре-
 гинальда, пуспь онъ дастъ мнѣ пожить, хопъ

еще годокъ, хошь мѣсяцъ, хошь часть!« — »Ни пѣши минушь! — опѣвчалъ племянникъ, взводя лукъ » Имя Бога, злодѣй, Копораго ты призывалъ всегда всуе, чѣобы угнепашъ бѣдныхъ, или увершываешь онъ сильныхъ, теперь не спасешь тебя При томъ, кѣо такъ подло прусишь умереть, тошь и жишь не спѣишь!« — Но въ это время жалоспчивая Баронесса кинулась на колѣни передъ любезнымъ, схватила его за руку » Не убивай,« закричала она пронзительно » Онъ злодѣй, но онъ твой кровный!« — »Ты не знаешь, чего просишь, Луиза,« опѣвчалъ на эти рѣчи Регинальдъ ласково. » Коли онъ живъ, то намъ не жишь — это вѣрнѣе смерти. Неужели хочешь ты, чѣобы звѣрь еще свирѣпствовалъ надъ всѣми? Онъ разорвалъ родство какой же присягѣ вѣришь послѣ этого? Впрочемъ, если ты хочешь видѣшь меня на колѣсѣ, умирающаго въ мукахъ неслыханныхъ, если сама хочешь сгорѣшь живая на маломъ огнѣ то скажи слово, и онъ живъ!« — Такая карпина ужаснула Луизу Женскій умъ слабъ — онъ видишь только то, чѣо передъ глазами Она отвернулась, махнула

рукой.... лукъ взвыль.... стрѣла угодила въ сердце, шупъ и духъ вонъ.... только кровь его брызнула на жену и племянника.

Бруно погибъ — и дѣльно: онъ былъ виноватъ; да только правы ли его убійцы? Регинальдъ былъ малой благородный, добрый — зачѣмъ же онъ ходилъ съ дядей на разбой, когда зналъ, что это дурно? — Конечно онъ дѣлалъ это невольно; да зачѣмъ же не спавало у него воли опказаться рѣшительно, или возспасть противъ него явно? И въ самосудѣ — одна спорона права, а другая виновата. Такъ нѣтъ, онъ не засупался за угнетенныхъ до тѣхъ поръ, пока его лично не обидѣли. Онъ возспалъ только для спасенія своей жизни, — а можетъ быть и для выгоды своей жизни! Какая жъ въ томъ заслуга? Есть ли шупъ чиспоша въ причинахъ, спавало быть надежда къ оправданію? Онъ избавилъ околошокъ опъ злодѣя, за то подарилъ ему урокъ въ пресупленіи. Припомъ же онъ былъ прошивъ дяди много виноватъ.... да и кровь роднаго, право, не шупка!

Скоро спровѣдали въ замкѣ, что Бруно убили, а кто, за что?... Богъ вѣсть. Долго

не вѣрилось этому наконецъ увидѣли — и радость пошла ходить по околицѣ. Всѣ обнимались и цѣловались, словно мы, Русскіе, о Святой. Вошъ спали поговаривашъ объ убійцѣ, хопя всѣ желали, чпобъ его не узнали. Покойника, какъ извѣстно, не жаловали, спало бышъ благодарили шого, кпо сплавиль его на шопъ свѣнъ. Всѣ подозрѣнья, впрочемъ, упали на Роберта, оруженосца Баронова, который вышелъ съ нимъ изъ ладьи глазъ на глазъ — и попомъ исчезъ — ни слуху, ни духу. Иные, правда, поглядывали изкоса на Регинальда, но онъ спокойно распоряжалъ похоронами, подчивалъ всѣхъ очень усердно — шо скоро все и зачихло. Тѣло Бароново схоронили. Гдѣ былъ убишъ онъ, поспавили каменный кресъ, и въ замкѣ, до назначенія Магиспра, — оспался хозяиномъ Регинальдъ.

Коропка память у женскаго сердца, ихъ слезы — роса: шакъ же легко падаюшъ, шакъ же скоро сохнушъ. Сперва Луиза шо и знай, чпо рыдала; попомъ спала она молився . . . попомъ разсѣивашъ себя, да разгуливашъ; подъ конецъ ласки и увѣренья Регинальда, кспаши и свои разсужденія, усыпили совсѣмъ ея со-

вѣснь. Глядишь, не прошло полутода, она уже нарядилась въ цвѣпное плашье, да и сама расцвѣла розаномъ. Погодя не много, захопопали о свадьбѣ — разрѣшенъ опъ Папы, благодаря золошымъ поминкамъ, прислано; чего жъ медлишь? Назвали госпей. Госпи съѣхались, пожимая плечами, но расправляя рпы. — Вопъ повезли жениха и невѣсту въ церковь, чпо спояла не вдалекѣ опъ Эйзена. »Славная парочка,« говори госпи; только славная парочка спояла подъ вѣнцемъ, какъ обреченная на смерть. Блѣдны оба, не смѣя взглянуть другъ на друга. Нѣкопорые госпи замѣпили только, чпо Луиза все чпо-то съ руки спи-рала, а женихъ озирался кругомъ при каждомъ скрыпѣ оконницъ, копорыя ходили ходенемъ опъ Октябрскаго вѣпра. Эпо навело какую-то шоску на всѣхъ окружныхъ. У всѣхъ выпянулись лица всѣ смолкли, только голосъ одного Папера раздавался и перевпори-вался подъ оспрыми сводами. Вдругъ чпо-то сорвалось со спѣны, брякнуло и покашилось по полу — двѣ свѣчи погасли, задушыя вѣ-тромъ — всѣ вздрогнули — эпо былъ ши-щакъ какого-то воина, повѣщенный здѣсь на

память — опять пихо, опять, гудя, смолкли органы.... и вдруг почудилось, будто кто-то гаркая скачетъ къ крыльцу, ужъ по крыльцу. » Отвери, отвери!« загремѣло за дверью — и опдалось въ куполъ.... Всѣ обмерли; никто ни съ мѣста..... Взглянули вверхъ — тамъ несло только облачко съ кадилницы. » Отвери!« повторилъ спрашный голосъ, и слышно было, какъ ржалъ конь и топалъ по плисамъ подковами — и вдругъ двери, зашпонавъ опъ удара, соскочили съ петель и рухнули на полъ.... Воинъ въ вороненыхъ лапахъ, на ворономъ конѣ, въ бѣлой съ креспомъ мантіи, блистая огромнымъ мечемъ, ринулся къ набою, топча испуганныхъ госпеш. Блѣдное лицо его было открыто.... глаза неподвижны.... и что жъ? Въ немъ всѣ узнали покойнаго Бруно. Завопилъ народъ опъ ужаса и разхлынулъ; кто упалъ ницъ, кто ударился въ бѣгъ — а онъ въ при скачка — очутился подлѣ новобрачныхъ. » Кровь за кровь, убійцы!« прогремѣлъ онъ — вмигъ расплопанный Регинальдъ захрипѣлъ подъ ногами коня — и вмигъ, наклонившись, подхватилъ мершвецъ полумершвую Луизу,

перекинулъ ее черезъ луку, поворошилъ коня, взглянулъ на всѣхъ, какъ уголь яркими очами, и стрѣлой вылетѣлъ вонъ изъ церкви — лишь огонь спруями брызгалъ изъ-подъ копытъ по сѣдлу. Только и видѣли. Спрахъ всѣмъ запечаталъ уста. Крестясь, разбѣжались гости.

Я сказалъ, что это было Октябрскою ночью. Вѣтеръ былъ волкомъ въ бору — море бушевало, напирая на скалы, и опшнбавъ опъ нихъ. Бѣдная Луиза пришла въ себя, и морозъ пробѣжалъ у ней по жиламъ, когда увидѣла она, что лежишь въ лѣсу на мокрой травѣ.... Мѣсяцъ билъ прямо на чернаго рыцаря, который палашемъ рылъ яму, подѣлъ самымъ крестомъ, гдѣ совершено было убійство.... Луиза очень ясно узнала блѣдное лицо покойника — ахнула, и снова безъ памяти....

Опять очнулась несчастная..... опкрывла глаза — но уже ничего не могла видѣть — она лежала ничкомъ со связанными руками; она чувствовала, что ее засыпають холодной землею..... у ней замерло дыханіе.... нѣтъ голоса крикнуть.... Въ очаяніи едва

едва могла прошепшати она: »Да воскреснетъ Богъ и распочаеся врази его!« и вопль ошановилась ужасная работа. Громкій, адскій смѣхъ раздался надъ нею. »Смерть за смерть, измѣнница!« сказалъ кто-то, и кровь ея застыла. Еще спонъ, еще усилие, еще глухой вопль изъ-подъ земли, и только. Луиза задохлась, схоронена живая.

Ужасно! и теперь, когда я вздумаю о подобной кончинѣ, то на мнѣ проснуается холодный потъ и мерзвѣющъ ноги. Кажись, всѣхъ менѣе была виновата Луиза, и всѣхъ болѣе поспрадала, однако Богъ знаетъ, что дѣлаетъ. Луиза казнена жестоко; за то эпошъ примѣръ спасалъ многихъ отъ грѣха. Что ни говори, а передъ свяшою правдою, бѣды нашего брата исчезающъ — и мірское добро всходишъ и расцвѣтаетъ изъ зла.

На ушро явился въ замкъ черный лапникъ - мспипель. Это былъ родной братъ покойника, и похожъ на него волосъ въ волосъ, голосъ въ голосъ, Онъ мыкался по свѣту, былъ въ Палестинѣ, и ворочался домой богаты одними заморскими пороками. Въ это время, какъ нарочно встрѣшилъ его братній

оруженосецъ, который нечаянно былъ свидѣ-
 шелемъ убійства и бѣжалъ, испугавшись нова-
 го господина. У страха глаза велики, гово-
 рить пословица.... и мы видѣли, какъ брагъ
 опмспилъ за брапа. Магистръ назначилъ его
 преемникомъ всѣхъ угодьевъ и службъ покой-
 наго; однако его звѣрство не оспалось безъ
 наказанія. Черезъ десятъ лѣтъ Русскіе ворва-
 лись въ Эспонію, осадили замокъ, и наконецъ
 спекли чернаго рыцаря Бруно. Сожженный до
 шла замокъ Эйзенъ срыли они до основанія, и
 борона прошла шамъ, гдѣ были спѣны. Дол-
 го, долго послѣ того, и давно передъ эшимъ,
 люди набожные собирали съ пожарища камни,
 и выстроили не вдалекѣ церковь во славу Бо-
 га. Эшо ея глава мелькаетъ между деревьями.

Господа! я началъ за здравіе, а свелъ за
 упокой; но въ томъ не моя вина. И въ свѣшѣ
 часто изъ шупки выходятъ дѣла важныя.

НОЧЬ НА КОРАБЛѢ.

(Изъ записокъ гвардейскаго офицера, на возвратномъ пути въ Россію послѣ кампаніи 1814 года.)

НОРД ИА КОРАБЛЪ

(На записки о путешествіи въ Россію въ 1814
году)

Анелійскій фрегатъ Flitch (Стрѣла), 6-й день пути.

Я помню прежнихъ лѣтъ безумную любовь,
И все, чѣмъ я спрадалъ, и все, что сердцу мило;
Желаній и надеждъ помышельный обманъ.

Шуми, шуми, послушное въприло!

Волнуйся подо мной, угрюмый Океанъ!

А. Пушкинъ.

..... Въшерь свѣжалъ, валы разыгрывались
сильнѣе и сильнѣе — фрегатъ нашъ быспро
капился по темной пучинѣ Океана. Заря дав-
но уже попухла на краю пуспаго небосклона.
Кругомъ шемнѣло — и только вдали чернѣ-
лись мачшы сопущаго намъ Русскаго фло-
та, только мерцали по кораблямъ фанари,
будно звѣздочки. — Я сидѣлъ на кормѣ, на
коронадѣ, и любовался великанскими валами,
копорые какъ будно наперерывъ гонялись за
фрегатомъ, доспигали его, и съ журчаніемъ,
съ плескомъ о него разбивались. Фрегатъ
вздрагивалъ при каждомъ ударѣ; клонился на

бокъ передъ каждымъ напоромъ вѣтра и снова вспавалъ съ шрескомъ и скрипомъ. — Вах-пенные мапрозы дремали по своимъ мѣстамъ, и лишь однозвучное восклицаніе Лейпенанпа: Steerboard! Backboard! (право руля, лѣво руля) и вѣчный отвѣтъ, yes, yes! (слушаю), повременно нарушалъ спорожкой сонъ мореходцевъ. Я уже ознакомился съ морскими опасностями и привыкъ ихъ не бояться. — Припомъ равнодушіе всѣхъ окружающихъ внушаетъ спокойствіе и самому робкому путешественнику; я беззаботно предался мечтаніямъ подъ свисомъ вѣтра и между тѣмъ, какъ взоры мои летали за брызгами сшибающихся валовъ, мысли стремились далеко, очень далеко. —

—»Опять мечтаешь!« сказалъ мнѣ Капитанъ Фрегатта, Рональдъ, тихо ударивъ по плечу: »а любезные твои товарищи безпечно пируютъ съ нашими моряками въ каютъ-компаніи. Но скажи искренно, dear Alister, куда и къ кому летала теперь крылатая мысль твоя?«

»Я предупредилъ быспрошу твоей спрѣлы, Капитанъ! я уже былъ на родинѣ, милый Рональдъ!« Но я опишу прежде, кто былъ эшошъ Рональдъ.

Онъ Шотландецъ; говорящъ, опличный офицеръ на морѣ и на сушѣ; высокаго роспу и спройнаго спана, русоволосъ и смугль: двѣ рѣдкія вещи въ Британской природѣ. Не красавецъ, но право, если бъ я былъ женщиной, то шрудно бъ было въ него не влюбишья. Какая-то суровая грусть придавала блѣдному лицу его важность и занимательность. Его глаза сверкали рѣдко, но видно было, что это зарево прежняго пожара спраспей. — Еспъ глаза, кошорые съ перваго взгляда вызывающъ опкровенность и завѣряющъ дружбу; таково было благородное лице Рональда. Мы съ первой вспрѣчи были уже друзьями.

»Я былъ на родинѣ!« повшорялъ я. — »Счастливецъ!« сказалъ со вздохомъ Рональдъ: »для тебя расцвѣшаетъ тамъ будущее; но для меня, оно нигдѣ не сущесивуетъ.«

»Ты несчастливъ, Рональдъ!« спросилъ я дружески, пожавъ ему руку. Его пронуло мое учаспіе. За это искреннее пожапіе руки онъ заплашилъ мнѣ такимъ взоромъ, что если эпошъ взоръ приснился мнѣ и въ могилѣ, я навѣрно улыбнусь опъ удовольспвія. Со всѣмъ пѣмъ нелюбовь къ человѣчеству превозмогла,

и онъ съ горькою улыбкою повпорилъ: »Несчастливъ! люди такъ распочипельны на выраженія, что я боюсь показаться забавнымъ, назвавъ себя только несчастливымъ. Говорящъ: какъ я несчастливъ, что опоздалъ въ театръ, какъ я несчастливъ, что не заправилъ зайца! Что жъ скажешь послѣ этого мнѣ, поперявшему всѣ радости невозвратно и безнадежно?«

»Ты любилъ, Рональдъ?«

— »Любилъ ли я?.... какая жъ иная спрашивается въ наши лѣта можешь возвысить душу до воспорга или убить ее до опчаянія! Чесполубіе родился уже въ чаду попухшей любви; приличное золото оспанавливаетъ одну ползущую шарость — юноша лепилъ и любилъ. Ты самъ любилъ, Алисперъ, и ты поймешь меня. Я спалъ чужой между одноземцами; поварищи не могутъ разумѣть моихъ чувствъ; но у пылкихъ душъ одна опчина, и я радъ, что могу освѣжить свою раздѣломъ и высказать горе минувшему другу, обипашелю береговъ Невскихъ; послушай.

»Четыре года тому назадъ, какъ я ходилъ въ Остъ-Индію, на военномъ кораблѣ, конвоировавшемъ флотъ Компаніи. На возвращеніи

пушъ, къ намъ флагманомъ назначенъ былъ Конпръ-Адмиралъ Кавалеръ Аспонъ, занимавшій въ Мадрасъ мѣсто Вице-Губернатора, и возвращавшійся тогда съ семействомъ своимъ въ Европу. Онъ избралъ нашъ корабль для пребыванія, и мы снялись съ якоря, едва онъ спустился на палубу. Я уже слышалъ о красотѣ старшей дочери Аспона, но никогда не забуду той минуты, въ которую ее увидѣлъ, въ полномъ блескѣ красоты и молодости. Какъ теперь гляжу на нее, одѣтую въ свѣтло-зеленое платье, съ перломуповою пряжкой на поясѣ, и въ широкой соломенной шляпкѣ; не умю выразить, что со мной спалось, когда я подалъ ей руку, чтобы помочь выйти изъ шлюпки, когда она поблагодарила меня взглядомъ, и покраснѣвши, опустила длинныя рѣсницы!.. Если спроси, которыя вспыхиваютъ, какъ порохъ, и горятъ до конца, какъ свѣча — такая-то спрассъ вспыхнула и во мнѣ, Алишеръ!

— По счастію или по несчастію, меня, какъ младшаго Лейтенанта, назначили къ Адмиралу флагъ-офицеромъ, т. е. въ должностъ, равносильную Адъютантской, которая пребывала,

чтобы я безоплучно находился при Адмиралѣ. Скоро я сдѣлался у него домашнимъ, еще скорѣе Мери ознакомилась со мною; уже она не краснѣла, встрѣчаясь со мною взорами — и не рѣдко я заспавалъ ихъ приспально усипремленными на меня. Бывало, она садилась диктоватьъ какую нибудь бумагу по службѣ, и я не дивился, опъ чего въ нихъ шакъ много пропусковъ и ошибокъ. Бывало, когда я сажу за рисованьемъ, она склонялась черезъ мое плечо посмопрѣшь на рисунокъ, и карандашъ препеналъ въ рукѣ, какъ въ груди препенало сердце. Какъ любилъ я спорить съ этою милою, остроумною Мери, и какъ часно забывалъ свой предметъ и доказательства, впѣраясь въ ея небесныя очи! Сколько разъ, безмолвенъ, въ упоеніи и въ забыши, сидѣлъ я за чайнымъ столикомъ, любуясь каждымъ движеніемъ Мери, и кромѣ ея, ничего не видя и не слыша. Вся вселенная впѣснилась для меня въ каюту Адмирала; въ Мери забывалъ я всю вселенную. Три мѣсяца воспорговъ пролѣшли какъ сонъ — и корабль нашъ бросилъ якорь у береговъ Бразиліи.

Желалъ бы забышь, и позабылъ тебѣ ска-

зашь, что Аспонъ имѣлъ жену, со всѣми недоспашками дурнаго воспитанія, со всѣми пороками злаго характера, со всѣми приходящими ничпожной гордоспи. Она управляла Адмираломъ, человекомъ умнымъ, но слабымъ, который предпочиталъ безпрекословно повиноваться волѣ жены, чѣмъ съ шумомъ исполнять свою. Однако же Леди Аспонъ умѣла даже и его вывести изъ перифііа. Разсори-лась съ нимъ въ Мадрасѣ, и за двѣ недѣли до его отъѣзда отправилась на Остѣ-Индскомъ кораблѣ къ роднымъ своимъ въ Англію. Вообрази же, каково было наше изумленіе, когда при выходѣ Адмирала на берегъ въ Ріо-Жанейро, она кинулась въ его объятія, какъ будто ничего не бывало. Такая нежданная и нежеланная встрѣча поразила и испугала Аспона, который былъ весьма радъ избавишься отъ любезной своей половины; но спеченіе народа было многочисленно, семейныя ссоры и театральныя сцены были бы не у мѣста. Аспонъ покорился необходимости, и, проклиная внутренно такой случай, — прижалъ жену къ груди своей.

»Мое счастье улепѣло съ пріѣздомъ Леди

Аспонъ на корабль. Эпа капризная жепщина видѣла все въ черномъ видѣ, и каждое движеніе дочери и каждый шагъ мой были перешолкованы и оцѣнены. Меня спали звашь къ Адмиралу рѣже и рѣже, и наконецъ совсѣмъ удалили опъ должносши. Все, чпо шерпѣло сперва мое самолюбіе опъ обхожденія Леди Аспонъ — было услаждено удовольспвіемъ видѣшь Мери; — но все эпо было ничпо прошивъ мученья споль сосѣдспвенной разлуки. Бышь шакъ близко подлѣ нея и не бышь съ нею, слышашь ея голосъ и не видѣшь ея лица, внимашь шумъ ея походки, и полько!..... О, Алисперь! эпо выше всякаго понятія. — Уныніе Мери двоило тоску мою.... и я шаялъ очевидно. Эшого мало: несчастіе преслѣдовало меня еще далѣе. Однажды мнѣ удалось погово-ришь съ Мери въ каютное окно съ галлерей каютъ-компаніи; — но я дорого заплащиль за эпо минущное удовольспвіе. Леди Аспонъ меня увидѣла:

» Чрезъ полчаса я былъ позванъ къ Адми-ралу. Леди Аспонъ съ пылающимъ лицомъ сидѣла на диванѣ, и слѣды ея гнѣва еще видны были на опрокинутомъ чайномъ столикѣ и

разбитыхъ чашкахъ; Мери плакала, самъ Адмиралъ ходилъ взадъ и впередъ по каюшѣ. »Вы съѣдете сію же минушу на корабль Im-
pregnable (Неодолимый), и заспупите шамъ
мѣспо заболѣвшаго Лейпенанца!« сказалъ онъ
мнѣ очень сурово: »я сожалью, что здѣсь за-
держалъ васъ; вошъ ордеръ Капитану Форре-
сперу Прощайте!« Леди кивнула мнѣ голо-
вою и бросила злобный взглядъ; но я не могъ
видѣть прелестнаго лица Мери, закрышаго
длинными ея локонами Не помню, какъ
вышелъ я на верхъ; не помню, какъ посадили
меня въ шлюбку; — знаю только, что огром-
нымъ валомъ опрокинуло насъ у самага борща,
и съ корабля едва успѣли спасти меня и пла-
вающихъ гребцовъ. Между тѣмъ буря свирѣ-
пѣла часъ опъ часу, и уже нельзя было ду-
мать спускать гребное судно. Я оспался.

»Мы были уже на паралели Бискайскаго
залива, когда ураганъ захватилъ насъ. Онъ
былъ жестокъ и продолжипелень; двухъ-днев-
ная ночь задернула небо; въперъ кружилъ и
никшо не зналъ, гдѣ мы находимся. Пазы
спали расхотпсья опъ качки; вода врыва-
лась въ корабль, какъ въ рѣшето; и люди на-

дали у помпъ опъ изнеможенія. — Вдругъ мы почувствовали ударъ — и руль вылетѣлъ вонъ какъ перо... »Кидай лопъ!« — »28 фупъ.« — »Плохо!« — »25 фупъ.« — »Еще хуже!« — »24 фупа« — »Ай, ай! ай! еще фупъ — мы на мели, но глубина вдругъ пошла на прибывль. Упѣшипельный голосъ запѣлъ: »35 фупъ!« — »Хорошо!« — »42 фупа.« Нельзя лучше! »50 фупъ.« Безподобно! »Дна нѣтъ, лопъ проносишь« Слава Богу, думали всѣ. Ушли опъ погибели. Но въ это же мгновеніе корабль всѣмъ днищемъ грянулъ на мель и волненіемъ его начало бить о подводныя скалы. Ужасное мгновеніе! мершвая пишина наспала по спонѣ и вопляхъ.... корабль тихо повалился на бокъ, валы какъ горы пошли черезъ палубу, и поднимая всю громаду — разрушили ее въ щепы, уносили въ море несчастныхъ. Только при блескѣ молній, разрывающихъ мракъ — обозначились черныя скалы недалекаго берега — и бѣлыми полосами мелькали, будпо привидѣнія, спаницы хищныхъ чаекъ, копорья со зловѣщимъ крикомъ вились надъ нами, радуясь своей добычѣ. Смерть была кругомъ: все гибло. — Опчаянный, вбѣжалъ

я въ Адмиральскую каюту: половина ея была уже въ водѣ. Сердце мое облилось кровью — ошъ шого, чшо я увидѣлъ при блѣдномъ свѣтѣ фонаря. Адмиралъ между женой и двумя полумертвыми дочерьми, хопѣлъ и не могъ скрыть ужасную истину! — Мысль о вѣчной разлукѣ оледенила слезы въ глазахъ его. Казалось, онъ оспоривалъ у жадной спихи ея жертвы; казалось, онъ хопѣлъ заслонить ихъ ошъ волнъ, врывающихся въ разбишыя окна. А Мери.... Я бы опдалъ тысячу жизней одна за другою, чшобы спасти Мери — но я позабылъ о себѣ и о смерти, когда она съ воплемъ испущенія кинулась ко мнѣ на грудь, и заклинала спасти ея сеспру, ея родителей. — Не знаю, какой Ангелъ сохранилъ меня ошъ безумства — видя неизбежную гибель шой, которая была для меня все.

»Разсвѣтъ озарилъ весь ужасъ нашего положенія: одна шолько корма оспавалась на поверхности — все прочее разнесено было волнами. Передъ нами въ полуверстѣ лежалъ пустой каменистый берегъ и высокіе всплески показывали, чшо онъ неприспуненъ. — Въ горизонтѣ не видно было ни одной мачты; шолько

море бушевало кругомъ бѣдныхъ оспашковъ
нашего корабля и ежеминутно грозило погло-
титъ насъ. Не знаю, можно ли вполнѣ уразу-
мѣть мученье подобнаго соспоянія, еще бо-
лѣе, когда видишь подлѣ себя любезную!....

.....

Я кончу въ коронкѣ, Алисперъ; мы рѣшились
связаць въ плотъ кой-какія доски и бревна,
привязаць къ нимъ женщинъ и пускаясь съ
волнами къ берегу, на Божію волю. Трое ма-
штровъ унесены были волнами, еще двое раз-
давлены списнувшими обломками, но оспаль-
ные, напущиваемые Провидѣніемъ, полуизби-
тые о камни, выброшены были на берегъ у
подношвы скалъ. Во все это время я находил-
ся подлѣ Мери, поддерживалъ ее на водѣ, уда-
лялъ бревна, могшія сдавить ее, и уже видѣлъ
ее внѣ опасности распротертую на песокъ,
какъ вдругъ огромный валъ далеко взбѣжалъ
на берегъ, покрылъ насъ, и унесъ безчувствен-
ную Мери опять въ море...

«Она упонула?» вскричалъ я.

— «Она спаслась, Алисперъ!»

«Одна любовь могла вдохнуть въ меня но-
выя силы. Я кинулся въ море, долго боролся

съ набѣгающими валами, и наконецъ доспигъ ее — и съ нею выплылъ до мелкаго мѣста. — Изнемогая, обвязалъ я около ея шѣла брошенную съ берега веревку — и опустился на дно. Горькая вода лилась въ меня; въ ушахъ звенѣло и журчало — меня душило, грудь разрывалась — еще усиліе, еще вздохъ — и больше не помню.

»Есть упѣшипельныя минушы въ жизни. — Я открылъ глаза, и что жъ? Мери, блѣдная какъ воскъ, склонясь, спояла надо мною. Влажные волосы прильнули къ шеѣ, капли морской воды капились еще по прелестному ея лицу. Вся душа ея была въ глазахъ, усмиренныхъ на меня со спрахомъ ожиданія. Рука ея лежала на моемъ сердцѣ, кошорое билось для одной ея, для ней только переспало бишься! Ахъ, зачѣмъ я не умеръ послѣ эшого небеснаго мгновенія!

»Мы находились на пуспомъ берегу острова Овезанда. Вся семья Адмирала спаслась. Еще двое офицеровъ и 8 человекъ мапировъ.... прочіе погибли. Скоро ушихла буря, и шлюпки, съ флоша послапныя, нашли насъ и перевезли на покойнѣйшій корабль Помощь лека-

рей и спаранія дружбы воспановили силы наши, и флотъ, безъ всякихъ приключеній, прибылъ въ Англію.

» Леди Аспонъ не могла не чувствовашъ важности услуги, мною оказанной. Обѣщанія, копорья вырвались у ней въ минушу погибели, и ласки, копорыми она осыпала меня за спасеніе Мери, были у ней еще въ свѣжей памяти: домъ Адмирала спалъ для меня опворентъ.

» Я взялъ опспавку и зажилъ въ Лондонѣ. Наспала зима, пришла пора баловъ, и я сказалъ: проспи! своему спокойствію. Свѣпъ былъ для меня не чужой: я бросилъ его по сердцу, и снова бросился въ него для сердца, вслѣдъ за Мери. Лордъ Грагамъ считался мнѣ съ родни, и пошому я могъ смѣло кидашъ свои карточки на каминны богачей и вельможъ, копорые жили опкрышо. Мери, предупрежденная молвою, показалаь къ нимъ въ сопровожденіи толпы модныхъ воздыхапелей, и всѣ наши Dandys заахали опъ удивленія, всѣ кинулись ее смопрѣпъ съ шакимъ же чувспвомъ, какъ смопряпъ они новую панораму или бѣлаго слона. — Но къ сожалѣнію увидѣлъ я, чшо леспъ и пышность кружили Мери голову.

Она уже скучала домашнею жизнью, и только воздухомъ госпипныхъ дышала веселіе. Гораздо чаще произносила она имена Графинь и Леди, чѣмъ имена другихъ своихъ пріятельницъ. Улыбка самодовольствія мелькала на ея щекахъ, когда Лорды и Баронешы танцовали съ нею; однимъ словомъ: я не узнавалъ въ этой гордой красавицѣ Мери, и она едва узнавала своихъ старыхъ знакомцевъ. Я такъ много любилъ ее, что не могъ не желать быть часто съ нею; но довольно гордъ, чтобы не ползая въ толпѣ окружавшихъ ее куколъ и добиваясь очереди. По этому я танцовалъ съ нею редко, и безпокойное мое воображеніе не дремало на досугѣ. Нерѣдко, правда, когда Мери сходилась со мною, видно было, что хотя тщеславіе шептало ей за Лордовъ и Эскваровъ, сердце говорило за Сира Рональда, и она незамѣпною ласкою награждала своего вѣрнаго рыцаря. Однако жъ самолюбіе мое оскорблялось тѣмъ не менѣе, что она не искала, хотя и не избѣгала случаевъ быть со мною. Сколько бессонныхъ ночей, сколько дней безоправданныхъ провелъ я опять этихъ баловъ: какъ много крови сожгли во мнѣ ревность и досада! Толь-

ко дома находилъ я въ вѣпреной Мери, прежнюю милую Мери, и сердце мое, охладѣвшее въ свѣтѣ, шаяло опѣ ея взора, и ревность упи-хала опѣ ея вниманія. Наконецъ благосклонность Мери оживила щекопливыя надежды мои, и спросѣ сравняла всѣ препяшпшвія. Я забылъ высокомеріе ея родспвенниковъ и не-удовольспвіе моихъ родныхъ. Леспная мысль обладапѣ Мери, совершенно овладѣла мною — и я спалѣ довольно явно оказывапѣ свои на-мѣренія. Да и почему бы не могъ я женипѣся на Мери? Предки мои предводили Кланами еще тогда, какъ предки многихъ изъ нынѣшнихъ Лордовъ пасли спада свои; имена Рональдовъ были чаще на успахѣ славы, чѣмъ имя Аспонъ, и соспояніе мое могло доспавипѣ жизнь не блестящую, но безбѣдную. Я не говорю уже о себѣ, потому что говорю въ смыслѣ приличій, хотя нигдѣ и ни въ чемъ я не бывалѣ послѣднимъ.

Замѣпивъ мои виды, Леди Аспонъ вспыхнула. Привязалась ни къ чему, велѣла дочери удалипѣся и обвиняками наговорила мнѣ множе-спво обиднаго. Для Мери я скрѣпилъ сердце, переломилъ свою гордость и молчалъ. Я еще

желалъ внутренно разувѣрить себя, извинить Леди Аспонъ, приписывая все угрюмости ея характера, а не умыслу. Дорого стоило мнѣ рѣшившись быть еще разъ у Аспона; однако жъ любовь перемогла, и я дня черезъ три явился къ обѣду.

» Упрямая Леди не вышла; Адмиралъ былъ холоденъ; я ожидалъ этого, и не удивился; но видъ Мери поразилъ меня: ея спокойное, цвѣтущее лице ни мало не измѣнилось при моемъ входѣ. Она обошлась со мною, будто съ едва знакомымъ. Односложныя слова были опрѣломъ на мои вопросы. Другъ Алисперъ! она коропко знала мой нравъ, знала, что малѣйшая бездѣлица можетъ распрощать меня надолго, что одно ея холодное слово могло оправить мое существованіе — знала — и ни одного взора, ни одного утѣшительнаго взора не склонила на того, кому за три дня послала съ ними и сердце. Это уже было черезъ чуръ для меня. Воля матери не могла заспать ее перзать меня, и холодность удваивать высокомеріемъ. — Есть конецъ всему.... и чувство собственнаго достоинства подкрѣпило мое слабое сердце. Я могъ быть презрѣнъ,

но презрипеленъ — никогда! Рональдъ не привыкъ играть роль Селадона на привязи — я гордо простился съ Мери; но могъ ли я хладнокровно перенести эту обиду моему самолюбію, эту измѣну въ прекраснѣйшемъ существѣ на земли, и съ тѣмъ — уничтоженіе лучшихъ надеждъ, сладчайшихъ мечпаній моихъ!... Другъ! другъ! я впервые плакалъ тогда кровавыми слезами обманушой любви и неудовлетвореннаго бѣшенства!

»Заря заспала меня на пуши къ Плиму, и черезъ 10 дней я спунилъ на Испанскій берегъ, какъ волонперъ Веллингтоновой арміи. Тамъ искалъ я разсвѣнія, и не находилъ его. Мое сердце замерло для красотъ природы, для веселоспей жизни, и шумъ бивака не заглушалъ шоски душевной. Образъ Мери не оспавлялъ меня въ дыму бипвы и на софахъ красавиць знойнаго климата. — Искренно признаюсь тебѣ, Алисперъ, что безнадежная спраспъ эта уптѣшала меня. Я любилъ воображать Мери невольнo меня оправдывающую, можетъ быть сожалѣющую Рональда. Я думалъ о ней, гоняясь за славой — мечпалъ, какъ дойдемъ до нея вѣспъ о моей опвагѣ, о

моемъ опличіи, — она со вздохомъ скажетъ: онъ могъ бытъ моимъ но къ чему воскрешать невозвратное! къ чему развѣвать пепелъ погасшей лавы!

»Пропекло два года, и моя психая грусть взволнована была вновь письмомъ отъ двоюродной сестры моей изъ Англіи. Она писала, что бываетъ часно у Аспона, что у нихъ многое переменилось. »Въ большомъ свѣтѣ на все мода,« изъяснялась она. Мери проблеснула свою череду — и мошылки выюшся теперь около новыхъ цвѣшковъ. — Да и безъ того въ молодежи нашей не было бы проку: одинъ золопой магнитъ привлекаетъ ее постоянно, а Мери недовольно богата для того круга, въ который бросила ее судьба. Воздушныя королевства Леди Аспонъ разсѣялись, и она видѣтъ теперь, что напрасно мѣшила на Перовъ, да Вицеровевъ; за то бѣдная Мери, со своимъ пылкимъ сердцемъ и въ немъ съ необходимостію любить, достойна участія, не только сожалѣнія. Завлеченная наружностію, обманушая выученными фразами, она думала найши Грандисоновъ въ большомъ свѣтѣ, и поздно узнала свою ошибку. Автомаши наши

не могли не только чувствоваться подобно ей, ни даже разумѣшь ея чувствованій. Забытая въ толпѣ, Мери, снѣдаемая самолюбіемъ и раскаяніемъ, блекнеть и худѣетъ, и мнѣ кажешся, милый Рональдъ, она еще любитъ тебя, любитъ болѣе, чѣмъ когда нибудь. Когда заводяшь о тебѣ разговоръ, она задумывается, вздыхаетъ украдкою, и нерѣдко слезы навертываются у ней на глазахъ. Адмиралъ скажетъ, что не съ кѣмъ спорить о полиптикѣ.... » Бывало Рональдъ, « — говоритъ онъ; даже Леди Аспонъ начинаетъ хвалить тебя. » Милый братецъ, прибавила кузина, отбрось гордость, которая дѣлаетъ тебя несчастливымъ, переспань бѣгашъ опять самого себя; пріѣзжай къ намъ, а прочее сладится само собою. Мери еще прекрасна и съ побой расцвѣтеть вновь, какъ роза. « Можешь себя вообразить, Алисперъ, что это письмо еще болѣе прежняго возбудило мой гнѣвъ. Нѣтъ! униженіемъ не купишь Рональда своего счастья, не станешь замѣнительнымъ мужемъ за недоспашкомъ лучшаго, не будешь le rival, какъ говорятъ Французы. — Я изорвалъ письмо, и оспался въ арміи.

»Славный день сраженія при Випшоріи былъ чернымъ днемъ для меня. Увлеченный излишнею запальчивостію въ преслѣдованіи непріятеля, я вскакалъ въ кирасирскій эскадронъ и, проспрѣленный пулею въ руку, былъ сброшенъ съ лошади и захваченъ въ плѣнъ. Въ Испаніи профеи были рѣдки для Французовъ, и меня немедленно опослали во Францію. Скоро, по размѣнѣ плѣнныхъ, я спалъ свободнымъ, и выздоравливающій поспѣлъ на родину. Какъ сладостно забилося сердце мое, когда съ приспани въ Кале завидѣлъ я шуманные берега Брипанніи. Время упишашъ гнѣвъ, разлука придаешъ цѣну свиданію, и я радостно воображалъ себя уже въ кругу друзей и родныхъ, и скажу ли.... мечпалъ о Мери, о счастій; сердце ее оправдывало и даже самый разумъ говорилъ: »кто не заблуждался?«.... Я колебался. Все бышь можешъ, думалъ я наконецъ, но къ чему разгадывать будущее? — !

Между тѣмъ, въ ожиданіи пакенбоша, мнѣ вздумалось побродить по городу. — »Вопшъ Англійская церковь,« сказалъ лонъ-лакей, указывая на одинъ домъ, и я зашелъ посмошрѣшь ее. Меня удивило, что двери были не запер-

шы, а въ церкви ни души. Только въ придѣ-
 лѣ, направо, споялъ на капафалкѣ гробъ. Я
 взошелъ на ступени, чшобы прочесъ над-
 писъ прибишпой на немъ гробовой доски, но
 верхняя ея часъ случайно была закрыта
 крепомъ, и я только могъ разобрать, что
 умершая была молодая пупешеспивенница, ко-
 торая искала на птвердой землѣ здоровья, и
 нашла гробъ, едва спупивъ на нее. Любопыш-
 спво заспавило меня поднятъ покрывало, но
 какой-то невольный препенъ охвашилъ меня,
 когда я спалъ опцѣплятъ покровъ опъ цвѣ-
 почнаго вѣнка, въ которъ онъ запушался.
 Я поднятъ его медленно, и умершая, блѣдная
 какъ смерть, но прелесная какъ жизнь, пред-
 спавилась глазамъ моимъ. Въ церкви было
 темно: я наклонился, чшобы разсмотрѣтъ ее
 поприспальнѣ, и вдругъ глаза мои оспанови-
 лись вмѣспѣ съ дыханіемъ: эшо была Мери
 Аспонъ! — Эшихъ чувспвъ, которъя соеди-
 няющъ въ одной минутѣ цѣлые вѣки адскихъ
 мученій, Алисперъ, не ощущающъ дважды. Не
 знаю, какъ вынесъ я и одно шо мгновеніе, ко-
 гда прижалъ губы свои къ мершвымъ, поси-
 нѣвшимъ ушамъ обожасмой Мери, и напечап-

лѣлъ на нихъ прощальный поцѣлуй, который запрещенъ былъ мнѣ при ея жизни. — Кровь во мнѣ застыла, разумъ помрачился — и я безъ чувствъ упалъ на холодный полъ.... Другъ Алисперъ! я едва не плачу теперь, но тогда я не могъ плакать».... Рональдъ завернулся въ полосатый плащъ свой, чтобы скрыть свои слезы.... но ему нечего было ихъ стыдиться — горячая слеза участия упала на сжаемую въ рукѣ моей руку несчастнаго. — Въперъ завывалъ, паруса шрепешали, и фрегатъ нашъ быстро кашилъ по темной влагѣ Океана.

[illegible]

ОТРЫВКИ ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ

О СИБИРИ.

OTTEBRIK II HRP V A B C K A B O R P

© C I B I B I I I

Dem Schnee; dem Regen,

Dem Wind entgegen,

Im Dampf der Klüfte,

Durch Nebeldüfte,

Immer zu, immer zu!

Ohne Rast und Ruh!

Но всюду, всюду,

Вблизи, вдали,

Не позабуду

Родной земли.

Edthe.

.... Куда не забрасываетъ судьба человѣка? куда не увлекаетъ жажда пріобрѣтенія? Богачъ пребудетъ зимой плодовъ лѣша и цвѣтовъ весны, — пребудетъ лѣшомъ и зимнихъ снѣговъ для мороженаго. Ему нуженъ полярный соболь на шубу и пропическія пряности для спола; онъ перемѣшиваетъ времена и смеживаетъ климаты — и купецъ спѣшитъ во всѣ края земли, чѣобы дославить ему наслажденіе, себѣ выгоду. — Прихоть и нужда, средства и удобства жизни подспрекаемы однимъ и тѣмъ же — желаніемъ лучшаго, желаніемъ счастія. Само Провидѣніе вложило въ насъ

эпопѣ будильникъ, для поддержанія всегдашней дѣятельности, и что болѣе торговли пишашъ ее взаимнымъ промѣномъ надобностей и необходимостей, выгодъ и работъ? Купцы, сами того не зная, благодарили человѣчества, и званіе ихъ спановишся шѣмъ почтеннѣе, чѣмъ просвѣщеннѣе ихъ виды, чѣмъ малоко-рыстнѣе обороты, чѣмъ полезнѣе обществу и опаснѣе для себя ихъ предпріятія.

Мы дивились, бывало, на какія опасности и лишенія осуждаешъ себя купецъ, пробѣгающій на верблюдѣ знойныя степи Африки или Аравіи, гошова възволновашся и поглосишъ дерзкаго въ океанѣ песковъ. Разбойники грозашъ и разореньемъ и рабствомъ, удушающіе въпры пышащъ на него смертнѣю... за попутешествіе его довольно быспро, и выгоды съ излишкомъ окунающъ въ страхи и убытки. Посмотрите же теперь на своего соотечественника, который изъ 40 процентовъ, ежегодно проѣзжаешъ дважды при тысячи верстѣ, отъ Якутска до Колымы и обратно, въ сорокоградусные морозы, по дремучимъ лѣсамъ и тундрамъ неизмѣримымъ, не видя человѣческаго лица, не преклоняя головы подѣ

кровь въ печеніе трехъ мѣсяцевъ; въ безпре-
 станной опасности быть земешену вьюгою
 на пупи, или спашь жертвою дикихъ звѣрей
 на ночлегъ, или, что хуже всего, потерявъ
 коней опъ недоспашка подснѣжнаго корма,
 погреспись заживо въ безбрежной пустынь!....
 Тихо, одинъ за другимъ, нога за ногу, планулся
 упомянутые кони подъ семипудовыми вьюка-
 ми. Тяжело спускающъ они по сугробамъ, на
 копорыхъ видны только слѣды звѣриные,
 только спруи вчерашней мятели. Спранники,
 закутавшись въ *дахи* (*) и шубы, въ огром-
 ныхъ шапкахъ шерстью вверхъ, называемыхъ
хабаками, и въ оленьихъ *унтахъ* (**) чупь не
 по поясъ, въ наличникахъ и ошейникахъ, не-
 подвижно сидящъ на высокихъ Якутскихъ
 сѣдлахъ. Всѣ безмолвны. Воздухъ мраченъ и
 густъ; караванъ идетъ сквозь осязаемые пу-
 маны — и они медленно, сонно, будто не хоша,
 задвигаютъ слѣдомъ прорванную и долго ви-
 димую въ воздухъ спезю. Разсвѣтъ чупь брез-

(*) Шуба изъ дикой козы или коня, шерстью
 вверхъ.

(**) Оленьи сапоги выше колѣна, шерстью на-
 ружу.

жешъ; вошъ кровавая полоса зари сквозишъ на краю горизонта, и густые пары приподнимаюшъ свою завѣсу, но все еще волнующа надъ головою. Солнце вспаешъ, какъ огненный шаръ наровишъ съ землею — и вдругъ тысячи радугъ играюшъ по снѣгу, по заледѣлымъ шравамъ болопнымъ и по сучьямъ куспарниковъ. Алмазные киспи и ниши и кружева зыблюшъ, блещушъ, роняюшъ искры.... блеспки порхаюшъ по воздуху — лучи всходяшъ и волнующа, какъ жапва. Тѣни деревъ опражены, увеличены шуманомъ, возникаюшъ изъ земли какъ великаны, приѣмлюшъ фанпаспическіе образы башень, колоколенъ, сполбовъ, цѣлыхъ замковъ (*). — Зрѣли-

(*) Подобныя опраженія (mirage) видѣли въ зимнее время Полковникъ Тодъ въ Средней Азіи, и Капитанъ Врангель во время опаснаго путешествія своего на собакахъ по льдинамъ Берингова пролива. Первому изображали они величественный городъ съ зубчатою стѣной, съ минерспами, съ башнями, чудесные замки, осѣпанные исполинскими деревьями. Второму казались скалами, берегами, опдаленнымъ лѣсомъ и тому подобнымъ. Надобно замѣшшъ, что это не водное опраженіе (mirage), представляющее ис-

ще великолѣпное, но эпо на мигъ. — Солнце запало, и съ нимъ исчезаешъ очарованіе; снова спелешся мертвое поле подъ саваномъ снѣга; снова чахлые кустарники спояшъ кругомъ, опягчены инеемъ. Не видашъ ни ппички, не слышно ни какого голоса — эпо чпо-по спрашиѣ могилы! Самая смершь связана съ мыслію о жизни — а здѣсь она не дышала.

Наконецъ, по примѣшамъ, уже близко мѣсто ночлега: караванъ оживаетъ. Погонщики ободряюшъ коней крикомъ: *баръ! баръ!* (пошелъ! пошелъ!) — Слава Богу, прѣхали! Обгорѣлые пни торчащъ изъ снѣга — эпо пепелище. Вершники слѣзаюшъ съ коней. Якушы развѣиваюшъ ихъ, другіе ищущъ паспбища, гдѣ имъ легче добывашъ копышомъ скудный мохъ тундры; шрешъи пащашъ валежнику. Поне-

пшиные предметы обрашно или высоко на воздухъ, и не вода спепей (сурабъ), какъ называюшъ Арабы и Персіяне оппическое море, убѣгающее опъ пупника, о которомъ упоминаюшъ Исаія и Квиншъ Курцій, но особый феноменъ, доселѣ неисполкованный физіологами. Индійцы называюшъ его *sie-kote*, зимнія палашы. Не знаю, имѣешъ ли онъ имя у Сибирскихъ дикарей.

многу, преща, разгорається огонекъ, и купцы
 ложащся кругомъ на полспяхъ, въ ожиданіи
 чаю и ужина. Одежда всѣхъ бѣлѣетъ морозною
 пылью; хвосты и наличники оледенѣли —
 ихъ снимають для просушки. Они дышають
 свободно — и дыханье, шипя, лепишь инеемъ;
 они говоряють — и движенія звуковъ видны
 въ воздухѣ. Много проходишь времени, покуда
 напашають снѣгу, пока опойдетъ оледенѣлый
 хлѣбъ и сварится пища; но и тогда надобно
 ѣсть ее, не снимая кошла съ угольевъ и ру-
 кавицъ съ руки. За то, ложась спать, необхо-
 димо раздѣваться до рубашки, чѣобы про-
 сушишь передъ огнемъ шубы, проникнушыя
 испареніями: можете вообразить, какъ прія-
 тень подобный шуалетъ на вѣтрѣ и морозѣ!
 Нерѣдко ночью подымается буранъ и зано-
 ситъ снѣжными сугробами коней и пупни-
 ковъ. Случается оспаваться въ такомъ поло-
 женіи дня по два, и попомъ сполько же для
 поправки опощалыхъ коней. Упромъ снова
 пускающся въ пущь при блескѣ сѣвернаго
 сіянія, кошорое, то разсыпается по небу
 снопами ракетъ, то восходитъ радугами, то
 спойитъ свѣшлыми сполбами. Такъ упомише-

лень и единообразень весь переѣздъ. Одна
скука, одно болѣзненное ощущеніе доказывающъ
человѣку, что онъ еще живъ; умъ и сердце
въ онѣмѣніи.

Такимъ образомъ привезши свои повары
въ спраны полярныя, купцы распродаютъ
ихъ въ Зашиверскъ, въ Средне и Нижне-Ко-
лымскихъ, чиновникамъ, жишелямъ, соспо-
ящимъ изъ Козаковъ, Якушамъ, забывшимъ
языкъ свой, Корякамъ, Юкагирамъ и наконецъ
Чукчамъ, на ярмаркѣ, бывающей въ Маршѣ,
или въ началѣ Апрѣля. Опъ ихъ-по на кош-
лы, грубыя сукна, кипайки и бездѣлки ще-
пильныя, вымѣниваются лучшія огневки
и чернобурья лисицы, черныя соболы и пес-
цы — мѣха, кошорыми красуюшся Парижскія
щеголихи въ палапинахъ, Петербургскіе fa-
shionables въ воропникахъ, Московскія купчи-
хи въ салопахъ, и солнце вселенной въ шубѣ,
ш. е. Падишахъ Персидскій. Чукчи, народъ
воинспвенный и заносчивый, хошя и прини-
мающъ опъ Русскаго Правительспва подарки
шаршинамъ, но не признающъ надъ собой
никакого владычеспва. Въ послѣдніе годы ихъ
спало менѣе спекашся на ярмарку, и у мно-

гихъ видны были ружья и не Русскаго издѣлія. (*) Должно полагать, что Американскіе кишоловы спали снабжая ихъ этими вещами. Чукчи, какъ и всѣ дикари, спраспные охотники до водки, и хопя промѣнъ ея спрого воспрещенъ — но украдкой чего не дѣлается? за спаканъ водки, въ шакомъ случаѣ, достають чернобурую лисицу; за вшорой Чукочь голловъ опдашь вшрое, но спрахъ хлопощъ удерживаетъ корысполубіе, и мѣна обыкновенно кончипся миролюбиво. Разобравъ мѣха по сорокамъ, зашивъ ихъ въ сумы, и скупивъ мамоншову косшь, купцы вьючатъ коней и спѣшатъ миновать шундры, покуда не распахетъ черепъ подъ мхами, чпобы поспѣшь къ заключенію ярмарки въ Якушскъ, куда и прибывають въ Іюль, къ женамъ, роднымъ и знакомымъ. (**)

(*) Русскимъ запрещено продавать оружіе Чукчамъ.

(**) Мамоншовой косши вывозишся ежегодно не менѣе 2000 пудъ, и пудъ въ Якушскъ продается около 25 руб. Замѣчательно, что клыки сихъ огромныхъ сосцепишающихъ, большею частію, находяшся вертикально и нерѣдко порчатъ надъ поверхностью

Я довелъ васъ до Колымы, друзья мои, —
 надобно же тамъ оглядѣться. Наружность
 сихъ, такъ называемыхъ городковъ, весьма не-
 привлекательна: нѣсколько десятковъ домовъ,
 разбросанныхъ по плоскому берегу, у копо-
 рыхъ нѣтъ ни дворовъ, ни пристроевъ, по-
 тому, что нѣтъ ни жилищныхъ, ни хозяй-
 ства; небольшая деревянная церковь, такой
 же магазинъ для хлѣба, соли, да тамъ и сямъ

земли, что даетъ поводъ думать, что цѣлые костью-
 ки мамонта погребены шунъ въ природномъ положе-
 нии. Трудно рѣшить, принесены ли они отъ Юга во-
 доворотомъ попопа (cataclysm), исчезнувшего въ Ле-
 довомъ морѣ, или спада ихъ захвачены были въ
 Сѣверной Сибири, что можно подозрѣвать по длин-
 ной ихъ шерсти. Вообще Гг. Физиологи на эту часть
 мало обращали вниманія. Должно изслѣдовать, въ ка-
 кой глубинѣ и породѣ лежатъ они, смѣшаны или осо-
 бо, переломаны или нѣтъ, и главное, изъ чего состо-
 итъ сама шундра. Мнѣ кажется они произведеніе по-
 попа — и въ такомъ случаѣ мнѣніе, что мамонты
 паслись на ней, рушится само собою. Меня увѣряли,
 что находясь ихъ кости въ берегахъ Алдана, Вилюя,
 Май и очень глубоко. Не имѣвъ случая повѣрить сіи
 рассказы, не могу и опредѣлить, къ какой эпохѣ
 принадлежатъ пласты, въ которыхъ вырываютъ сіи

юршы — вопъ и все. Прибавыше къ этому распянутые невода для просушки, жерди съ вяленою рыбою, кое-гдѣ челоуѣка, и вездѣ мно- жество собакъ, и вы имѣете полную карши- ну. Но и въ эшомъ забышомъ опъ свѣта углу, живушъ люди; и въ нихъ шевелящяся желанія, даже спраспи. Чѣмъ рѣже шамъ за- ѣзжіе — шѣмъ они пріятнѣе, и вопъ почему Колымцы слывушъ госпепріимствомъ, шакъ какъ дѣвушки ихъ красошою и привѣпливо- стію. Сонъ, или лучше сказашь, спячка въ краю, въ кошоромъ вся зима естъ ночь — необходимо долженъ занимашь большую часшь времени. Для экономіи обыкновенно спяшъ днемъ, пошому чшо ночью свѣпшшъ сѣверное сіянія. Покинувъ мягкія перины и пуписпыя

кости. Близъ Колымы, кромѣ слошовыхъ породъ, на- ходяшъ кости многихъ другихъ позвоночныхъ животи- ныхъ (*vertebrés*). Между прочими Носороговы рога (*Rhinoceros*), кошорыхъ жишели произвели въ кошпи какой-шо исполинской шицы, опуспошившей будшо бы край ихъ. Желая избавишья опъ чудовища, ка- кой-шо хищрецъ набилъ на вершину сосны желѣзо въ видѣ копья, и шица пронзила себя, сядясь на не- го: нелъпая выдумка корыстолобивыхъ продавцевъ!

одѣяла, собираются около самовара, этого, можно сказать, идола Сибиряковъ, и попивая въ прикуску чай, начинаютъ опять бездѣлья злословишь ближнихъ и дальнихъ. Во время пребыванія Якутскихъ купцовъ, въ Колымѣ не жизнь, масляница. Какъ ни дороги шамъ хмѣльные напишки, но попойки идутъ за пирушками, и вошь почему наживаются рѣдкіе, не смотря на чрезвычайно выгодныя мѣны. Посидѣлки, пѣсни и кашанья занимаютъ оспальное время, и при эшихъ-то прогулкахъ на собакахъ, случается цѣлому поѣзду веселой компаніи, съ женами и сеспрами, невольно попасъ на шравлю бѣлаго медвѣдя. Собаки, завидя звѣря, копорый съ голоду ходишь промышляшь близъ селеній квашеной рыбы въ ямахъ, кидаются за нимъ, ободренные множесшвомъ, и не внимая голосу хозяевъ, доспигаютъ, окружаютъ и начинаютъ шрепашъ его: можетъе представишь спрахъ и крикъ и сумашоку гуляющихъ! почти всегда, однако жъ, охоша кончипся счасшливо, пошому что собаки опушываютъ его санною упряжью, какъ съшью, растягиваютъ по снѣгу, и мужчинамъ оспаенся только приколотъ его копьецами, употребляе-

мыми для упора на валкиихъ ременныхъ саночкахъ. Собравъ кое - какъ расперянныхъ или измятыхъ сѣдоковъ, поѣздъ возвращается домой, опять за самоваръ, за табакъ, за водку — при вещи, — къ коимъ спраситъ восходишь шамъ до невѣроятной степени. Колымецъ, не имѣя хлѣба за споломъ и упошребляя даже съ чаемъ вяленую рыбу юколу, вмѣсто сухарей, разоряется, чѣмъ напишья водкою, хотя она шамъ еще дороже муки (*). Колымская жипельница гопова опдашь послѣднюю *парку* (**), за *закладку чайку* и въ *прикусочку сахарку*. Табакерка или шрубка не выходяшь изъ рукъ Сѣверныхъ Сибиряковъ; впрочемъ первая по несчастію въ упошребленіи у Русскихъ мужчинъ и женщинъ; послѣдняя наибо-

(*) Пудъ ржаной муки стоишь шамъ 18 руб., шпофъ фрукшовой водки 25.

(**) *Парка*, оленья шуба, сшитая рубашкою. Ошяки дѣлають ее двойною, шерстью вверхъ и шерстью внизъ, съ капицономъ и рукавицами вмѣстѣ. Якушы и Камчадалы шерстью внизъ и всегда одинакую. Мездру дымятъ ольховою коркою, для предохраненія отъ сырости. Подоль опорачивають соболями или шипою шелкомъ полосою.

лѣе между дикарями. Но не вѣчно лежишь зима на тундрахъ полярныхъ. Какъ пролетная птица, является лѣшю, и шѣмъ краше оно, чѣмъ короче. Природа, обидѣвъ сей край хлѣбными и огородными распеніями и всѣми рабочими и домашними живошными (*), обильно вознаградила въ лѣшнюю пору спадами залешныхъ птицъ, копорыхъ во время линянья жишели загоняюшъ въ сѣши тысячами, и собираюшъ множесиво ихъ яицъ. Рѣки наполняюшся вкусными рыбами, въ невѣрояшномъ количесивѣ, и наконецъ дикіе олени снабжаюшъ даровымъ мясомъ своимъ на круглый годъ. Кспаши я раскажу, какъ буюшъ ихъ.

Сибирь изобилуетъ разными родами оленей. Тамъ еспъ и насшоящіе наши олени (seerf, stag,) и сохатые, копорыхъ Англичане зовушъ elk, Американцы moose-deer, и коихъ рога пакъ дорого цѣняшся Кипайцами, и наконецъ собственно Сибирскіе олени, Rennes, и эшихъ

(*) Во всѣхъ мѣсхахъ, гдѣ употребляюшся для зимней ѣзды собаки, скоша не разводяшъ не по невозможности, но изъ опасенія собакъ, копорыя разгрызаюшъ лошадей и коровъ въ куски. Въ Охотскѣ рѣдкошъ даже кошка.

ренней шамъ всего болѣе. Тѣ изъ нихъ, копорые живутъ въ споронахъ горисныхъ, зимой пасутся по долинамъ, а въ лѣпнѣй жаръ убѣгають опѣ комаровъ и оводовъ въ снѣжныя голыцы (*). Тѣ, напрошивъ, копорые живутъ въ лѣсахъ, ищутъ прохлады далѣе къ сѣверу, и спремятся на шундры, равно для покоя и мягкаго моха, любимой пищи своей. Зная время перекочевки оленей, всѣ жипели Колымскіе и окрестныхъ улусовъ собираются въ береспяныхъ лодочкахъ, называемыхъ *вѣт-ками*, къ шому мѣсшу Колымы, гдѣ олени обыкновенно переплываютъ и, слѣдуя одной и той же пропинкѣ, припаясь въ правѣ, прилегши въ лодкахъ, ждутъ охотники добычи. На зарѣ слышится шопопъ безчисленнаго спада.... Вотъ ближе и ближе, передовой олень-водакъ одинъ сбѣгаетъ къ рѣкѣ, робко озирается, слушаетъ, фыркаетъ, вдыхаетъ въперъ — все шихо и неподвижно. Не замѣчая опасности, онъ возвращается къ спаду: это знакъ переправы. Весело прыгаютъ въ воду олени, забросивъ рога на спину и гордо плывутъ къ другому берегу. Когда уже пы-

(*) Обнаженные или всегда снѣжныя верхи горъ.

сячи двѣ въ рѣкѣ, ловцы съ ужаснымъ крикомъ устремляюся въ средину, между шѣмъ какъ засада сзади препящивуешъ осшальнымъ ворошишся и спугиваешъ всѣхъ въ воду. Тупъ начинаешся побоище: вѣпки быспро охващываюшъ спадо, опрѣзываюшъ его опъ береговъ, и заспавляюшъ обрапишся прошивъ печенія. Самые удалцы врываюпся между оленей и колюшъ ихъ, на право и на лѣво, небольшими копейцами, близъ задняго окорока — въ печень или въ легкія. Заколошые олени уносяпся бысприною, и нижнія вѣпки плавяшъ ихъ къ берегу: раненые выходятъ на песокъ, и падаюшъ опъ изнеможенія. Надобно знашъ, что первые дѣляпся поравну на всѣхъ; послѣдніе принадлежатъ шому, кто нанесъ ударъ, и, сообразуясь съ эшимъ обычаемъ, еспъ шакіе искусники размѣришъ силу удара, что всякой олень дойдешъ у нихъ до берега, но никакъ не уйдешъ вдаль.

Между шѣмъ печеніе сносишъ всю группу ниже и ниже, но бой продолжается съ радоспными восклицаніями и невсегда безопасно: иной олень, видя бѣду неминучую, ложипся на бокъ и шакъ сильно брыкаешъ задними но-

гами въ вѣтку, что она опрокидывается. Другіе ловцы выверпываются сами опъ излишней запальчивости, и наконецъ побоище кончилось опъ успалости, и возобновляется только осенью, на возвращѣ. Оленій мозгъ и языкъ считающся въ Колымѣ самымъ лакомымъ кушаньемъ и самымъ почешнымъ угощеньемъ.

Я описалъ вамъ скучный ходъ каравана къ сѣверу; взглянемъ мимоходомъ на многочисленныя караваны къ востоку, въ Охотскій портъ—это прогулка съ сравненіи съ первымъ. Казенный провіантъ и снаряды для Охотска, Гижиги, Камчатки, вещи и продовольствіе Американской Компаніи, отправляемыя опчаси и на Ситху, наконецъ купческіе шовары и мука, масло, водка, все это вмѣстѣ пребуешъ болѣе 20,000 лошадей, и отправляется почти въ одно время. Выюки вывозятся на быкахъ на хребтѣ Алдана, еще по снѣжнымъ *пластамъ* (*), и потомъ, когда покажется права, кладутся на коней. Горы оглашаются

(*) Остающіеся между пропалинь слои снѣга весною.

погда кликами и пѣснями погонщиковъ; караваны пѣянуся одни за другими. Тамъ поднимаюся на обнаженный граничный хребетъ, тамъ переправляюся вбродъ черезъ быструю рѣчку, тамъ выюся по зеленѣющей долинь. Природа оживаетъ, лѣсъ опускается, цвѣты невѣдомые распускаюся подъ ногою; дикая пустыня находить обитателей, и безмолвные утесы голосъ. Прикащики разсѣваюся по склонамъ за охотою, и выпрыгиваютъ, перешпориваясь, гулять въ отдаленіи. Дорога безпрестанно разнообразится: по выѣзде по голому камню, по помысному зыбуну, по вѣчнонешающему леднику въ ущелинь, и рѣчки по свирѣпыя, по кропкія, смотря по погодѣ и часамъ дня, преграждають нерѣдко путь надолго, но за то плѣняють слухъ и манятъ уста невольно. Вода въ нихъ чистая какъ хрусталь, вкусная какъ рейнвейнъ, здоровая какъ живой ключъ; пьешь и хочешся! Прелестныя виды открываются на каждомъ шагу, и каждая скала имѣетъ свою легенду, каждая *падь* (*) свое преда-

(*) Тѣснина, ущеліе между двухъ горъ.

ніе (*). Въ эпомъ краю водипся невѣроятное множесиво медвѣдей, и въ ясный день съ верху иной горы видны цѣлыя ихъ спада, смиренно роющія кореня любимыхъ ими распеней. Они очень крошки и рѣдко нападаютъ на людей, даже для обороны; за то вьючнымъ лошадамъ опъ нихъ порядочно доспаепся и рѣдкую ночь не щечапъ они того или другаго каравана. Къ этому надобно прибавипъ, что они опличные воры и, спрасно любя водку,

(*) Въ числѣ ихъ самое замѣчательное о кораблѣ, лежащемъ будпо-бы на горѣ Аллахъ-Юна, на берегу находящагося шамъ довольно большаго озера. Разказы о немъ смущили многихъ путешественниковъ, положившихся на слова Якушовъ, которые хвастающъ изъ невѣжесива, и иныхъ купцовъ, повсюряющихъ вздоры изъ лѣни, повѣрипъ дѣло своими глазами. Смѣю увѣрипъ, что никакого корабля шамъ не было и быпъ не могло. Поводъ къ эшой сказкѣ подалъ плопъ, сколоченный изъ сосенъ съ кокорами, и шеперь полупогрязшій въ пинѣ: онъ, вѣроятно, служилъ бѣглымъ для ловли рыбы въ озерѣ, а быпъ можетъ, и безопаснымъ убѣжищемъ на ночь. Состояніе дерева не показываепъ древности и едва обрубленные кокоры вовсе не походяпъ на шпангаушы, т. е. ребра корабельныя.

очень искусно паскаютъ флаги, въ которыхъ
 возятъ ее. (*) Напившись допьяна, мохнатый
 Князь лѣсовъ покидаетъ обычную угрюмость
 свою, и давай кружиться, валяться, прыгать,
 будто показываешь эквилибристскія штуки.
 Въ заключеніе спектакля, онъ обыкновенно
 кидаетъ деревянную флягу вверхъ, и ударомъ
 лапы разбиваетъ ее въ дребезги. Проказы его
 съ украденною мукою еще забавнѣе: онъ ша-
 щитъ сумы, набитыя ею, къ первому ручью,
 и не могши ѣсть сухую, разрываетъ кожу и
 начинаетъ сыпать въ воду, желая, вѣроятно,
 покушать саламаны; но злая бысприна уно-
 ситъ его спряпанье, и мишенька теряетъ
 терпѣнье: развѣваетъ осшалки по воздуху, и
 опъ этого-то, разумѣется, выходитъ самъ
 напудренъ, какъ эмигрантъ.

Въ прежнія времена падежи губили тыся-
 чами коней на Охошской дорогѣ, и многіе ка-
 раваны гнили до зимы подъ открытымъ не-
 бомъ, не имѣя возможности дальнѣйшей пе-
 ревозки. — Вотъ уже десять лѣтъ, какъ ихъ

(*) Подобные плоскіе боченки весьма полезно бы
 ввести въ употребленіе для вьючной перевозки на
 Кавказъ, вмѣсто пахучихъ бурдюковъ (outres).

и слыхомъ не слыхашь — и не диво: ранняя вывозка на полозьяхъ до Алдана сохраняетъ коней въ силѣ, слѣдственно и въ здоровьѣ, попому что всѣ повальныя болѣзни дѣйствуютъ всегда на изнуренныхъ. Въ прежнія времена бури и непогоды спорожили пушниковъ на горахъ; — теперь, напрошивъ, всѣ соглашались, что все льпо тамъ споймъ прекраснѣйшая погода — и это естественное: близлежащіе лѣса, задерживавшіе испаренія болотъ и привлекавшіе облака, теперь опъ частыхъ пожаровъ разрѣдли и атмосфера очистилась. Мочная рука человека не только обезоруживаетъ громовыя тучи, вырывая изъ нихъ молнію, какъ изъ змѣи жало — но гонитъ ихъ вовсе съ небосклона, шворишь около себя новую природу, и развиваетъ новыя климаты, какъ палатку.

Что сказать вамъ объ ѣздѣ на собакахъ? Вы сами видѣли шому живой примѣръ на Петербургскомъ бѣгу (*). Для перевозки повозъ употребляютъ ихъ между Зашиверскомъ,

(*) Упряжка сія привезена была, вмѣстѣ съ Камчадаломъ, капишаномъ 2 ранга Голенищевымъ, нынѣшнимъ начальникомъ Камчатки.

Средне - и Нижне-Колымскими, около Гижиги, Камчатки, и порой между Алданомъ и Охотскомъ, также въ Нарымскомъ, Березовскомъ округахъ, и во всѣхъ кочевьяхъ Вогуличей, Самоѣдовъ, Коряковъ, Чукчей и Камчадаловъ. Двѣнадцать собакъ везуть обыкновенно сорокъ пудъ клади; впрочемъ наспоющее ихъ употребленіе для переѣзда. Между Тобольскомъ и Березовымъ, равно какъ между Якутскомъ и Охотскомъ, многія спанціи отправляютъ гоньбу на собакахъ, и исправно. На добрыхъ собакахъ можно уѣхать около 200 верстъ въ сушки, и кормя ихъ говядиной, а не рыбой, дѣлають упряжки верстъ по 70-ти. Ѣзда эта подвержена многимъ опасностямъ и неудобствамъ: чрезвычайно трудно сохранить всегда равновѣсіе, и нерѣдко собаки, вываливъ сѣдока, убѣгаютъ однѣ впередъ, и бѣдняга осматривается пѣшкомъ въ пустынь. Каждая вспорхнувшая въ споронѣ пшичка, каждый мелькнувшій вдали звѣрокъ увлекаетъ ихъ за собою. Въ Охотскѣ рѣдкую зиму не пропадаетъ какой нибудь человекъ, возвращаясь домой изъ госшей, въ туманную ночь. Заблудясь, собаки завозятъ его въ полынью взморья, или

роняющъ съ берега рѣки. Припомъ, когда падаешъ рыхлый снѣгъ, для нихъ надобно прошапывающъ дорожку. Въ случаѣ гололедицы и большихъ морозовъ, на нихъ надѣвающъ сапожки и набрюшники.

Извѣстный Физіологъ Араго, подводя всю природу подъ Академическую мѣрку, открылъ намъ тайнство, что снѣгъ не проводникъ теплоты — истина, въ которой не сомнѣвался еще ни одинъ Русскій крестьянинъ (*). »И вотъ почему, восклицаетъ онъ, хранительная природа ниспосылаетъ наиболѣе снѣга, въ страны наиболѣе холодныя — иначе морозъ погубилъ бы все прозябаніе.« Великолѣпное пословице!..... всему есть границы. Утвердительно скажу, что въ Бессарабіи снѣга бывающъ нерѣдко глубже, нежели въ Сѣверной Россіи, а въ Сѣверной Россіи всегда глубже, чѣмъ въ Сибири, и вообще обильность ихъ зависящъ отъ измѣнчивости погоды, вовсе не

(*) Спросите у него, для чего онъ горюетъ въ безснѣжную зиму — онъ скажетъ, что »морозъ побѣдитъ сѣмена: снѣгъ бы держалъ тепло.« Для сохранения себя отъ морозной вьюги, онъ зарывается въ снѣгъ.

опъ силы мороза. Опъ этого спраны, при-
лежащія къ морю и большимъ озерамъ, спра-
ны, пересѣченныя высокими горами, снѣжныѣ
степныхъ. Опъ этого же самага, Якушская
обласъ, фокусъ холода, рѣдко покрывается
снѣгомъ выше полуаршина, и скопъ всю зи-
му ходипъ на *отавъ* (*). Конечно въпромъ
навѣваетъ глубокіе сугробы, но сугробы не
должны служишь мѣрою. Да и опъ чего, поз-
вольте спросишь, могутъ бышь въ чрезвы-
чайно холодной споронѣ большіе снѣга, когда
они падаюпъ только осенью, образуясь изъ
паровъ замерзающихъ водъ? Въ послѣдствіе
имъ не изъ чего и нѣтъ возможности обра-
зоваться. *Не изъ чего*, пошому чпо поспоян-
ство атмосферы исключаетъ въпры, кошо-
рые могли бы надупъ испаренія спранъ шеп-
лѣйшихъ, а собспвенныя уже низвержены мо-
розомъ къ землѣ; *не лѣзя*, пошому, чпо термо-
метръ не возвышается далѣе 33° во всю зи-
му, слѣдспвенно разрѣженный воздухъ не въ
соспояніи допусшипъ шуманъ до высоты
снѣжнаго образованія. Впрочемъ Природа оче-

(*) Подснѣжный кормъ, слово, употребительное
и въ Россіи.

видно противорѣчитъ этому, производя въ Якутской Области огромные кедры, ели и сосны, и не лишивъ ее способности произрастать яровую рожь и пшеницу, даже огородные овощи. Но не только на мерзлой землѣ — на самыхъ льдинахъ можетъ развиться произрастание, какъ-то видѣлъ Капитанъ Парри въ послѣднемъ путешествіи къ полюсу. Слѣдовенно не морозъ, который погружаетъ въ спячку многихъ животныхъ и всѣ произрастания Сибири, не испреблѣя ихъ, но только недоспапокъ тепла и свѣта препятствуетъ полному развитію расписельной природы на шундрахъ полярныхъ; а снѣгъ, вообще, можетъ предохранить отъ внѣшняго холода только сѣмена озимыхъ злаковъ, и то до извѣстной степени (*). Не досадуйте, друзья мои,

(*) Мы кажется равномѣрно, что важность, которую почтенный Гумбольдъ приписываетъ изслѣдованію средней температуры для приурочиванія (acclimater) деревъ среднихъ поясовъ къ холодному, ни къ чему не поведетъ насъ на практикѣ. Повсюду: средняя температура въ круглый годъ въ Якутскѣ $5\frac{1}{2}$ гр. холода на день; но тамъ растутъ большія деревья и пшеница. На шундрахъ холодъ менѣе —

на эту метеорологическую выходку — и одно зерно на чешкахъ познанія природы не излишекъ. Припомъ же мнѣ больно видѣть, что многіе Русскіе, и даже Сибиряки, повсюду набожно ошибки чужеспанныхъ профессоровъ, пошому только, что онѣ иноспанные. Вы убѣдились, впрочемъ, замѣтя, что у Лопарей, Ошяковъ, и по низовьямъ Лены, т. е. въ спанахъ наиболѣе холодныхъ, употребляютъ, по малоснѣжью, оленей въ санную упряжку; напрошивъ, по приморьямъ Охотска и Камчатки, ошъ глубокихъ снѣговъ, ѣздящъ на нихъ только верхомъ. Обращимся на Юговоспокъ Сибири въ Удской край, куда возящъ

но большаго расшенія пѣть. Дѣло другое средняя температура одного лѣта: она можетъ показатъ степень возможности прозябенія, но и къ оному надобно прибавитъ замѣчанія, при какихъ градусахъ мороза поражается спволъ дерева, — не повреждаютъ ли его въ цвѣту лѣтніе упренники, и т. под. Вообще я думаю, что дубъ можетъ рассти во всей южной Сибири, ибо зима не вредитъ ему, а лѣто, равное лѣту Казанской Губерніи, достаточно для полного развитія.

купцы товары свои на хребтахъ оленей въ
лѣпную и зимнюю пору.

Почти вся правая сторона Лены, до гра-
ницъ Дауріи и Охотскаго моря, составляешъ
кочевье Тунгусовъ и Ламушовъ, мирныхъ звѣ-
роловцевъ Восточной Сибири, и за ними по
слѣдишь неутомимый купецъ въ неизмѣри-
мой пустынѣ, чѣобы доспатъ въ первыя
руки добычу ихъ промысловъ. По невѣрнымъ
разсказамъ и догадкамъ, бродишь, блуждаешъ
онъ, наудачу наспигая дикарей въ тундрахъ
и лѣсахъ, по копорымъ опъ вѣка не пролега-
ла дорога, не обращалось колесо, и конское
копыто не оспаляло слѣда своего. Случай
наводишь его на двѣ или на три убогія юр-
ты — и онъ радъ иноплеменникамъ, какъ
одноземцамъ; они принимаютъ его, какъ бра-
та: взаимные подарки и угощенія предше-
спвуютъ мѣнѣ. Тунгусъ бѣденъ, но честенъ
и гостепріименъ. Живучи день до вечера одною
ловлею, онъ нерѣдко поспишся дни по три,
ничего не убивъ, но гоповъ раздѣлишь по-
слѣдній кусокъ съ пупникомъ. Для него са-
мая мягкая полсть, для него густыя олени
сливки, для него опборныя ягоды обль-

пихи (*). Распрося о кочеваньѣ другихъ, купецъ покидаешъ гостепріимный кровъ *урусъ* (**), и снова на крошкихъ оленяхъ пускаешся въ Океанъ пустыни. Какое важное безмолвіе въ ней царствуетъ! пѣнь лѣсовъ ея безпробудна! Кажешся, и вѣтеръ не пролепалъ по нимъ ни одинъ листъ не дрожитъ на осинѣ; береза шлѣпъ на корнѣ, или пихо, пихо клонится на другую. Черная бѣлка, сидя на вѣшкѣ, любопытно глядитъ на человѣка — и снова принимается грызть кору; испуганный соболь мелькаешъ вдали и быспроскачешъ съ дерева на дерево; одинокая цапля съ жалобнымъ крикомъ взлепашешъ съ болоша, опбросивъ назадъ длинныя ноги мошки выюшся сполбомъ надъ кровоцвѣтными *ржавцами* (***) и только. Нигдѣ нѣтъ слѣду путешествія или знака работы, нигдѣ голоса человѣческаго. Лишь изрѣдка пупникъ ми-

(*) Сибирская ягода, плотно на снѣблѣ распу-
щая.

(**) Лѣшняя, изъ бересты конскими волосами
сшитая, юрша.

(***) Неглубокія болоша, окрашенныя окисломъ
жельза, красноватою краскою.

нуешь поросшій мохомъ испуканъ на холмѣ — и онъ споймъ одинокъ, словно духъ запусшья, или памятникъ вѣковъ и народовъ, давно исчезнувшихъ (*). Случается, взоръ его пораженъ когпшшымъ слѣдомъ звѣря — онъ сходивъ съ лошади на землю, вглядывается и препенещетъ — это слѣдъ барса!

Барса? говорише вы съ ироническою усмѣшкою сомнѣнія. Да, Мм. Гг., барса, и еще самага большаго рода. Заблудясь ли, они заходящъ лѣшомъ изъ Средней Азіи, добыча ли заманиваетъ ихъ въ Сибирь во время вездѣ жаркое, или испуганные облавою Кишайскаго Им-

(*) Кромѣ сихъ болвановъ, Тунгусы рассказываютъ, что въ Удскомъ краю, на одной высокой горѣ, есть корабль, вросшій въ землю. Одному изъ знакомыхъ мнѣ чиновниковъ случилось ѣхать мимо этой горы, и проводникъ увѣрялъ его въ истинѣ слуховъ; но подъемъ былъ крутъ, время къ вечеру, и онъ не заѣхалъ. Мнѣ кажется, что это есть не что иное, какъ искаженное преданіе о ковчегѣ, общее всѣмъ Азіяицамъ. Тунгусы хотя и не Кавказскаго происхожденія, но спашься можетъ, въ древнія времена спалкивались съ Кавказскими племенами, или получили намекъ о томъ по передачѣ.

перашора забѣгають шуда — только рѣдкій годъ, чшобы въ Якутской Обласпи не убили одного или двухъ, и не видали многихъ. Его алчность и безспрашье, его сила и быспроша ужасають охотниковъ, и рѣдая шкура барса не покупается шамъ кровью. Вотъ чшо случилось въ 1827 году.

Двѣ семьи, одна Якутская, другая Тунгусская, кочевали вмѣстѣ, не очень далеко отъ Якутска. Хозяева оныхъ, оба охотники, были старинными друзьями. Въ одно утро, жена перваго съ ужасомъ вбѣжала въ юрту, и отъ нея насилу могли довѣдаться, чшо она испугалась какого-то невѣдомаго звѣря. Ловцы, схвативъ свои виншювки, выбѣжали на поляну — но и они оробѣли въ свою очередь: на два выспрѣла отъ юрты лежалъ барсъ. Боясь раздѣлиться на охотѣ, они оспались дома. Прошелъ день, прошла ночь — но барсъ не удалялся. Онъ съ жадностью ждалъ добычи, и съ каждымъ часомъ дерзость его возрасшала отъ голода. Крики, бросанье головнями, бряканье въ кошель — все было напрасно: онъ вснавалъ, прыгалъ, рыскалъ и снова ложился на шаконъ же разспояннй. Еще миновали супки —

и ловцы пришли въ опчаяніе; плачъ и спонъ семей жаждущихъ, голодныхъ, успрашенныхъ, пробудили въ нихъ опвагу. Все равно было, умирашь съ голоду или опъ когшей звѣря — и Якушъ рѣшился начать сраженіе. Двойнымъ зарядомъ зарядилъ онъ широкоствольное ружье, копорое по счастію у него случилось — и смѣло пошелъ къ осаждающему ихъ непріятелю. Барсъ, изумясь, глядѣлъ, какъ шопъ приближался, весело зачалъ бишь хвостомъ, разинулъ кровавую пасть, и спалъ облизываться, какъ будшо предчувствуя добычу. Но когда Якушъ припалъ на колѣно, чшобъ ловче ударить, онъ вздулъ шерсть, свился змѣемъ и прыгнулъ какъ молнія — выспрылъ вспрышилъ его на лешу — но въ одно мгновеніе рука несчастнаго спрылка была размождена въ зубахъ освирѣпѣлаго звѣря. Въ эту минушю Тунгусъ кинулся на него съ пальмою (*), и нанесъ три раны, — барсъ обрашилъ злобу на новаго нападашеля и словавъ раповище, уже рвалъ его когшями къ счастію, Якушъ справился, выхвашилъ ospальной рукой ножъ и вонзилъ въ бокъ

(*) Ножъ, привязанный на раповищѣ — родъ копья.

врага . . . барсъ, испекая кровью, покинулъ добычу, опошелъ далѣе и упалъ; но израненные и обезсилѣвшіе охотники не могли его преслѣдовать. Ввечеру онъ издохъ . . . Я видѣлъ его шкуру, купленную Начальникомъ Области — она была необыкновенно велика (*). Безспраш- ный Якушъ умеръ чрезъ два дни; Тунгусъ долго спрадалъ опъ раны.

(*) Я гошовъ, не смотря на расположеніе пещенъ, назваъ его шигромъ, ибо это не *pardalis* древнихъ (*Felis pardus* Линнея) и не *guépard*, Кюве (*Felis jubata*), однимъ словомъ не то, что Французы называющъ *panthère*, судя по роспу и силѣ его. Впрочемъ вспарину барсъ, кажешся, не былъ чуждъ довольно холоднаго климата, и вѣроятно предки наши знали его не по одной наслышкѣ. Вспомнимъ, что въ пѣсни о полку Игоревомъ не однажды упоминаешся. »Пардуже гнѣздо.« Въ горахъ Кавказскихъ не рѣдко убивающъ шигровъ, и Горцы увѣряющъ, что тамъ водятся и львы (*Aslan*), и вообще кажешся, болѣе народонаселенность, чѣмъ климатъ, изгнала сихъ звѣрей изъ Европы и украинъ Азіи. Помпей, при открытіи своего театра, *показалъ* 600 львовъ и 410 барсовъ. При открытіи Маркелова, *убито* 268 львовъ и 310 барсовъ. Траянъ, послѣ побѣды надъ Парѣами, далъ игры, на коихъ умерщвлено 1100 рѣдкихъ звѣрей. Фи-

Нерѣдко, опоздавъ на сборное мѣсто дикарей, купецъ, не получа никакихъ свѣдѣній, теряешъ вовсе расчетъ, блуждаешъ, самъ не зная гдѣ, самъ не зная куда. Проходяшъ недѣли, мѣсяцы, запасъ испощаешся, олени слабѣюшъ — а ни слѣду, ни жилья: все глухо и пусто. Съѣдаюшъ порожняго оленя; опиливашъ рога у прочихъ на пищу, варяшъ ремни и сумы — нѣшъ, какъ нѣшъ спасенія....

»Завтра!« говоришъ надежда, но завтра — свѣшаешъ и меркнешъ — голодная смершь близишся со всѣми ужасами. Мнѣ случилось видѣшъ избѣгшихъ подобной гибели: они приходили на выходцевъ съ того свѣша. Впрочемъ, эша учасшь поспигаешъ не однихъ путешественниковъ: вошъ, чшо рассказывалъ мнѣ одинъ купецъ, нерѣдко ѣздившій въ Удской край:

»Мнѣ хопѣлось повидашся, говорилъ онъ, со стариннымъ моимъ знакомцемъ, Тунгусскимъ охотникомъ. Я зналъ мѣсто его жилища съ нѣкошорою радостью видѣшъ въ этомъ, чшо кровожадная спрашь Римлянъ къ звѣринымъ, правлямъ испребила хищныхъ звѣрей — ко благу человѣчешва.

мовья, пошому, чпо онъ былъ *безоленный* (*), и прямо выѣхалъ къ его юртѣ. Собаки не лаюшъ — вѣрно, думаю, на охотѣ. Приближаюсь, нѣшъ дыму, эшо чшо бы значило? Вхожу — у меня замерло сердце! Жена его оледенѣла надъ груднымъ младенцемъ, копорый лежалъ у ней на колѣняхъ, и умеръ, не находя молока въ истощенной груди. Старшая дочь лежала ногами на погасшемъ очагѣ, желая конечно погрѣшься на угольяхъ, копорыхъ не могла раздуть опъ слабоспи. Мальчикъ, лѣшъ 12, заоченѣлъ, грызя ремень обуви. Судорожная шоска видна была на всѣхъ лицахъ и во всѣхъ членахъ, особенно въ подняшыхъ къ небу глазахъ машери. Должно думать, ужасное эшо происшествіе случилось мѣсяца два назадъ, пошому, чпо вѣшпромъ навѣяло въ прубу много инея, и мершвецы сверкали имъ. Хозяинъ, я полагаю, погибъ, опъ мянели на ловлѣ, а семья дома опъ голода — и шѣмъ вѣрояшнѣе, чпо мы нашли подлѣ очага сы-

(*) Неимѣющій оленей, по бѣдности, сидячій. Такъ шочно ешъ и бездыжные Самоѣды, неупошребляющіе лыжъ.

рые лоскушья шкуры съ собаки, копорая безъ сомнѣнія одна воропилась назадъ, и была съѣдена, за недоспапкомъ иной пищи.»

Такъ-по опасна жизнь Сибирскаго охопника — но онъ любипъ ее. Перенесите его въ прекрасный климатъ, въ пышный городъ — онъ задохнелся въ вашихъ палапахъ; онъ будепъ посковапъ по снѣжной своей родинѣ, по спарому раздолью и волѣ; ему поспынелъ жизнь безъ надежды и спраха, и скоро прѣспся жирный кусокъ, некупленный опасностію. Въ самомъ дѣлѣ, когда подумаемъ, что мы сами, охопясь для разсѣянія, съ паки-мъ волненіемъ цѣлимъ по куропапкѣ, съ такою радоспью кидаемся, когда она падаетъ, по поймемъ, какую цѣну имѣетъ охопъ въ глазахъ того, у копораго жизнь всего семейспва зависипъ опъ удачнаго выспрѣла, у кого, говоря словами Шиллера, весь міръ заключенъ въ спволѣ ружья, кпо каждый разъ, какъ Вильгельмъ Тель, цѣлипъ въ роковое яблоко! Для него это не проспо выспрѣлъ — это подвигъ, это его испорія!

Въ краю, опрѣзанномъ опъ Европы хребтомъ Рифея, гдѣ всѣ рѣки, ш. е. ходячія до-

роги, — текутъ съ юга на сѣверъ, само собою разумѣется, что перевозка *гужомъ* должна и будетъ всегда занимать первое мѣсто. Пускай однако же Гг. поклонники водяныхъ сообщеній не пугаются этого. Во-первыхъ зима, замыкая рѣки льдами, въ теченіе семи мѣсяцевъ — уменьшаетъ ихъ важность для торговли; а во-вторыхъ, она спелетъ во всей Россіи чудеснѣйшій мостъ, по рѣкамъ, по болопамъ непроходимымъ, и прекраснѣйшее шоссе, которое для Государства имѣетъ неоцѣненную выгоду: оно ни чего не стоитъ. Припомъ надо вспомнить, что Киргизскія степи снабжаютъ Сибирь множествомъ крѣпкихъ лошадей, а избытокъ земли можетъ питать ихъ овсомъ и сѣномъ очень задешево. Впрочемъ самое дѣло доказываетъ эту истину лучше словъ. Если бы доставка въ Сибирь колесомъ иноземныхъ товаровъ, а въ Россію Китайскихъ, была дорога, то въ Якутскѣ не плавили бы лишь 150 коп. за фунтъ рафинаду, а въ Москвѣ 7 рублей за хорошій чай. Быспроша, съ которою ходятъ вдоль Сибири обозы, едва имовѣрна: въ сунки они пробѣгаютъ 120 верстъ на однихъ лошадяхъ, — а

нанимая по деревнямъ смѣнныхъ, ходъ ихъ еще поспѣшнѣе — и это имѣетъ большое вліяніе на дешевизну, потому, что чѣмъ скорѣе обращается капиталъ, тѣмъ выгоднѣе купцу уступить на товаръ, для выручки денегъ на новыхъ оборотахъ. У распорочнаго Иркутскаго купца, онъ въ два года обрашися пять разъ. Въ одинъ и тотъ же годъ онъ успѣетъ побывать у Макарія, въ Ирбисѣ, на Кяхтѣ и въ Якутскѣ. Безконечные обозы плывущія по дорогѣ въ извѣстное время шуда, въ другое опшуда, влекомые пассажнымъ вѣтромъ торговли. Я не могъ надивиться неутомимости коней и извозчиковъ. Они не опдыхающъ, такъ какъ наши, по 4 и болѣе часовъ: полшора, много два — вопъ ихъ привалъ. Сдѣлавъ упряжку, обозъ останавливается въ деревнѣ, просто на улицѣ или среди двора, потому, что Русскихъ крытыхъ дворовъ тамъ нѣтъ. Сей часъ горячимъ конямъ засыпающъ овса, и варящъ себѣ кашу. Чуть поѣли — коней на водопой, и въ оглобли. Извозики садятся шущъ на возы, и съ часъ дремлющъ, между тѣмъ какъ лошади, покачиваясь будто сонныя, шагомъ идущъ по до-

рогъ. Прикащики нѣжались на перинахъ въ огромныхъ кибиткахъ, вѣдушихъ сзади; но скоро кликъ: пошелъ! пробуждаешъ всѣхъ, и обозъ пускаешся рысцой на всю упряжку.

Въ Декабрѣ, если Байкаль не покрылся еще льдомъ, многіе обозы отправляются кругомъ его чрезъ крушыя горы, чрезъ обнаженные гольцы, встрѣчаяшъ ихъ бури и мятели. Подъемъ на заоблачный хребешъ Хамаръ-Дабана особенно труденъ и опасенъ. Выюги заносяшъ сугробами снѣга дорогу, пробивую зигзагомъ, такъ, что не видно и надолбовъ — и тогда одинъ порывъ вѣтра, одинъ невѣрный шагъ свергаетъ возъ и коня въ пропасть, гдѣ они разбивающся въ дребезги.

Переправа чрезъ Байкаль, по льду, бываешъ поже не безъ опасности. Иногда бурей взламываешъ на немъ огромныя полыньи; въ такомъ случаѣ обозъ опсѣкаетъ большую льдину, на которой стоишъ, и на ней, какъ на плосу, переѣзжаетъ на другой берегъ, обращая въ способъ самое препятствіе.

Случаешся весной, что осенальные обозы, вѣдущіе изъ Кяхты послѣ Бѣлаго мѣсяца, т. е. времени ярмарки съ Кипайцами, захвапшы-

вающся водополюемъ на морѣ; тогда иные гибнутъ, иныхъ прибываетъ къ берегу послѣ долгаго плаванія, на рыхлой льдинѣ, висятъ между жизнью и смертію. Лѣтній перевозъ черезъ Байкаль совершается посредствомъ карбасовъ, довольно неуклюжихъ купеческихъ судовъ. Для коронныхъ надобностей есть галіюны. Желательно, чтобы Правительство устроило тамъ пароходъ, для примѣра купечеству и вѣрнѣйшаго сообщенія почтъ. На счетъ перевозки гужемъ, я забылъ сказать, что безпущная зима въ полдороги, или ранняя весна — заставляетъ иногда мѣнять шельги на сани, или сани на шельги; но извозчики рѣдко терпятъ отъ того накладъ, продавая крестьянамъ скапы, или чаще всего отдавая ихъ на сохраненіе.

Сама природа указала Сибири средство существованія и ключи промышленности. Схороня въ горахъ ея множество металловъ и цѣнныхъ камней, давъ ей обиліе водъ и лѣсовъ, но между тѣмъ заградивъ ее отъ Европы, она явно даетъ знать, что Сибирь должна быть страной фабрикъ и заводовъ. Когда мы будемъ дальнѣе разсуждать о торговлѣ

шамошной, я вамъ разскажу, гдѣ и почему должны бытъ учреждены какіе заводы, чѣобы обратишь въ меньшій и многоцѣннѣйшій объемъ сырыя произведенія; а теперь удовольствуюсь замѣчаніемъ, что дешевизна въ устройствѣ двигающихъ силъ и ручныхъ работъ завѣряетъ успѣхъ, а возраждающіяся нужды дикарей и самихъ Сибиряковъ — сбытъ издѣлій. Не надобно упускать изъ виду и Бухаріи: рано или поздно, и чрезъ нее проляжетъ намъ дорога въ Индію; и тогда спыдно будетъ Сибири забавляться только транзитомъ. Но возвратимся къ Природѣ. Она, одаривъ южный край Сибири необычайнымъ плодородіемъ, и обраша всѣ попоки въ Ледовитый Океанъ, кажется, говоритъ: »Пишай Сѣверъ, лишенный хлѣбныхъ прозябеній.« И въ самомъ дѣлѣ, множество судовъ разнаго вида и рода спѣшатъ за первыми льдами внизъ по Иртышу и Оби, по Енисею и Ангарту, нагруженные мукою, чѣобы промѣнивать ее на мѣха у разныхъ народовъ, по низовьямъ рѣкъ сихъ живущихъ. Возьмемъ въ примѣръ сплавъ по Ленѣ, какъ самый значительный. Товары уже привезены гужомъ на Качугъ.

скую приспань, и ожидающъ разлива. Верховье Лены вздувается тающими снѣгами въ горахъ Саянскихъ; воды распущъ, ломающъ ледъ — рѣка проходишъ. Половодье подымаешъ поспроенные въ Верхоленскъ павозки, родъ Волховскихъ полубарокъ, и чешвероугольные плоскодоны, называемые шамъ барками. Въ первые грузяшъ повары, во вторые муку, скупленную въ окрестности и по успьямъ Илги и Купы: ее насыпающъ прямо на помосъ, а кровля защищаетъ отъ дождя. Течение несешъ ихъ внизъ, и приспавая къ берегу, они производяшъ на немъ съ дикарями мгновенную ярмарку. Въ городкахъ Киренгъ, Вишимъ, Олекмъ спояшъ по недѣлѣ — или какъ удастся, и наконецъ приплывающъ къ первому числу Юля въ Якутскъ, средопочіе мѣховой торговли, гдѣ ярмарка продолжается цѣлый мѣсяцъ, и уже не на судахъ, а въ каменномъ госпиномъ дворѣ. Тамъ распродаютъ, промѣниваютъ и отдающъ въ долгъ всѣ повары и хлѣба. Суда идущъ въ ломку, а сами купцы возвращающъ въ Иркутскъ на почтовыхъ лодкахъ, отправляя кладъ съ мѣхами и костью въ особыхъ судахъ, кошорыя подни-

маются бичевою возвращающимися домой барочниками. Такова сущность дѣла, но взглядъ на карпины попушныя: Ленскіе виды ненаглядны.

Сначала сердитая рѣка, пропекая между багровыхъ скалъ, громоздитъ льдины на льдины. Какъ пловучіе острова, быспро несущся онѣ по теченію и сокрушаясь, звучащъ подобно гармоникѣ. Въ колѣнахъ, касаясь берега, онѣ шочащъ, подрывающъ его — и вы нерѣдко видите кремнистыя глыбы на хребтѣ голубыхъ, прозрачныхъ льдинъ. Упираясь въ шѣсныхъ берегахъ, онѣ образующъ природную площадку; наспигающій ледъ лѣзетъ выше и выше, нижній осѣдаетъ до дна: рѣка вздувается, бушуетъ — и вдругъ прорывается хлябь водопадами, у коихъ каждый валъ — ледяная громада. Такъ капая въ море льды свои Сибирскія рѣки, измѣняя ложе, срывая и пересыпая острова. Но скоро очищаясь онѣ отъ льду и *плавуна* (*), и тогда молчаніе прерывается только крикомъ гусей, лепящихъ въ небесѣхъ; только подмышная сосна, па-

(*) Или плавникъ — лѣсъ, наносимый горными ручьями въ рѣку.

дая съ крупизны, на мигъ ломаетъ зеркало водное, на мигъ пробуждаетъ эхо. Быстро, но не замѣтно влечетъ васъ теченіе въ вороша горъ, отражаясь опъ одной до другой *щеки* (*) упесовъ. Вершины ихъ обросли кедрами и елями, березы вьются по разсѣлинамъ, и затопленный шальникъ купаетъ въ спруяхъ кудри. — Незъяснимою прохладою вѣетъ воздухъ, и рѣдкія поляны блестятъ пышною зеленью и разноцвѣтною *сараною* (**). Какъ диво, вспрѣчаете вы человѣка въ этомъ царствѣ запусшійся. Это или Тунгусъ, припавъ на пловучемъ пнѣ, съ напянутымъ лукомъ подкрадывается къ дикой упкѣ, или Якутъ машетъ двуперымъ весломъ въ легкой вѣпочкѣ, спѣша вынуть изъ морды сперлядь — или вверху бѣжитъ всадникъ на цѣпкомъ конѣ по висящей на упесѣ пропинкѣ — такъ чпо спрашно взглянуть на него.

Но кто опишетъ ужасную красоту лѣсныхъ пожаровъ, споль обыкновенныхъ въ

(*) Такъ называются въ Сибири опшвсныя скалы рѣчныя.

(**) *Lys bulbeux*, родъ царскихъ кудрей, весьма красивый цвѣшокъ.

Сибири! Далеко встрѣчаютъ пупника, плывущаго по рѣкѣ, облака дыма, — наконецъ видны и волны пламени, разливающагося по горѣ — иной ушесъ кажется дракономъ съ огненною гривой. Съ прескомъ пожигаетъ пламя валежникъ, сухой лѣсъ и опушку. Высокіе кедръ и сосны обгораютъ только до половины... Огонь ползетъ, вѣсится по нимъ, какъ змѣя — яркое зарево играетъ надъ головою, рѣка по двоитъ картину, опраза ее въ лонѣ своемъ — по оная заспилается клубьями дыма, и пупникъ всплываетъ подъ сводъ его, будто въ мрачное жерло ада.

Чѣмъ ближе къ Якутску, тѣмъ рѣка шире, берега круче, виды живониснѣе. Въ безшумную ночь, когда воды гладки, какъ зеркало и небо чисто, какъ вода, порой мнуетъ скалы, копорымъ причудливая игра Природы дала образованіе длинныхъ колоннадъ, минаретовъ, колоколенъ. Вдругъ видишь разсѣлину, какъ будто разсѣченной горы, и полная рѣка, въ безмолвіи сливаясь съ Леною, омываетъ ступы какого-то дивнаго замка и великанскихъ башенъ его, увѣнчанныхъ зубцами, поросшихъ мохомъ и уплыми деревьями. Тамъ

необъятной величины голова, будто смоприп-
 ся въ пучинѣ; тамъ сверкаетъ ключъ въ глу-
 бинѣ таинственной пещеры. Какая-то свя-
 тая пишина лежитъ на двѣхъ пивенномъ шво-
 реніи и душа сливается съ дикою, но вели-
 чественною Природою. И вотъ уже минута
 часовая ночь: денница загарается на воспокъ,
 чухъ увала заря на западъ.... въперокъ хо-
 лодѣетъ... тамъ на далекомъ мѣу, спруип-
 ся синій дымокъ; тамъ, въ чистой Русской
 избѣ, найдемъ мы пріюпъ, и мягкій хлѣбъ, и
 душистые сливки.

Но вотъ мы близко къ Якутску: коло-
 кольни церквей его и башни деревяннаго зам-
 ка уже видны, и разлиная верспъ на 15 Лена,
 подобно огромному проливу, капишся между
 запопленныхъ острововъ, замѣпныхъ только
 вершинами палника. Народъ полпишся на
 набережной, сгружающъ повозки, выкапы-
 вающъ бревна, работающъ и гуляющъ — все
 въ движеніи. Выспрѣлы, возвѣщающіе прибы-
 тіе судовъ, пѣсни плывущихъ барочниковъ и
 говоръ около кашеварныхъ огней, отражен-
 ныхъ водою — оживляющъ зрѣлище. Здѣсь
 конецъ плаванію Иркутскаго купца; но мы

можемъ спуститься пониже, какъ путешественники.

Только до Алдана и недалеко за него, берега гористы и величавы — чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ они плоче, плоче, и наконецъ, за Жиганскомъ, переходящъ въ тундру. Лѣсъ рѣже и мельче, мохъ (lichen) замѣняетъ траву, рѣка течетъ почти по болоту. Самое взморье наводитъ шоску на сердце: миллионы баклановъ, гусей, журавлей, всякихъ птицъ водныхъ, гуляютъ по *зыбунамъ* (*), плаваютъ по заводямъ, перелезаютъ съ озера на озеро, плещутся, играютъ. Спотъ спотъ отъ ихъ крика на поморѣ — и это единственный голосъ жизни. Берегъ и море и небо сливаются въ единообразную, туманную черту. Взору не на чемъ отдохнуть въ пустомъ отдаленіи — ни одинъ цвѣшокъ не машетъ руки — все грустно, все дико. Самое солнце, блѣдное, безлучное солнце, незакашимо ходитъ по небу, какъ пруженикъ. Весь этотъ край есть переходъ организма къ безчувственности, — это *колыто природы*, какъ выразился одинъ знакомый мнѣ Докторъ.

(*) Трясина, пловучій мохъ, зыблющійся надъ болотомъ.

можем счастливо пожить, как и прежде.

Счастливы.

Только до Адама и Евы, а не до нас.

Роды торжественны и величавы — там, где

свободы, там они ищут, плещут, и несут.

За жительство, пережитое в нуду. Ада

рты и мела, моха (лишь) замаренны

и, рьяны нежны поны по боюны. Само

всюду изводит наску на сердце: миллионы

блуждают, тусов, журавлей, невидя

водили, тупили по зевкам (?), плавали

по заводу, переключаясь с озер на озеро,

изливаясь, изливая. Снова стонут они на

вранья на морях — и это единственное то-

лока жизни. Берега и море и небо славятся

в единородную, туманную реку. Вору

не найдет отдохнувших в нудном онлаге

ни — ни оных нежных по маньях рыв —

все рывено, все дико. Само собою, бланное,

белухное собою, незаметно ходит по небу,

как и прежде. Без зноит вран если не-

рочет отпавшая ка безувеселенности —

это коварно вранья, как вранья одна

жизнь и вранья.

(?) Третья, новая моха, зловещая на

белом.

ШАХЪ ГУССЕЙНЪ (*).

Праздникъ Мусульманъ Шагидовъ, въ Дербентъ.

(*) Въ скоромъ Тапарскомъ произношеніи, слова эши звучашъ Шах-сейнъ, а Русскіе — большіе мастера ломашъ на свой ладъ всѣ иносстранныя выраженія — сдѣлали изъ нихъ Чуксей, что вмѣстѣ съ часпо повсюряемымъ припѣвомъ Вай-сейнъ, (увы, Гусейнъ) обратился у нихъ въ Чуксей, Ваксей. Праздникъ эшопъ, равно какъ Байрамъ, переходитъ въ разные времена опъ луннаго Персидскаго года. Нынѣ онъ былъ въ концѣ Іюня.

222

Вы знаете, или вы не знаете, что Магометанство дѣлился на два раскола: на секпу Абубекера и Омара: Сунни, и секпу Али: Шаги (*). Турки большею частью Сунниды, Персіяне Шагиды, и признашья сказахъ, два эши народа ненавидяшъ другъ друга за различіе исповѣданій такъ усердно, что эшо сдѣлало бы честь самому изувѣрному Каполику во время войнъ за религію. Шагиды особенно опличающся неперпимоспю: ни за что не спанушъ они ѣспъ вмѣспъ съ Хриспіаниномъ, и хошя бы шопъ умирахъ съ жажды, не подадушъ ему чашки воды, боясь осквернишъ сосудъ: эшо наспоющіе спаровѣры. — Тапары, жишели Дербенпа, принадлежахъ къ любезной секпѣ Шаги, и я имѣхъ случай видѣшъ праздникъ ихъ въ честь Гуссейна, вну-

(*) Сунни значихъ *последователь*; Сунниды признаюшъ только 4-хъ Халифовъ. Шаги, переводяшъ *кровный*. Шагиды считаюшъ 12 Халифовъ. —

ка Магомедова: это родъ религіозной траге-
 діи, но.... но вы, можете быть, готовишесь
 чинить очень длинную и чинную диссерпа-
 цію, въ которой Авторъ, безъ зазрѣнія совѣ-
 сти, выкрадываетъ красивую ложь изъ всѣхъ
 писателей о Востокѣ — ошибаетесь, друзья
 мои; я вамъ напередъ сказываю, что нерѣдко
 забывая, какъ зовутъ моихъ пешушекъ, шѣмъ
 менѣе помню семейныя ссоры Халифовъ. По-
 этамъ же, путешественникамъ и Оріентали-
 стамъ, не во гнѣвъ почтенному J.J.S—i,
 имѣю полное право не вѣрить шеперь ни въ
 запяшой: они лгутъ о прелестяхъ Азіи какъ
 эпитафія, и взводятъ небылицы на Фердуси
 и Гафиза. Припомъ со мной нѣтъ ни одной
 исторической книги о Турціи, а въ Дербен-
 нѣ, кромѣ Исторіи Мирамонда, другой не во-
 дится. Мнѣ оставалась, слѣдственно, одна до-
 рога: рассказы Тапаръ; но и тутъ тысяча и
 одно разногласіе! Муллы и Мирзы, и книж-
 ки и Фарисеи здѣшніе препорядочные невѣж-
 ды, и Арабскій языкъ, на которомъ писано
 сказаніе о Шахъ-Гуссейнѣ, для нихъ едва ли
 не книга семи печатей! Одинъ только Мирза
 Молла-Ханъ-Магоммедъ рассказалъ мнѣ, съ грѣ-

хомъ пополамъ, содержаніе, представленія. Впрочемъ, если вы не найдете моего рассказа въ Исторіи — это не моя вина: тамъ нѣтъ и крылатога лошака (Бурракъ), на копоромъ Магомедъ вознесся на небо, между тѣмъ, какъ всякой Мусульманинъ опишетъ вамъ всѣ примѣны священнаго чепвероногаго, какъ будто онъ самъ водилъ его на водопой.

Али, двоюродный братъ и зять Магомеда, былъ свергнутъ Абубекеромъ и Омаромъ съ Халифства. За ними наследовалъ власъ Османъ; онъ поперялъ жизнь въ мятежъ, копорому, кажется, Али не былъ чуждъ. Мовья, владѣтель города Шамъ (вы найдете его на картѣ и ночью, попому что Шамъ значишь: свѣча), съ сыномъ своимъ, Изидомъ, берущся мстить кровью за кровь. Изидъ, по смерти отца, пріемлетъ шило Халифа, сражается съ Алиемъ; но еще споръ не рѣшенъ. Али умираетъ. Сынъ его, Гассанъ, по кознямъ Изиды, оправленъ женою; оспается другой сынъ, Гуссейнъ; и Халифъ по мечу, пребуетъ опъ прешенден-та по праву, покорности. Гуссейнъ ищетъ умножить своихъ послѣдователей; городъ Куфа объявляетъ себя на споронъ его, — онъ

посылаесть шуда двоюроднаго брата Муссе-
 лима, чшобы увѣришься въ ихъ преданности—
 и опвѣсть самый благопріятный. Гуссейнъ
 спѣшишь соединишься съ ними, но за 80
 верстъ не доходя, войско Изидово, подъ на-
 чальствомъ Омаръ - Сапа, встрѣчаесть, раз-
 биваесть и разсѣваесть дружины Гуссейна;
 самъ онъ убишь съ двумя сыновьями. Кажет-
 ся, коропко! изъ эшого однако жъ вышянуша
 десятидневная Трагедія. Не знаю, какое Евро-
 пейское терпѣніе выдержало бы такую пыш-
 ку, — но Ташары восхищаюпся до слезъ —
 и справедливо! Они, по крайней мѣрѣ, изба-
 вляюпся эшимъ опъ скуки на цѣлый годъ,
 между тѣмъ какъ васъ ежедневно мучають вол-
 шебныя оперы и зѣващельныя трагедіи, ди-
 логіи и прилогіи, прологи и водевили, и вся
 бенефисная челядь, съ безконечными своими
 афишками.

Недѣли за полпоры до наспоящаго пред-
 ставленія, — ребяпишки зажигають мангалы(*)

(*) Мангалъ собственно значить жаровня. До-
 машніе мангалы глиняные и служають здѣсь вмѣсто
 печей, зимою. Эти печи, сквозныя желѣзныя на пал-
 къ, наполняюпся тряпками, облипыми нефтью.

и съ крикомъ: Али! Али! пляшущъ около огня всякую ночь часовъ отъ 9 до 11. Между тѣмъ начинаютъ убирать мечети знаменами, и галлерей мечетей зеркалами, зеркальцами, пѣканями и золопомъ шипыми занавѣсками, собираемыми на это время съ домовъ. Тапарскій вкусъ — чудо въ полномъ значеніи слова, и отъ того пестрѣя галлерей эти страхъ походящъ на вепишныя наши лавочки. Въ главной мечети между прочимъ висѣла была картина, лубочной живописи, на которой изображенъ Руспамъ, баснословный строитель Дербента, поражающій кинжаломъ дьявола (шайтанъ). Надобно прибавить, что Мусульманскій бѣсъ въ полной формѣ: съ хвостомъ, съ когтями и съ клыками. На палицѣ 4 ступудовыхъ жерновныхъ камня, и на рогахъ виситъ колоколъ. Не отъ того ли Мусульмане такъ не любящъ колоколовъ? Руспамъ однако жъ укротилъ его и заставилъ воздвигать городъ: — и такъ Дербентъ есть образчикъ адской архитектурѣ! Я давно это подозрѣвалъ, глядя на грязную груду камней.

Наконецъ начинается предсавленіе. Увер-

пюру обыкновенно соспавляють мальчишки, кошорые съ свѣчами и криками кружашся на всѣхъ площадяхъ близъ мечетей. Гуссейнъ, человекъ прекрасной наружности, въ чалмѣ, въ полосато-апласномъ плащѣ (чуха), въѣзжаешъ въ двумя женами, съ сыномъ, съ сестрами, съ родными и съ дружиною. Онъ, свѣдавъ о приближеніи непріятельскаго войска, оспана-вливаешся у деревни Банья-Сапъ. Спаршины приносятъ ему на поклонъ барановъ; но онъ не принимаетъ ихъ — черпа, удивительная въ Азіи, гдѣ безъ пешкепа (даръ ш. е. взяпка) ничего не дѣлается. Приходитъ Омаръ-Садъ съ дружиною: человекъ самой глупой наружности, въ длинномъ красномъ кафтанѣ, держащій безмолвно саблю на плечѣ; начинаешся схватка, и нѣсколько всадниковъ убито. Но Испоріи, сраженіе происходило опъ восхода до полудня; но Тапары длащъ его для удовольствія, и капель по каплѣ наслаждающся въ печеніе десяти ночей, — и такъ всѣ слѣдующія делящъ супъ повшореніе одного и того же. Перейдемъ прямо къ окончанію.

Въ 11 часовъ мангалы воспламеняющся, толпы жужжащъ, какъ пчелы, и плоскія кров-

ли домовъ унизаны зрипельницами. Ощипанные ребяпишки смѣняющся кругами обнаженныхъ по поясъ, или только до полгруды Татаръ, копорые, схвапясь лѣвыми руками за кушакъ сосѣда, бьютъ себя въ грудь правыми изо всей силы и въ ладъ, припѣвая Арабскіе спихи, копорые напоминающся имъ грамошными, въ серединѣ прыгающими школьниками: эшо настоящіе бѣсы передъ заупреней. Изъ мечеши у главныхъ ворошъ выносятъ гробницу для Гуссейна: она сдѣлана на-подобіе мечеши съ двумя впереди минарешами: вся раззолочена, въ узоръ разноцвѣпною фольгою, металлическими цвѣтами, и внупри убрана золопными мониспами и пронизками, тысячи на при червонныхъ. Другой ходъ приближается снизу, неся изображеніе мечеши, въ копорой вѣнчался Мусселимъ на дочери Гуссейна, и каждая процессія ведетъ предъ собою богатоубранную лошадь, пробишную спрѣлами и окровавленную, на копорой лежатъ доспѣхи копораго нибудь изъ убишыхъ родсшвенниковъ Гуссейна. При вспрѣчѣ, плески въ грудь и крики усугубляющся, раздаются выспрѣлъ, и мулла кричитъ, чшо эшо конь

такого-по праведника. Ходы соединяются и продолжаютъ восходишь къ главной мечеши. До сихъ поръ все шло хорошо; одни только пробужденные ослы впустили дикому крику Тапаръ; но вдругъ, откуда ни возмись свинья! Она очень покойно почивала въ переулкѣ на кучѣ грязи, — когда шумъ и свѣшъ испугалъ ее: не зная, куда дѣшья, бѣдняга кинулась подъ ноги правовѣрныхъ, и шѣ, избѣгая прикосновенія нечиспаго живошнаго, бросились врознь. Боже мой, какая тревога! Бѣшенный быкъ на Невскомъ проспектѣ не сдѣлалъ бы столько шуму. Кто швырялъ въ нее камнемъ, кто пырлялъ ногой, кто гнался за нею съ кинжаломъ. Наконецъ непріятель съ визгомъ ретировался, и спокойствіе возстановилось. Мы уже у главной мечеши. На дворѣ главной мечеши толпы густѣютъ. Каждая процессія, вступающая сюда съ ружейнымъ выстрѣломъ, проводитъ коня. Двѣ гробницы и мечеши, пронесенныя съ торжествомъ, спаваясь къ споронѣ, — эшотъ видъ былъ дико-предешень! Вообразите себѣ тысячи Тапаръ, полуобнаженныхъ, съ голыми, брѣшными головами, копорые, въ припадкѣ изувѣрства, шер-

заюпъ себѣ грудь ударами и оглашаюпъ воздухъ крикомъ; вообразите себѣ багровый блескъ мангаловъ, кипящихъ нефшью, играющій на правильныхъ, но дикихъ лицахъ Азіяпцевъ, на пиканяхъ вѣющихъ знаменъ, на мшистыхъ спѣнахъ мечешъ, крышкой сидящими рядами женщинъ, закушанныхъ въ бѣлыя и пестрыя покрывала (чадры), и на яркой зелени огромныхъ деревъ, осѣняющихъ дворъ. Галлерея, полная зрителими, наиболѣе Русскими, блискаетъ множествомъ свѣтъ и зеркалъ. Фоншанъ, внизу ея текущій, окруженъ живописными толпами, черпающими ладонями воду, освѣжая себя отъ жару и изнеможенія; наконецъ луна, символъ Исламизма, сверкая порой сквозь облака и дымъ нефши, кажется, блѣднѣя глядя на поклонниковъ своихъ, перемѣшанныхъ съ Христіанами! Все это изумляетъ, поражаетъ васъ новостію и странностію своею; но чувство это минуетъ. За нимъ рождается досада на Магомешанское изувѣрство — непримиримаго, вѣчнаго врага всего добраго и полезнаго. Попомъ спавишся смѣшно смотрѣвъ на безвкусіе Татаръ, на смѣшеніе неопрятности и роскоши,

важності и глупості вмѣстѣ. Здѣсь вы видѣли оцѣпаннаго мальчика съ изрѣзаннымъ лбомъ, всего въ крови (*), рядомъ съ семидесятилѣтнимъ спарикомъ съ красною бородою (**); тамъ запачканный Тапаринъ, въ грязной рубашкѣ, умывается розовою водою! Счастливы мы, что племя, ошъ имени коего пренебрегла Европа, и предки наши ползали въ прахъ, — внушаютъ теперь только забавныя мысли; но еще будемъ счастливы, когда побѣдимъ ихъ предразсудки, и найдемъ въ нихъ брашій по просвѣщенію!! Но вопль предсавленіе возобновляется. Гуссейнъ, призывая Аллу во свидѣтели правоты своей — собирается въ бѣгъ; жены и маленькій сынъ Гассанъ удерживаютъ его; — онъ не слушаетъ, обнажаетъ саблю и кидается на Омаръ-Сада, котораго шолпа несправедливо называетъ

(*) Это нарезываютъ имъ ошцы кинжалами, въ знакъ печали. Взрослые набожные Тапары сперва прокалывали себѣ грудь, пронимали замокъ и носили дошоль, покуда не выгнѣетъ. Другіе вонзали по два кинжала въ руки.

(**) Здѣсь сѣдина всегда красится красною краскою: это Персидскій обычай.

Изиломъ. Раздаешся анахроническій выспрѣлъ изъ ружья, хопя тогда не знали пороха; и племянникъ падаешъ мершвый. Гуссейнъ перекидываешъ его чрезъ сѣдло, и привозишъ къ неушѣшнымъ женамъ своимъ, копорыя, позабывъ, что онъ переодѣтые мужчины, ревушъ какъ быки — и всеобщее хныканье съ кровель и съ паршерра опвѣчаешъ ихъ жалобамъ: люди всегда прогаюпся шѣмъ, чего не понимаюпъ. Замѣчапельно, что всѣ дѣйспвующія лица говоряшъ на распѣвъ. Грекамъ, вѣрояпно, съ Воспока доспались Рапсоды, да и самый Ипальянскій речипапивъ еспъ подражаніе Арабскому манеру чипашъ спихи. Наконецъ Гуссейнъ, хопя по сказкамъ и убилъ 1950 человекъ своею рукою, изнемогаешъ. Богъ знаешъ почему, ему приходишъ фанпашія поишъ груднаго сына своего водою; взявъ его на руки, онъ скачешъ (рысью) къ фоншану; но варвары, вмѣсто воды, даюпъ малюпкъ смершный ударъ. Новыя жалобы и новыя слезы у зрипелей. Въ это время прѣзжаешъ гонецъ съ письмомъ изъ Медины, опъ Гуссейновой дочери, копорая спрашиваешъ, все ли онъ въ добромъ здоровѣ. Вмѣсто опвѣща,

Гуссейнъ указываешъ на убишаго сына, и плачешъ вмѣстѣ съ присланнымъ. Вдругъ толпа разсупаешся: входящъ полдюжины голыхъ мальчиковъ, съ вычерненными рожами и съ пѣгими шѣлами: эшо духи (*diable, si je m'en doutais!* —) Джинни, копорые очень учшиво предлагающъ ему свои услуги. Гуссейнъ однако же не такой человекъ, чпобы сдружиться съ черпями очень двусмысленнаго поведенія: онъ опказываешся опъ такого союза, говоря, чшо ему довольно своей сабли. Гуссейнъ немножко похваспалъ, пошому, чшо чрезъ минупу выспрѣлъ сшибаешъ его съ лошади, и можеше представить, какой эффектъ производишъ эшо во веѣхъ, съ верху до низу, и вкось и вдоль! Все плачешъ на взрыдъ и я полагаю, чшо сердце мое было ожесточеннѣе сердца пигровъ, пошому, чшо глаза были сухи, (между шѣмъ, какъ сафьянный барсъ прибѣжалъ изъ пещеры, шо ешъ изъ погреба, плакашъ надъ гробомъ Гуссейна. Онъ выширалъ себѣ глаза; посыпалъ шѣло убишаго саманомъ (*) вмѣсто пепла, и вершѣлъ

(*) Саманъ ешъ крошенная солома. Она, вмѣстѣ съ ячменемъ, соспавляешъ обыкновенную пищу Азіятскихъ лошадей.

хвостомъ очень мило. Между тѣмъ взошло солнце, и два ангела въ бѣлой одеждѣ и въ бараньихъ шапкахъ слѣзли по деревянной лѣспницѣ, поминавъ покойника. Назади у нихъ поспряхивались крылья изъ павлиньихъ хвостовъ. »Не завиденъ же райскій шпашъ у Магомеша!« подумалъ я. Наконецъ Омаръ, которому все это наскучило, кажется, не мене моего, подбѣжалъ ко гробу — выкинулъ чалму — и погналъ вшаей женъ Гуссейна (*). Одна изъ нихъ убѣжала только — и пропала безъ вѣспи — счастливаго пупи, сударыня! Предсавленіе кончилось тѣмъ, что всѣ знамена, гробницы, и проч. и проч. попалили съ поржесивомъ обратно. »Кунакъ-яхши?« (хорошо ли, другъ?) спросилъ меня съ самодовольнымъ лицомъ одинъ Мулла. Чокъ-яхши (чрезвычайно хорошо,) отвѣчалъ я, зѣвая.

(*) Въ прежніе годы роль Омара spoiled полпи всегда жизни акшеру, и ему гоповили лихаго коня, чтобы избѣгнувъ народной ярости. Теперь плашавъ дорого за безобразіе въ этомъ лицѣ, и опъ шого мало охотниковъ признавъ себя всенародно уродомъ. —

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Первой Части.

Испытаніе	1
Замокъ Эйзепъ	135
Ночь на Корабль	175
Опрывки изъ рассказовъ о Сибири	201
Шахъ Гуссейнъ	249

Russkie pověsti i razskazy

Bd.: 1

Petersburg (1832)

P.o.rel. 3345-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036378-9